

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального
образования «Донецкий национальный университет»

На правах рукописи

БЕСПАМЯТНАЯ ЛИЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА

**СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА СУБСТАНТИВНЫХ ТЕРМИНОВ
КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ
И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Басыров Шамиль Рафаилович

Донецк – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ.....	15
1.1 Разграничение и определение понятий «термин», «не-термин», «терминосистема», «терминология», «номенклатура» в лингвистике.....	15
1.2 Термины-словосочетания как особый вид специальной лексики	24
1.3 Основные подходы к изучению терминологии и терминосистемы.....	29
1.4 Место терминологии кораблестроения в системе английского, немецкого, русского и украинского языков.....	37
1.5 Методика изучения субстантивных терминов кораблестроения в германских и славянских языках	50
Выводы к главе 1.....	54
ГЛАВА 2 СТРУКТУРА СУБСТАНТИВНЫХ ТЕРМИНОВ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ.....	57
2.1 Способы и пути образования СТК в английском, немецком, русском и украинском языках.....	57
2.1.1 Непроизводные (корневые) СТК.....	58
2.1.2 Аффиксация.....	59
2.1.2.1 Суффиксальные СТК.....	60
2.1.2.2 Префиксальные СТК.....	63
2.1.2.3 Полупрефиксальные СТК.....	65
2.1.2.4 Префиксально-суффиксальные СТК.....	66
2.1.3 Конверсия.....	66
2.1.4 Аббревиация.....	68
2.1.5 Словосложение.....	73

2.1.5.1	СТК-компози́ты немецкого языка.....	76
2.1.5.2	СТК-компози́ты английско́го языка.....	85
2.1.5.3	СТК-компози́ты русско́го и украи́нского языко́в.....	88
2.1.6	Сложнопроизводные СТК.....	91
2.1.7	Синтаксический способ.....	95
2.1.8	Семантическая деривация	115
2.1.9	Заимствование.....	119
2.1.10	Импли́цитная деривация.....	123
Выводы к главе 2.....		125
ГЛАВА 3 СЕМАНТИКА СУБСТАНТИВНЫХ ТЕРМИНОВ		
КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ,		
РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ.....		
		130
3.1	Тематическая классификация СТК.....	134
3.2	Лексико-семантические связи компонентов в структуре	
сложносоставных СТК.....		138
3.2.1	Акциональные СТК.....	139
3.2.2	Парти́тивные СТК.....	147
3.2.3	Орна́тивные СТК.....	149
3.2.4	Лока́тивные СТК.....	152
3.2.5	Эквати́вные СТК.....	155
3.2.6	Модалы́ные СТК.....	156
3.2.7	Конди́циональные СТК.....	159
3.2.8	Инстру́ментальные СТК.....	161
3.2.9	Субста́нциональные СТК.....	163
3.2.10	Агентивные СТК.....	164
3.2.11	Компа́ративные СТК.....	165
3.2.12	Фигура́тивные СТК.....	166
3.2.13	Рефе́ренциальные СТК.....	167
3.2.14	Посесси́вные СТК.....	168
3.2.15	Конститу́циональные СТК.....	168

3.2.16 Темпоральные СТК.....	168
3.2.17 Семантические типы СТК с адъективным зависимым компонентом.....	169
Выводы к главе 3.....	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	177
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	183
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	185
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.....	224
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА...	227
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	229
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	238

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена исследованию структуры и семантики субстантивных терминов кораблестроения (далее: СТК) в английском, немецком, русском и украинском языках, ср.: англ. *bullnose* ‘носовая киповая планка’; нем. *Schiffsaufbau* ‘надстройка судна’; рус. *корма эллиптическая*; укр. *судно парусне*.

Проблема изучения научно-технической терминологии как важной и неотъемлемой части лексики современных литературных языков является одной из важнейших как в теоретическом, так и практическом плане. Термины как органическая часть общелитературного языка (Б. Н. Головин [93], Р. Ю. Кобрин [171], Е. А. Макшанцева [226], А. В. Суперанская [310]) являются центральным элементом формирования и главным выразителем научного понятия. В теоретическом отношении научный интерес представляют исследование комплексной организации терминосистемы кораблестроения и ее статуса, анализ структурно-семантических свойств терминов и определение специфики данной терминосистемы.

Процессы глобализации современного общества требуют комплексного и системного изучения терминологии, служащей для осуществления межкультурной и межъязыковой коммуникации среди специалистов различных областей знаний. В этой связи особую значимость приобретают слова В. В. Виноградова о том, что история мировой науки, история человеческих цивилизаций, история культурного взаимодействия тесно связана с историей терминологии [61, с. 3]. Терминологические единицы занимают особое место в структуре всех развитых языков, не утрачивая связь с общеупотребительной лексикой. Терминология кораблестроения представляет собой определенным образом сформированную систему языковых единиц, прошедшую различные исторические пути становления и имеющую собственный набор лексических единиц, деривационных способов и моделей, а также средств их образования.

Своеобразие и специфика терминосистемы определенного языка проявляются наиболее четко при ее сопоставлении с аналогичными терминосистемами других

языков, позволяющим выявить общее и отличительное в структурно-семантической организации их языковых единиц.

Актуальность диссертационного исследования обуславливается:

- возрастающим интересом лингвистов к исследованиям терминологической лексики;
- глобализационными процессами в мировой экономике, технологии, производстве, а также динамичным развитием судоходства;
- важностью дальнейшей разработки проблем терминологической номинации как части общей теории номинации, поскольку семантические процессы, лежащие в основе формирования терминологического значения не получили достаточного теоретического осмысления;
- отсутствием комплексного и системного изучения терминов кораблестроения с точки зрения их семантической и структурной организации;
- необходимостью разработки модели сопоставительного описания семантической и словообразовательной структуры исследуемых языковых единиц в английском, немецком, русском и украинском языках.

Цель работы заключается в установлении и описании структуры и семантики СТК в английском, немецком, русском и украинском языках.

Достижение поставленной цели предполагает реализацию следующих **задач**:

- дать общую характеристику проблематики теории номинации, ее различных аспектов, ключевым понятиям терминоведения (термин, терминосистема, терминология и др.), а также определить взаимоотношение общеупотребительной и специальной лексики языка;
- разработать модель описания СТК в английском, немецком, русском и украинском языках;
- выявить корпус СТК в сопоставляемых языках;
- проанализировать морфологическую и словообразовательную структуру СТК в исследуемых языках, выявить способы их образования и структурные типы;
- установить степень продуктивности способов образования и структурных типов СТК в каждом языке;

- определить инвентарь словообразовательных средств, участвующих в образовании СТК, а также их активность;
- произвести тематическую классификацию СТК и определить продуктивность тематических групп;
- выявить типы лексико-семантической связи компонентов в структуре СТК-композиций и СТК-словосочетаний в сопоставляемых языках и установить степень активности каждого типа.

Связь работы с научными направлениями, планами, темами. Диссертация отвечает направлению исследований, которые разрабатываются на факультете иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» в рамках госбюджетной научной темы Министерства образования и науки ДНР № 17-1вв/74 «Единицы и категории в разноструктурных языках (лексика и словообразование)».

Объектом исследования являются субстантивные термины кораблестроения.

Предметом исследования выступают структура и семантика данных языковых единиц в английском, немецком, русском и украинском языках.

Материалом исследования послужили 9 682 СТК, из них в английском языке 2832 единицы, в немецком – 2638 ед., русском – 2143 ед., в украинском – 2 069 ед. СТК были отобраны путем сплошной выборки из толковых [417; 422; 425; 438; 439; 437; 440; 441; 442; 444], специальных (отраслевых) словарей [426; 430; 446; 448; 454; 455; 456; 463; 464], научных журналов [449; 450; 458-462; 467; 469-473; 476-480] и Интернет-ресурсов [447; 451-453; 457; 465; 466; 468; 475; 480; 481].

Методы исследования. Для комплексного и системного исследования СТК в настоящей работе использованы следующие методы и приемы лингвистического анализа: 1) *описательный метод*, который используется для комплексного представления полученных результатов; 2) *морфемный анализ*, целью которого является установление морфемного состава производных НЧИ; 3) *словообразовательный анализ*, направленный на определение словообразовательной структуры СТК; 4) *метод компонентного анализа* и *метод словарных дефиниций*, с помощью которых в семантической структуре СТК

выявляются общие и дифференциальные семы, и осуществляется т. о. тематическая классификация СТК; 5) *трансформационный метод*, который основывается на выведении сложных синтаксических структур из более простых путем преобразований (трансформаций); 6) *метод непосредственно составляющих* (НС), с помощью которого словообразовательная структура слова представляется в виде иерархии вложенных друг в друга элементов (непосредственно составляющих); 7) *этимологический метод* исследования закономерностей фонетических, морфонологических и морфологических изменений, а также анализа различных структурных элементов или значения слова; 8) *прием количественного анализа*, позволяющий определить степень продуктивности анализируемых единиц и их структурных элементов.

Методологической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области теории языка, номинации, терминоведения, словообразования и лексики: К. Я. Авербуха, Л. М. Алексеевой, Ю. Д. Апресяна, Ш. Р. Басырова, Р. А. Будагова, О. В. Величко, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Э. Вюстер, В. Г. Гака, Э. В. Генюшене, Б. Н. Головина, С. В. Гринева, В. П. Даниленко, Т. В. Дроздовой, А. Н. Зариповой, Е. М. Земской, М. Т. Кабрэ, В. Д. Калиущенко, Т. Л. Канделаки, Л. А. Капанадзе, П. М. Карашук, Т. Р. Кияк, Н. В. Клепиковской, С. М. Кравцова, Н. Н. Крючковой, Е. С. Кубряковой, А. Э. Левицкого, В. М. Лейчик, Д. С. Лотте, Л. Ортнер, М. В. Поповой, А. А. Реформатского, Г. В. Рябичкиной, Г. Г. Слышкина, М. Д. Степановой, А. В. Суперанской, В. И. Теркулова, И. С. Улуханова, В. Фляйшера, В. Хенцена, Т. Хербста, И. М. Чипан, Ю. А. Чунтомовой, Т. М. Шомаховой, М. Шульц, Л. В. Яровой [1; 2; 6; 12; 26; 55; 61; 63; 64; 66; 411; 82; 84; 89; 93; 94; 109; 113; 114; 115; 122; 138; 141; 371; 147; 148; 149; 150; 151; 153; 160; 164; 187; 192; 196; 199; 204; 207; 210; 211; 218; 219; 397; 267; 275; 277; 278; 284; 297; 305; 306; 310; 319; 320; 324; 378; 383; 384; 340; 342; 356; 403; 360] и др..

Проблемам изучения научно-технической терминологии, в том числе и терминологии кораблестроения, посвящен целый ряд диссертационных исследований, в частности, Л. В. Александровской [5], О. В. Величко [61],

М. Н. Володиной [77], Л. В. Горбаня [98], Т. Р. Кияк [159], О. Г. Козловской [178], Е. М. Мотузенко [243], С. А. Панкратовой [258] и др.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые на обширном языковом материале осуществлен комплексный структурно-семантический анализ СТК в четырех разноструктурных языках – английском, немецком, русском и украинском. В работе впервые представлено системное описание данных терминологических единиц, затрагивающее словообразовательный и семантический аспекты. Кроме того, новым в исследовании является выявление семантических типов СТК-композигов и СТК-словосочетаний, а также определение степени их продуктивности в каждом языке. В результате сопоставительного изучения СТК определен набор структурных типов данных терминологических единиц, инвентарь словообразовательных средств и степень их продуктивности в английском, немецком, русском и украинском языках, а также сформулирован ряд вероятностных межъязыковых обобщений имплекативного характера.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в комплексном анализе структуры и семантики терминов кораблестроения в английском, немецком, русском и украинском языках. Субстантивные термины кораблестроения представлены как системно организованная совокупность слов и словосочетаний, объединенная в единое целое на основе их функциональной и семантической общности. Выявленные закономерности и тенденции в структурной и семантической организации СТК могут способствовать дальнейшим сопоставительным и типологическим исследованиям.

Практическая ценность работы связана с возможностью использования ее результатов и эмпирического материала в курсах общего и сопоставительного языкознания (разделы «Морфология», «Лексикография», «Лексическая семантика», «Словообразование»), в спецкурсах, посвященных проблемам сопоставительной лексикологии, типологии и терминообразования. Полученные результаты могут найти применение на практических занятиях по научно-техническому переводу, а также при создании отраслевых словарей и учебных пособий.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Процесс обогащения терминосистемы кораблестроения субстантивными лексемами происходит при участии, с одной стороны, собственно терминов судостроения, с другой стороны, смежных отраслей знания (машиностроения, термодинамики, физики, химии, математики и др.), а также общеупотребительной лексики.

2. Терминология кораблестроения в английском, немецком, русском и украинском языках обнаруживает в своей структуре и семантике черты изоморфизма и алломорфизма.

2.1. Терминообразование СТК в сопоставляемых языках, в целом, осуществляется с использованием традиционных способов и путей словообразования (морфологическая, семантическая и синтаксическая деривация, словосложение, сращение, сокращение, конверсия, заимствование), словообразовательных моделей и словообразовательных средств.

2.2. Наиболее продуктивно СТК английского и славянских языков развиваются по моделям словосочетания (синтаксический способ), а СТК немецкого языка – по моделям словосложения.

2.3. Высокий удельный вес в терминосистеме кораблестроения (ТК) сопоставляемых языков занимает семантическая деривация (II-е место в каждом языке), а в славянских языках также заимствования (III-е место в каждом языке), что объясняется более высоким уровнем развития кораблестроения и судоходства в ряде европейских стран (Англия, Голландия) и контактированием этих стран.

3. В тематическом отношении СТК сопоставляемых языков распадаются на 12 групп, некоторые из которых обнаруживают сходство в своей продуктивности, в частности, СТК, обозначающие: а) конструктивные элементы и части корпуса судна (во всех языках); б) предметы и процессы, связанные с испытанием судна (в английском, русском и украинском языках); в) процессы кораблестроения; типы и виды судов; предметы и процессы, связанные с вентиляционной системой и системой трубопроводов; технические средства судна (в русском и украинском языках).

4. Семантические связи между компонентами сложносоставных СТК (композитов, словосочетаний) носят системный (регулярный) характер, которые можно описать по правилам трансформации.

5. Базовый (В) и зависимый (А) компоненты СТК-композитов и СТК-словосочетаний сопоставляемых языков в целом образуют 17 семантических типов, которые реализуются с разной степенью продуктивности (в немецком языке 17 типов, в русском – 15, в английском и украинском – по 14 типов в каждом языке).

6. Наиболее продуктивным семантическим типом во всех ТК является *акциональный тип*, характеризующийся наличием в их парафразах предикации «делать / совершать действие». Высокая продуктивность данного семантического типа объясняется, в частности: а) наличием большого набора семантических подтипов (11); б) разнообразием семантических ролей, в которых выступает зависимый компонент (аффицированный объект, эффицированный объект (продукт), действие); в) широким лексико-семантическим наполнением базового и зависимого компонентов.

7. Семантические типы СТК реализуются в сопоставляемых языках определенным набором структурных типов, в немецком языке – преимущественно композитами (95,8%), напротив, в английском и славянских языках – двукомпонентными словосочетаниями (англ. – 93,8%; рус. – 92,5%, укр. – 95,4%).

8. Наличие формальных и семантических особенностей СТК в германских и славянских языках позволяет сформулировать ряд вероятностных межъязыковых обобщений имплицативного характера:

8.1. Если в ТК есть СТК-композиты и СТК-словосочетания, то один из их компонентов является базовым (главным), а другой зависимым;

8.2. Если в ТК есть СТК-композиты и СТК-словосочетания, то между их базовым и зависимым компонентами, с большой долей вероятности, будут существовать семантические отношения акционального, партитивного, орнативного, локативного, модального, инструментального, агентивного, субстанционального, кондиционального типов.

8.3. Если в ТК есть СТК-композит или СТК-словосочетание с зависимым компонентом, выраженным глагольной основой, то велика вероятность того, что зависимый компонент (А) будет выражать действие, а данный СТК будет акциональным типом.

8.4. Если в ТК имеются партитивные СТК, то с большой долей вероятности в ней будут существовать и орнативные СТК, что обусловлено вариациями семантических ролей у их компонентов: зависимого компонента А (целое / часть целого или носитель признака / признак) и базового компонента В (целое / часть целого или носитель признака / признак);

8.5. Если в ТК есть многокомпонентные СТК-словосочетания, то велика вероятность наличия среди них комбинированных семантических типов;

8.6. Если СТК-композит или СТК-словосочетание допускают двоякую трансформацию, то возможно их отнесение к нескольким (обычно двум) семантическим типам.

Достоверность полученных результатов и выводов обеспечивается фундаментальной методологической базой, комплексным подходом к исследованию СТК, а также репрезентативным корпусом эмпирического материала, полученным из наиболее авторитетных источников. Полнота, точность и объективность результатов и выводов достигается соответствующим комплексом используемых лингвистических методов, приемов и методик.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования отражены в докладах на следующих конференциях и семинарах: Межвузовская конференция молодых ученых «Современные проблемы и перспективы исследования романских и германских языков и литератур» (Донецк, 2011), X Межвузовская конференция молодых ученых «Современные проблемы и перспективы исследования романских и германских языков и литератур» (Донецк, 2012), Межвузовская научно-практическая конференция «Проблемы комплексного подхода к изучению терминологической лексики в специализированном высшем учебном заведении (терминологическое словообразование)» (Днепропетровск, 2012), XI Межвузовская конференция молодых ученых «Современные проблемы и перспективы

исследования романских и германских языков и литератур» (Донецк, 2013), Региональная конференция «Язык и культура: мировые и европейские тенденции развития» (Севастополь, 2013), Международная конференция «Diachronie. Typologie. Kontrastive Linguistik: Empirische Untersuchungen zu germanischen, romanischen und slawischen Sprachen» (Донецк, 2013), Международная конференция молодых учёных «Современные исследования языка и литературы» (Донецк, 2015), Международная научно-практическая конференция «Инновационные технологии и креативность в исследовании и преподавании языков и культур» (Пятигорск, 2016), Международная научно-практическая конференция «Язык и культура в условиях глобализации» (Новосибирск, 2018).

Основные положения диссертации изложены в 17 единоличных публикациях, в том числе в 8 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях ДНР, России и Украины, в 9 международных публикациях и материалах научных конференций разных уровней.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав с выводами к каждой из них, заключения, списка условных сокращений, списка использованной литературы (413 позиций), списка лексикографических источников (33 позиции), список источников иллюстративного материал (35 позиции) и приложения. Общий объем работы составляет 244 страницы. Основной текст диссертации включает 178 страницы.

Во **введении** обоснована актуальность исследования, его научная новизна, сформулированы цель и задачи, определены объект и предмет исследования, охарактеризованы эмпирический материал и методы исследования, обозначены научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность диссертационного исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, представлены данные об апробации результатов, описана структура работы.

В **первой главе** «Теоретические основы изучения терминосистемы кораблестроения в разноструктурных языках» освещены различные подходы к определению понятий «термин», «не-термин», «терминосистема», «терминология», «номенклатура» в лингвистике, охарактеризованы термины-словосочетания как

особый вид специальной лексики, раскрыто место терминологии кораблестроения в системе английского, немецкого, русского и украинского языков, а также представлена методика изучения субстантивных терминов кораблестроения в германских и славянских языках.

Во **второй главе** «Структура субстантивных терминов кораблестроения в английском, немецком, русском и украинском языках» рассмотрены способы и пути образования СТК, выявлены их структурные типы, установлены мотивирующие основы, словообразовательные форманты, определена продуктивность словообразовательных способов и структурных типов СТК.

В **третьей главе** «Семантика субстантивных терминов кораблестроения в английском, немецком, русском и украинском языках» рассмотрена семантика СТК в сопоставляемых языках в следующих аспектах: проведена тематическая классификация СТК, установлена продуктивность тематических групп и подгрупп, выявлены и описаны смысловые типы СТК на основе лексико-семантических связей их компонентов, определена продуктивность каждого семантического типа, сформулирован ряд вероятностных межъязыковых обобщений имплицативного характера.

В **заключении** подведены итоги исследования, сформулированы выводы и намечены перспективы дальнейшего изучения данной проблематики

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

1.1 Разграничение и определение понятий «термин», «не-термин», «терминосистема», «терминология», «номенклатура» в лингвистике

На современном этапе развития лингвистики изучение терминологии как системы является одной из актуальных и наиболее важных задач. В последние годы заметно возрос интерес отечественных [76; 77; 78; 93; 94; 113; 114; 115; 207; 209; 211; 218; 219; 259; 310; 317; 318] и зарубежных лингвистов [365; 373; 374; 384; 399; 400; 404; 407] к проблемам терминологии и терминообразования. В работах ученых исследуются различные терминосистемы, которые возникают в результате глобализационных процессов мировой экономики, стремительного развития новых научных направлений, новых производственных и социальных реалий.

Терминология как наука официально начала свое существование в конце XIX – начале XX столетия. Впервые слово «термин» появилось в 1876 году в Германии [290, с. 16]. В одной из своих работ Г. Пауль отмечал, что «на известном уровне развития культуры возникает специальная терминология отдельных ремесел, искусств и науки, употребляемая преимущественно или исключительно представителями определенных профессий» [260, с. 67]. С 30–40 гг. XX столетия термин как отдельная лингвистическая единица выступает объектом специальных исследований. Информационный «взрыв» спровоцировал бурное развитие терминологии, отобразил изменения в науке, социально-экономической сфере и т. д. Таким образом, в терминологической единице просматривается тесная связь науки и языка, она выступает средством организации, упорядоченности, катализатором передачи знаний [150, с. 204].

У истоков отечественного терминоведения стоял А. А. Реформатский. В 50–60 гг. XX столетия вышли его первые труды по общей теории термина, что

обусловило резкое повышение интереса лингвистов к данной сфере языкознания. В его основной работе «Что такое термин и терминология» (1959) были изложены многие ключевые понятия терминоведения, которые по сей день не утрачивают своей актуальности. В этой связи целесообразно вспомнить определение термина, которое приводит русский ученый А. А. Реформатский: «Термины – это слова, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей <...> Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии». Сама терминология представляет собой, по мнению автора, «совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания, образующая особый сектор лексики, наиболее доступный сознательному регулированию и упорядочиванию» [277, с. 110–111].

В последние десятилетия наблюдается увеличение теоретического и практического интереса к профессиональным подсистемам разных языков и терминосистем. Возникает потребность исследования и детального анализа элементов и конструкций той или иной терминологической системы, особенностей ее функционирования, специфики и уровня продуктивности ее элементов. Рассмотрению теоретических вопросов терминологии, в которых изучались строение и процессы формирования терминологий и терминосистем, в том числе и факторы, влияющие на становление и развитие терминологий, посвятили свои работы такие отечественные ученые как: В. В. Виноградов, М. Н. Володина, В. Г. Гак, Б. Н. Головин, С. В. Гринев, В. П. Даниленко, А. С. Дьяков, И. С. Квитко, Т. Р. Кияк, В. М. Лейчик, Т. И. Панько, С. Д. Шелов [64; 77; 82; 93; 109; 113; 114; 121; 158; 160; 161; 211; 259; 353]. Проблемы теории термина разрабатывались также в трудах О. С. Ахмановой, Г. О. Винокура, А. С. Герда, Р. Ю. Кобрина, Д. С. Лотте, Г. П. Немца, А. В. Суперанской, В. А. Татарина [414; 66; 91; 171; 219; 249; 310; 317] и др.

Вопросам терминологической лексики посвящены и работы зарубежных авторов, в том числе немецких и английских авторов, в частности: Р. Арнцт, Ф. Вальтер, Э. Вюстер, В. Эванс, Х. Пихт, С. Райнхарт, Т. Хербст, Л. Хоффман, М. Хундт, Б. Фабер, Х. Фелбер, Ч. Филлмор, Э. Шульце [365; 407; 441; 373; 399;

400; 384; 385; 374; 375; 377; 404] и др.

Анализ теоретических работ свидетельствует о разных подходах исследователей к трактовке понятия «термин». До настоящего дня в терминоведении отсутствует четкое и однозначное определение понятия «термин» как языковой универсалии, что не в последнюю очередь связано с многогранностью этого феномена [245, с. 48]. В целом, различные дефиниции этого базового понятия взаимодополняют друг друга, хотя каждый исследователь выделяет в нем определенный аспект и предлагает свои критерии для его определения. Вместе с тем, наличие различных точек зрения в науке дает возможность их анализа, делает необходимым выбор наиболее общих формулировок и обоснования рабочего определения термина, используемого при решении задач настоящего исследования.

Сегодня существуют два основных подхода к определению термина как особой лексической единицы: *функциональный* и *субстанциональный*.

Сторонники субстанционального подхода [5; 113; 93; 160; 219; 263] придерживаются мнения, что термины представляют собой особые слова или словосочетания. Их отличие от других номинативных единиц состоит в том, что термины характеризуются моносемантичностью, точностью, системностью, контекстуальной независимостью и эмоциональной нейтральностью. В этой связи примечательно определение В. П. Даниленко, который под термином понимает слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием научного или производственно-технического понятия, которое требует своей дефиниции [113, с. 15].

Более четкое определение термину дает Б. Н. Головин: «[...] это слово или словосочетание, которое имеет специальное значение, выражает и формирует профессиональное понятие и используется в процессе познания и освоения научных, профессионально-технических объектов и отношений между ними» [93, с. 5].

Д. С. Лотте, который уделял особое внимание проблемам терминотворчества, считал, что работа по упорядочению технической терминологии необходима для устранения ее существенных недостатков: многозначности, синонимии, неточности,

наличии терминов, которые не имеют твердо фиксированных значений, лишней загруженности иноязычными терминами, отсутствием систематичности в построении терминов [219, с. 8].

Наиболее полным представляется трактовка понятия «термин», приведенная А. С. Дьяковым, Т. Р. Кияком и З. Б. Куделько: «Термин – слово или словесный комплекс, которые вступают в системные отношения с другими словами или словесными комплексами и образуют вместе с ними в каждом отдельном случае и в определенное время замкнутую систему, которая характеризуется высокой информативностью, однозначностью, точностью и экспрессивной нейтральностью» [121, с. 204].

Отметим, что попытки признать субстанциональность главным основанием выделения терминов в лексической системе приводят некоторых исследователей к неутешительным выводам. Так, Т. Н. Кучерова считает невозможным разграничение терминологической и общеупотребительной лексики из-за размытости границ между ними и наложении их друг на друга [202, с. 46].

И. С. Моисеев [239], вслед за С. В. Гриневым [108], выделяет консубстанциональные термины, представляющие собой одновременно слова общеупотребительного языка и лексические единицы специальной сферы.

Многие лингвисты придерживаются функционального подхода при определении термина [63; 66; 108; 151; 206; 211; 239; 414]. Суть данного подхода наиболее четко сформулировал Г. О. Винокур, полагавший, что «в роли термина может выступать любое слово... Термины – это не особые слова, а слова в особой функции» [66, с. 5].

Менее четко на этом фоне выглядит определение В. М. Лейчика. Он выдвигает идею деривационной связи терминологии и слов общего употребления и отмечает, что «термин – это сложное, многослойное образование, состоящее из языкового субстрата – материально идеальных элементов определенного естественного языка, логического субстрата, зависящего от признаков обозначаемого понятия, и терминологической сущности, которая включает концептуальную, функциональную и формальную структуру, представленную терминологическими элементами» [208, с. 28].

Лаконичное определение термину находим у О. С. Ахмановой: «Слово или словосочетание специального (научного, технического и т. д.) языка, которое образовано, получено или заимствовано для точного выражения специальных предметов [414, с. 95–96].

По мнению В. В. Виноградова, «между словарем науки и словарем быта – прямая тесная связь. Всякая наука начинается с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка» [63, с. 23]. Сходную точку зрения высказывает и Р. А. Будагов, считая, что переосмысление слов литературного языка является активным способом создания терминов [54, с. 31].

Исходя из выше сказанного, становится очевидным, что, несмотря на некоторые различия в подходах к определению термина и его дефиниции, в целом, среди лингвистов наблюдаются определенные сходства в трактовке функций и основных характеристик термина, а именно:

1. Основной функцией термина является выражение (наименование) научного понятия. Данная функция является необходимым признаком терминологичности лексической единицы. Исследование семантики термина тесно связано с понятием, которое оно выражает. Термин называет некий объект, предмет или явление особым образом, концентрируясь на логической стороне его значения, сводя его к набору понятийных признаков [290, с. 14]. В связи с этим В. М. Лейчик справедливо отмечает, что «в процессе всех видов деятельности человек неизбежно дает наименования объектам, обозначает и выражает понятия. Способность термина к обозначению является его важнейшим признаком» [211, с. 4]. Отсюда можно заключить, что основное отличие термина от не-термина состоит в том, что первый представляет предмет объективно, без какой-либо эмотивной или оценочной характеристики, репрезентируя понятие о классе объектов, в то время как не-термин номинирует объект чаще всего субъективно, т. е. не только называет объект, но и характеризует его.

2. Важной особенностью семантики термина является его дефинитивность. В отличие от обычного слова (не-термина), научный термин выступает не просто

как средство четкого обозначения, а как средство логического определения, т. е. он выполняет дефинитивную функцию [64, с. 16]. Благодаря именно этой функции в полной мере раскрывается набор существенных признаков понятия (явления), обозначенного термином. На этот существенный признак указывают в своих работах также Р. А. Будагов [54, с. 3–10], А. С. Герд [91, с. 14–32], С. В. Гринев [109]; К. Л. Левковская [206], Л. А. Капанадзе [150], В. П. Даниленко [113], А. И. Моисеев [239, с. 137], А. А. Реформатский [277, с. 103], М. И. Фомина [329] и др. В этом контексте показательной является т. зр. К. Л. Левковской: «Среди однозначных слов особенными словами относительно значения и употребления являются термины, поскольку они вместе с номинативной функцией (функцией обозначения тех или иных явлений), которую выполняют и другие слова, выделяются также и своей дефинитивной функцией (функцией обозначения соответствующего понятия) [206, с. 197].

3. Непосредственную связь с дефинитивной функцией обнаруживает признак системности (или систематичности) термина. Значение термина как элемента знания проявляется в совокупности всех его системных связей с другими терминами [219, с. 15–16; 277, с. 119]. Заметим, что данный признак получает у разных исследователей разную трактовку: как классификационная сущность [109, с. 56], как словообразовательная системность [278, с. 54], как двойная системность (термин как элемент терминологической системы, с одной стороны, и как элемент языковой системы – с другой) [64, с. 43]. Систематичность любой терминологии основана на систематизации понятий, исходя из которых выделяются необходимые понятия, которые заключены в термине, после чего отбираются слова или их составляющие для образования терминов. Систематичность термина способствует определению его места в терминосистеме, связи с другими понятиями, соотношению с определенной логической категорией понятий. Добавим, что существует и иной взгляд на системность термина. Так, С. В. Гринев полагает, что о системности можно говорить лишь тогда, когда формирование терминосистемы завершено и все связи в ней отчетливо обозначены [109, с. 128].

4. Специфика терминологического понятия отражается также в наличии еще

одного релевантного признака – точности, который, в свою очередь, обеспечивает точность дефиниции и ее соответствие термину [66, с. 33; 109, с. 121; 206, с. 99; 218, с. 39; 239, с. 138; 277, с. 110; 259, с. 23]. Точность (или однозначность) термина подразумевает четкость, ограниченность понятия. В этой связи С. Н. Виноградов пишет: «Точность терминопотребления – не просто свойство, присущее термину изначально, а результат процесса познания, усилия мысли, тщательного отбора формулировок. Другая сторона этой проблемы – оптимизация [64, с. 20]. С точки зрения отображения содержания термина, точность термина означает, что в его дефиниции есть необходимые и достаточные признаки обозначаемого понятия. Термин должен отражать признаки, по которым возможно отличить одно понятие от другого. Термин не должен быть многозначным, омонимичным, синонимичным, его структура должна четко передавать содержание понятия или его отличительные признаки [64, с. 20].

5. Важным признаком термина является также его контекстуальная независимость. Еще основоположник отечественного терминоведения А. А. Реформатский подчеркивал, что термину не нужен контекст, поскольку он связан с терминологическим полем, которое заменяет собой контекст [277, с. 51]. Схожего мнения придерживается и А. И. Крылов, утверждая, что «принцип независимости термина от контекста скорее означает требование того, чтобы термин всегда одинаково понимался представителями одной профессии, чтобы его однозначное толкование обеспечивала система научных понятий, а не лексико-семантическая система языка» [194, с. 90–91]. Данная позиция имеет место, однако, если термин соответствует всем необходимым другим требованиям.

6. Одним из существенных и отличительных признаков термина является его эмоционально-экспрессивная нейтральность [138, с. 81; 148, с. 60–61; 209, с. 104]. Эту функцию термина четко охарактеризовал А. А. Реформатский: «Термин точный и холодный, и сфера экспрессии для термина находится за пределами терминологии» [275, с. 52]. Следует отметить, что в кругу лингвистов в отношении этого свойства термина ведется полемика. Одни лингвисты полностью отрицают стилистические функции термина, другие придерживаются мнения их

ограниченного использования. Так, А. И. Моисеев утверждает, что термин может приобретать эмоционально-стилистические качества только «в несобственных условиях и контекстах их употребления» [239, с. 138]. Схожей точки зрения придерживаются М. Н. Володина [77], Р. Г. Пиотровский [265], В. Н. Прохорова [273] и др.

7. Т. Р. Кияк в своей работе «Лингвистические аспекты терминоведения» к перечню требований к термину относит также критерий краткости [159]. Заметим, что данное требование нередко вступает в противоречие с требованием точности и полноты [43, с. 13; 211 с. 15].

На нынешнем этапе терминообразования актуальным является наличие большого количества сложных (громоздких) терминов, основной задачей которых является передача нескольких признаков обозначаемых ими понятий. Зафиксирована тенденция (*Прим.* результаты нашего исследования подтверждают её – Л. В.) к образованию двух-и поликомпонентных терминов-словосочетаний. При помощи подобных сложных образований термин может передавать большее количество признаков специальных понятий и тем самым увеличить степень семантической мотивированности термина (например, *судно – крупногабаритное судно, линейное судно, судно на воздушной подушке* и т.д.)

Для стандартизации любой терминосистемы принципиальное значение имеет разграничение термина и не-термина, поскольку не-термины не обладают прямым языковым происхождением, не имеют понятийности. Напротив, научно-технический термин, является обязательным «названием понятия» [64, с. 5–6] и обладает, как уже было выше отмечено, дефинитивной функцией, что подтверждает необходимость мотивированности терминов. При этом следует заметить, что последнее не является характерной чертой номенклатурных единиц (см. об этом, например, в работах Т. Канделаки [148], А. А. Реформатского [278], Л. Д. Хаютина [331]). Впервые вопроса о соотношении термина и номенклатуры был затронут Г. О. Винокуром, который под номеном понимал «систему абсолютно абстрактных и условных символов, единственное предназначение которых заключается в том, чтобы максимально точно дать удобные с

практической точки зрения средства для обозначения предметов, вещей без прямого отношения к потребностям теоретической мысли, которая оперирует этими вещами [67, с. 223]. Таким образом, к номенклатурным единицам относятся разные виды оборудования, машин, типы конструкций, марки изделий и т.д. Подтверждая эту мысль В. М. Лейчик отмечает, что «... номенклатурой может быть названа система обозначений классов предметов, которые входят в один однородный ряд сознательно выбранных внешних признаков этих предметов... Номенклатура является промежуточным, соединительным звеном в ряде номенклатурных единиц – между терминами и именами собственными [209, с. 24]. Можно допустить, что номены отличаются от терминов также и своим уровнем идиоматичности, поскольку значение номенклатурных единиц практически не находит своего отображения во внутренней форме, т. е. функции номенов нередко аналогичны функциям существительных (ср.: нем. *T-Profil* ‘тавровый профиль’, англ. *L-bar* ‘угловая сталь’).

О четком разграничении понятий «терминология» и «номенклатура» пишет также Т. Д. Хаютин в книге «Термин, терминология, номенклатура» [331]. Автор отмечает, что «номенклатура» входит в состав терминологии, но их противопоставление является целесообразным. Номен выступает как относительно произвольный «ярлык» предмета, конвенционально «прикрепленный» представителями соответствующей области знаний, который не претендует на раскрытие или хотя бы частичное отображение в его форме лексического значения [331, с. 27]. Поэтому, рассмотрение номена как сложного слова, состоящего из двух мотивированных частей (графемной и цифровой), считается достаточно спорным. В любом случае неоспоримым является тезис о том, что решение нормализации номенклатурных образований не относится в целом к компетенции лингвистики. Нормы в сфере оригинальных знаков, символов, номенклатур не имеют непосредственной связи с нормами языка (за исключением норм орфографии) и устанавливаются не лингвистами, а, в первую очередь, специалистами данной области науки и техники.

Открытым остается вопрос и о *категориальной принадлежности терминов*.

В целом лингвисты признают тот факт, что в функции термина могут употребляться практически все части речи. Так, В. П. Даниленко отмечает, что термином вместе с существительными могут быть и другие части речи: прилагательное, глагол, наречие. Принципиальная возможность других частей речи быть терминами не уменьшает, однако, ведущей роли существительных с их репрезентативной функцией [113, с. 68].

Не вызывает сомнения и включение прилагательных в ту или иную терминологию, что подтверждается словами Г. О. Винокура: «Неспособность прилагательного функционировать в языке самостоятельно связана с определительной функцией прилагательных в любых сферах употребления и присуща не только терминологии [66, с. 45]. Данный тезис актуален и для глаголов, поскольку терминами могут быть переданы понятия не только о предметах и явлениях, но и о действии и качестве [113, с. 11].

Для настоящего исследования, предметом которого являются субстантивные термины кораблестроения, вопрос о категориальной принадлежности терминов является существенным, и по причине анализа семантических связей и структурных компонентов (см. ниже главу 3).

1.2 Термины-словосочетания как особый вид специальной лексики

Принципиальным остается вопрос о разграничении терминов-слов и терминов-словосочетаний. В современном терминообразовании синтаксический способ словообразования, в результате которого образуется термин-словосочетание, является одним из наиболее продуктивных способов. Так, по подсчетам С. В. Гринева, с помощью синтаксического способа «образуется 60–95% состава различных исследованных терминологий европейских языков» [109, с. 141]. Одной из причин его распространения можно считать углубление научной мысли и усложнение человеческого научного знания, что связано, прежде всего, с ускорением научно-технического прогресса. Результаты, полученные в ходе нашего исследования, подтверждают данную тенденцию.

Вопрос о размежевании простых терминов и терминов-словосочетаний обретает особое значения в процессе стандартизации терминологической лексики и его решение возможно только с использованием комплекса собственно терминоведческих, логических, систематических и лингвистических критериев.

С терминоведческой точки зрения все термины можно разделить на основные, представляющие базовые и основные понятия терминосистемы (*судно, корабль, корма, борт, мачта, палуба, якорь* и др.), производные и сложные (*кораблестроение, мачта-полумачта, судно-носитель, крупногабартиное судно, правый борт, ложкообразная корма*), а также термины, привлеченные из смежных наук (например, физики - *теплоизоляция, амортизация, вибрация*), но необходимые для построения терминов данной отрасли. Очевидно, что сложные и производные термины представлены преимущественно словосочетаниями. При этом, необходимо учитывать понятие терминоэлемента. Понятие «терминоэлемент» ввел Д. С. Лотте, который писал: «... любой термин-словосочетание, или термин-слово или, наконец, часть (частичку) термина-слова, неделимые в термино-логически-смысловом отношении, мы будем называть элементом термина» [219, с. 88].

Термин состоит из одного или нескольких терминоэлементов, каждый из которых соотносится с понятием или признаком понятия определенной системы понятий – данной, базовой или смежноотраслевой [219 с. 50]. Таким образом, возникает вопрос об оптимальной длине термина, которая связана с формальным признаком оптимальной его структуры, иначе говоря, с оптимальным набором терминоэлементов. Идеальной признается такая структура термина, при которой связи между терминоэлементами однозначно и четко отображают связи между понятиями [219, с. 50].

В. В. Виноградов сближает слово и словосочетание на основе единства неличной функции: «Словосочетание – это сложное наименование. Оно несет ту же номинативную функцию, что и слово» [63, с. 12]. При этом ученый подчеркивал, что номинативная функция словосочетания отличается от номинативной функции слова, поскольку словосочетание – это сложное и более конкретное наименование.

Определенные сложности возникают и при разграничении словосочетаний и предложений. Проблематике данного вопроса посвящены работы таких лингвистов как В. В. Виноградов [63], Н. Г. Дмитриев [120], А. А. Шахматов [348] и др.

По мнению В. В. Виноградова, словосочетание и предложение представляют собой качественно различные категории [63]. Словосочетание не обладает таким признаком предложения как коммуникативность, не имеет законченное содержание и интонацию законченности, а также не обладает категориями модальности, темпоральности и персональности. Таким образом, предложение – основная коммуникативная единица речи; напротив, словосочетание, как и слово – номинативная единица и в качестве таковой представляет собой строительный материал для предложения.

А. А. Шахматов причислял предложение к разряду законченных словосочетаний, выделял в его составе независимые словосочетания (подлежащее и сказуемое) и зависимые (второстепенные члены) [348]. Ученый полагал, что через предложение осуществляется связь языка и мышления, и именно предложение является предметом синтаксиса, как особой лингвистической дисциплины. Сходные мысли находим и в работе Н. Г. Дмитриева, отмечавшего, что «синтаксическое сочетание, части которого не осознаются нами как внутренне связанное подлежащее и сказуемое следует рассматривать не как предложение, а как словосочетание [120, с. 203].

Тем не менее, признание словосочетания термином в настоящее время является неоспоримым фактом. К одним из основных признаков термина-словосочетания относится также его семантическая целостность. В этой связи наиболее существенной является характеристика терминологического словосочетания как производного, стойкого, семантически целостного образования, неспособного быть расчлененным на самостоятельные термины без утраты значения, которое оно отображает.

В отличие от свободного синтаксического сочетания в речевом контексте отдельных терминов, каждый из которых сохраняет свое самостоятельное значение, терминологическое словосочетание создано на основании конкретных

семантико-номинативных и функционально-коммуникативных изменений вследствие терминологизации.

В. П. Даниленко справедливо указывает на то, что термины-словосочетания наиболее информативны, поскольку «с их помощью можно выразить наибольшее число необходимых признаков термина» [113, с. 13]. Терминологические словосочетания наиболее полно отражают необходимые отличительные признаки именуемого понятия: «Терминами-словосочетаниями легче <...> передать принадлежность классификационному ряду, основанному на родо-видовом соотношении понятий» [114, с. 132]. Вместе с тем В. П. Даниленко отмечает, что термины-словосочетания имеют такие недостатки как громоздкость и схожесть с определением [114, с. 12].

Для идентификации слова и словосочетания как термина кораблестроения мы опирались на мнение Б. Н. Головина о том, что «если единица языка, обозначающая родовое понятие – термин, то и все единицы языка, обозначающие соответствующие видовые понятия, – также термины» и наоборот, «если единица языка, обозначающая видовое понятие, – термин, то и единица языка, обозначающая соответствующее родовое понятие, – также термин» [93, с. 63]. В соответствии с этим, если в нашем материале *судно* – термин, то должны быть признаны терминами и его словосочетания типа *двухпалубное судно*; *судно на воздушной подушке*; *кабатажное судно*; *трейлерное судно* и т. п. Подобные номинатемы со структурой словосочетания передают сложные в семантическом плане специальные понятия, фиксируя существенные признаки, поэтому являются «... предельно мотивированными обозначениями с гораздо более четкой семантикой, чем термины остальных структурных типов» [351, с. 83]. Традиционно простыми словосочетаниями считают сочетание двух знаменательных слов, а сложными – многокомпонентные словосочетания с тремя и более компонентами.

По мнению ряда исследователей (Г. О. Винокур [66], В. Г. Гак [83], С. В. Гринев [109], В. П. Даниленко [114], А. А. Реформатский [278] и др.), функцию номинации терминов словосочетаний априори выполняет субстантив, поскольку категория существительного, благодаря своей номинативной функции,

в наибольшей мере выполняет роль термина.

Большой вклад в изучение синтаксиса словосочетания внесли отечественные ученые, в частности А. Н. Баскаков [24], Н. К. Дмитриев [120] и др. Так, А. Н. Баскаков классифицирует словосочетания по четырем основным признакам: 1) структурному (простые и сложные); 2) морфологическому, т. е. по принадлежности членов словосочетаний к той или иной части речи, выделяя т. о. именные и глагольные словосочетания; 3) синтаксической функции словосочетания (субстантивные и атрибутивные); 4) по характеру синтаксических связей (притяжательные и не-притяжательные) [24].

Терминологическое словосочетание рассматривается как средство аналитической терминологической деривации, которое номинирует явление объективной действительности, дает ему дефиницию и характеризуется устойчивостью, воспроизводимостью и семантической целостностью.

Итак, на сегодняшний момент не существует единого мнения лингвистов в определении сущности термина, его основных признаков и функций, вследствие чего, отсутствует и четкая дефиниция термина, которая устраивала бы всех специалистов в области терминоведения. В этой связи целесообразно упомянуть замечание О. В. Луновой о том, что для создания полноценной дефиниции понятия «термин» необходимо учитывать механизмы образования термина, наличие или отсутствие у него семантической цельности, а также принадлежность к определенной терминосистеме, так как термин приобретает реальное значение лишь в рамках терминологии соответствующей области знаний [223].

В настоящем исследовании в качестве рабочего определения термина используется следующая дефиниция: Термин – это общепринятое частное слово (словесный комплекс), характеризующееся единством звукового облика и соотнесенного с ним понятия в системе понятий данной области знания и деятельности, и отличающееся от остальных номинативных единиц системным характером, семантической целостностью, контекстуальной независимостью, моносемантической и стилистической нейтральностью [245, с. 49].

1.3 Основные подходы к изучению терминологии и терминосистемы

Термин является составной частью «терминологии» и «терминосистемы». Разные определения лингвистами понятия «термин» привело к появлению разногласий и в понимании понятий «терминология» и «терминосистемы».

Различают три основных направления в восприятии понятия «терминологии»:

- 1) терминология – это составная часть лексики литературного языка;
- 2) терминология является автономным разделом лексики языка, которая имеет мало общих черт с литературным языком;
- 3) терминология – не язык, а система искусственно образованных знаков [288, с. 202].

Как и в случае с определением понятия «термин», здесь выделяется несколько подходов для обозначения разноструктурных совокупностей терминов: функциональный и нормативный.

Представители функционального подходы (О. С. Ахманова [404], В. В. Виноградов [62], Г. О. Винокур [66], Л. А. Капанадзе [151], В. М. Лейчик [207; 210], К. Л. Левковская [206], А. И. Моисеев [239], С. В. Гринёв [109] и др.) настаивают на противопоставлении специальных понятий и общеупотребительной лексики, что со своей стороны вызывает необходимость разграничения сферы фиксации и сферы функционирования специальных лексических единиц. При принятии теории о наличии этих двух сфер актуализируется проблема упорядочения совокупностей терминов различных областей знаний. Решение данной проблемы может быть найдено при нормативном подходе к исследованию как в целом терминологии, так и выделяющихся в ней терминологических полей. Суть данного подхода, сторонниками которого являются Д. С. Лотте [219], А. А. Реформатский [275; 277], В. П. Даниленко [114], А. В. Суперанская [310], Т. Л. Канделаки [148; 149], Б. Н. Головин и Ю. Р. Кобрин [93], В. А. Татаринцов [317], С. В. Гринев [109], В. М. Лейчик [210] и др, состоит в дифференцированном рассмотрении совокупности языковых и речевых единиц, обслуживающих специальную

коммуникацию в отдельных областях знания [288, с. 203].

В «Словаре лингвистических терминов» терминология определяется как «совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания, образующую особый сектор (пласт) лексики, наиболее легко поддающийся сознательному регулированию и упорядочению» [414, с. 474], т. е. понятие «терминология» связывается с определенной областью знаний. При этом О. С. Ахманова различает терминологию научную и терминологию техническую, что свидетельствует о том, что признак принадлежности совокупности специальных лексических единиц одной определенной области не является первостепенным. В связи с этим целесообразно использовать для анализа совокупности специальных номинаций определенных отраслей знаний термин «терминологическое поле».

Если терминологию и терминологическое поле логично различать по признаку соотнесенности / несоотнесенности с одной областью знания, то терминологическое поле и терминосистему, видимо, следует разграничивать по признаку синхронной упорядоченности (системности) / неупорядоченности (асистемности) составляющих их элементов [288, с. 203–204].

Однако и в отношении трактовки понятий «терминология» «терминосистема» среди отечественных лингвистов также отсутствует единство мнений. Так, Ф. М. Березин [31], М. Н. Володина [77], Б. Н. Головин [93], В. П. Даниленко [114] не рассматривают понятия «терминология» и «терминосистема» отдельно друг от друга, обосновывая данную позицию тем, что не связанных между собой и неорганизованных скоплений терминов быть не может. При этом Б. Н. Головин мотивирует данную точку зрения следующим образом: «... терминология системна, прежде всего, потому, что системен мир, отдельные стороны и участки которого она, терминология, отражает и обслуживает» [93, с. 43]. Аналогичное мнение высказывает М. Н. Володина, считая, что «терминология конкретной научной области – это не просто совокупность (список) терминов, а семиологическая система, т. е. выражение определенной системы понятий, в свою очередь, отражающей определенное научное мировоззрение» [77, с. 30]. Данную позицию

можно считать абсолютно оправданной только в том случае, если согласится с мнением, что в состав терминологии (терминологического поля) входят исключительно термины.

Противоположной точки зрения придерживаются такие ученые как К. Я. Авербух [2], О. В. Борхвальдт [52], Р. Ю. Кобрин [171], В. М. Лейчик [208] которые четко разграничивают понятия «терминология» и «терминосистема». Терминосистема рассматривается данными авторами как более организованная по сравнению с терминологией система, включающая стандартизированный набор терминов с зафиксированными отношениями между ними. При этом В. М. Лейчик представляет терминосистему как специально сформированную совокупность терминов, удовлетворяющих языковым, логическим и собственно терминологическим требованиям [209, с. 20]. Для преобразования терминологии в терминосистему необходима нормативная работа, которая подразумевает системный анализ всех слабых сторон терминологии и выработку способов их устранения. Нормативный подход применяется также и для освоения терминологией конкретной области знаний.

О. В. Борхвальдт полагает, что «... для формирования терминосистемы необходим достаточно высокий уровень развития науки и техники, необходимо наличие научной, учебной и справочной литературы, институтов передачи научных знаний и опыта. Если терминология складывается стихийно, то для создания терминосистемы необходимы сознательные усилия специалистов по упорядочению терминов, устранению «недостатков» терминологии, из которых «вырастает» терминосистема» [52, с. 81].

Подытоживая сказанное выше, отметим следующее. Терминология является базой для формирования и становления стандартизированного комплекса специальных понятий – терминосистемы. Основным критерием для разграничения терминологии и терминосистемы можно считать тот факт, что терминология образуется стихийно в процессе становления той или иной области знаний, а терминосистема складывается искусственно и сознательно.

В рамках терминологии существуют определенные лексико-семантические

группы (ЛСГ), члены которых совместно обозначают тематически связанные объекты и их признаки. При этом структура данных ЛСГ абсолютно идентична структурам ЛСГ общеупотребительного языка; в них используются аналогичные словообразовательные модели, выявляются процессы частичной синонимии и полисемии и т. д. Таким образом, терминология – это языковое образование прагматического типа, представляющее собой стихийно сложившуюся совокупность лексических единиц, обладающих семантической общностью и сходством (близостью) формальной структуры, элементы которой совместно функционируют в одном из языков для специальных целей (ЯСЦ), обозначая общие понятия области знаний и / или деятельности, обслуживаемой данным ЯСЦ [211, с. 116]. Добавим, что терминология традиционно рассматривается также как наука о терминах.

Терминосистема имеет сложную иерархическую структуру. Ввиду того, что термины представляют собой лексические единицы определенного языка для специальных целей, ее можно характеризовать как естественно-искусственное образование. Терминосистема представляет собой языковую модель специальной области знаний и / или деятельности, элементами которой выступают слова и словосочетания определенного языка для специальных целей какого-либо естественного языка, а ее структура в целом адекватна структуре системы понятий некоторой теории [211, с. 129].

Ключевым моментом в дефиниции терминосистемы является ее определение как унифицированной и нормированной системы (Р. Ю. Кобрин [171], К. Я. Авербух [2]). Вместе с тем нельзя рассматривать терминосистему исключительно как набор лексических единиц сферы фиксации, поскольку специальные словари и справочники помимо терминов могут включать профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, которые не относятся к единицам высоких уровней классификационной иерархии.

Таким образом, терминология и терминосистема являются разными совокупностями терминов, которые наделены различными функциями. Относясь к определенной отрасли специальных знаний, термины теряют за ее пределами свою специализирующую функцию. В структуре терминосистемы термин

приобретает типичные признаки терминологической единицы, а именно: системность, однозначность, точность и стилистическую нейтральность.

Термин должен быть нормальным членом лексической системы языка, включаться в словарный состав языка и подчиняться его фонетическому и грамматическому строю [278, с. 107], поэтому его целесообразно трактовать как лексическую единицу языка, используемую для специальных целей. Терминология состоит из терминов и является семантическим ядром лексики языка для специальных целей, который признается частью соответствующего естественного языка [211, с. 129].

1.3.1 Современные тенденции в исследовании термина и терминологии

Термин и терминология являются предметом изучения такой самостоятельной науки как терминоведение.

Б. Н. Головин определяет терминоведение как научную дисциплину, возникшую на базе лингвистики, использующую методы логики, семиотики, науковедения, общей теории систем, информатики и др., а также формирующую собственные методы [93, с. 31]. Исследователь отмечает также, что «наука о языке» не имеет вполне обоснованной непротиворечивой теории терминов и терминосистем и поэтому не может предложить разработанной, строгой методики лексикографических и иных описаний терминов для нужд других наук.

Развитие терминоведения связано с постановкой и решением общих вопросов теории терминологии, в том числе, место терминологии в системе языка, пути и методы ее изучения, отличие терминологической лексики от общелитературной, термина от не-термина, признаки и критерии термина, семантические процессы, происходящие в сфере терминологии; классификация терминов [338, с. 402].

Предметом изучения терминоведения является изучение способов образования и функционирования лексических единиц для специальных целей, которые служат для накопления и передачи специальных знаний, развитие уже сформировавшихся терминологических систем, поиск оптимальных способов

образования новых терминов и терминосистем, а также универсалий, характерных для всех терминосистем.

В настоящее время исследования в терминоведении ведутся преимущественно в русле двух подходов: нормативном и дескриптивном. Суть нормативного подхода, основоположниками которого являются А. А. Реформатский [275; 277] и Д. С. Лотте [219], состоит в исследовании так называемого идеального термина и формулирование предъявляемых к нему требований. При таком подходе «идеальный» термин изучается с опорой на критерии терминологичности и нормативности. Дескриптивный подход базируется на противоположной точке зрения. Этот подход подразумевает описание и характеристику реально существующих терминосистем, с учетом понимания языковой сущности термина.

Основные тенденции в развитии терминоведения можно сформулировать следующим образом: анализ и исследование новых отраслей специальных знаний, изучение способов терминообразования, изучение роли терминологии как средства профессиональной коммуникации, усовершенствование способов пополнения терминографии и стандартизации терминосистем и методологические основы освоения терминологией.

Многие исследования в области терминологии проводятся в данный момент на базе когнитивно-коммуникативного подхода, который «делает возможным анализ возникновения и эволюции специального знания в широком цивилизационном контексте, позволяет вскрыть причины и механизмы динамических процессов в сфере терминологической номинации с учетом меняющихся когнитивно-коммуникативных потребностей людей. Все это углубляет научное понимание исторических процессов в терминосистемах, выявляет динамику сложного соотношения специальных структур знания (и сознания) со структурами языковыми» [92, с. 12–13]. Так, С. В. Гринев, называя когнитивное терминоведение в числе наиболее перспективных направлений терминологических исследований, отмечает его важность не только для изучения особенностей развития научного познания, но и для изучения путей развития человеческой культуры и цивилизации в

целом [108, с. 33]. При когнитивном подходе термин рассматривается как результат когнитивной деятельности специалиста. Данный антропоцентрический подход обуславливает распространение исследовательской позиции, при которой термин и терминосистема рассматриваются в русле противопоставления «общеупотребительного языка» и «языка для специальных целей», в то время как вопрос усовершенствования и пополнения терминосистемы изучается в рамках традиционной парадигмы.

В терминоведении распространение получил и биосферный подход, суть которого заключается в формулировании небольшого числа наиболее острых, важных и общих терминологических проблем [241]. По результатам такого обобщения устанавливается их соотношение с естественной структурой важнейших проблем российского общества, и выявляются узловые, максимально обобщенные терминологические проблемы, решение которых осуществляется в плане унификации, а затем экстраполируется в отраслевые терминологии [241, с. 16].

Несомненно, широкое распространение получил и системный подход к изучению специальной лексики, основы которого были заложены еще в 40-х гг. XX века. С общепринятой точки зрения любая система представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. К основными универсалиям общей теории систем относятся понятия элемента (компонента), структуры (методы формирования системы, модель взаимоотношений между элементами систем), обратной связи и деления больших систем на малые (иерархический принцип построения). Применительно к целям настоящего исследования системный подход предполагает анализ терминологической лексики как особой знаковой системы с учетом существующих в ней иерархических связей, комплексное рассмотрение терминологии как специализированного пласта лексики в трех аспектах: в семантике (отношение знака к внеязыковой действительности), в синтактике (отношения знаков между собой) и в прагматике (отношение знаков к тем, кто ими пользуется) [245, с. 49].

Теоретической основой для системного анализа терминологической лексики служит мнение В. М. Лейчика о том, что обозначенные выше сферы

«моделируются системами понятий, которые, с одной стороны, служат элементами некоторой теории (концепции) данной области, а с другой стороны, эксплицируются в двух направлениях – в совокупности определений этих понятий и в совокупности терминов. Таким образом, система понятий (вместе с системой определений этих понятий) представляет собой логическую модель специальной области знаний или деятельности, терминологическая система (терминосистема) – языковую модель этой области» [211, с. 118–119.].

Системный анализ терминосистемы включает в себя как минимум три основных подхода: *логический, лингвистический и собственно терминоведческий*.

Логический подход подразумевает вычленение терминов, которые обозначают основные, производные и сложные понятия соответствующей системы понятий и явлений.

Лингвистический подход представляет собой анализ терминосистемы с точки зрения лингвистической характеристики (прежде всего семантический и словообразовательный аспекты) лексических единиц, входящих в данную терминосистему.

Собственно, терминоведческий подход является симбиозом логического и лингвистического подхода, и суть его заключается в демонстрации отношения термина к терминосистеме, и в поиске места той или иной лексической единицы в соответствующей системе терминологических единиц.

В целом новые методы исследования терминосистем не исключают анализа основных терминоведческих аспектов: определение термина, признаков нормативности, критериев систематичности терминологии, принципов построения упорядоченной терминосистемы, характеристики семантических процессов, протекающих в терминологии, и некоторых других.

1.4 Место терминологии кораблестроения в системе английского, немецкого, русского и украинского языков

1.4.1 История становления терминосистемы кораблестроения в сопоставляемых языках

Терминология кораблестроения английского, немецкого, русского и украинского языков к настоящему времени сформировалась, она имеет собственный корпус лексических единиц, инвентарь словообразовательных средств, моделей, способов номинации и рассматривается как органическая часть общелитературного языка. Однако, терминосистема кораблестроения не нашла в исследуемых языках до настоящего времени своего должного изучения, несмотря на ряд имеющихся публикаций. Как правило, существующие на данный момент исследования сконцентрированы на изучении макросистемы морской и судоходной терминологии (О. Горбач [99], Н. В. Клепиковская [164], О. Г. Козловская [178], А. И. Кочетыгова [186], Е. М. Мотузенко [243], С. А. Павлова [256], С. А. Панкратова [258], М. В. Попова [267], Н. М. Орлова [254], И. М. Чипан [340], Л. В. Яровая [360]).

В своем исследовании О. Горбач анализирует украинскую морскую терминологию в лексикографическом и лексикологическом аспектах [99]. Е. М. Мотузенко фокусирует свое внимание на становлении и историческом развитии морской раболовецкой терминологии Северного Причерноморья [243], а Л. В. Яровая изучает русскую морскую терминологию в диахроническом аспекте [360]. При этом большое внимание исследователи уделяют также анализу заимствований в русской морской и мореходной терминологии как из отдельных языков [267], так и разных языков-источников [254]. Следует добавить, что исследования судостроительной терминологии проводятся, в основном, на материале английского языка. Это связано, с одной стороны, с распространенностью английского языка во всем мире, а с другой, с тем, что судостроительная промышленность зарождалась именно в Англии. Так, А. И. Кочетыгова исследует способы и пути образования терминов судостроения в английском языке [186], а С. А. Павлова систематизирует классы и тематические

группы английской ТС [256]. В работе Н. В. Клепиковской представлен анализ семантических аспектов формирования терминов судостроения английского языка [164], а исследование С. А. Панкротова направлено на изучение процессов метафоризации в английской морской профессиональной лексике [258].

Исключение составляет работа О. Г. Козловской [178], в которой представлен опыт сопоставительного анализа когнитивных и структурно-семантических особенностей морской терминологии английского и русского языков.

Известны также попытки анализа терминосистем некоторых смежных с судостроением промышленных областей (водное хозяйство, военно-морское дело, химическое машиностроение, транспортная терминология) (Е. А. Войцева [69], Л. В. Горбань [98], Г. И. Литвиненко [215], Ю. А. Чунтомова [342]).

Судостроение, как отрасль промышленности, уходит своими корнями в древнейшие времена, когда человек делал первые шаги в освоении морского пространства Земли. Несомненно, что появление новой области научного и технического познания потребовало создания определенного терминологического аппарата для осуществления коммуникации между специалистами. В процессе своего становления и развития эта терминосистема опиралась, прежде всего, на опыт ведущих стран в области кораблестроения, в первую очередь, Англии и Голландии.

Кораблестроение является одной из древнейших промышленных отраслей Великобритании. На протяжении всей истории промышленного развития и на современном этапе английская экономика почти полностью зависит от импорта различных видов стратегического сырья и в значительной степени от вывоза готовой продукции в другие страны. Подавляющая часть всех перевозок, ввиду особого географического положения страны, осуществляется в Англии морским путём. Согласно статистике, в Англии на долю морского транспорта, который обеспечивает международные и внутригосударственные связи, приходится сегодня 86% грузооборота. В Голландии центральное место по грузообороту занимает также водный транспорт. На долю голландских морских портов приходится около 40% западноевропейского рынка. По внутренним водам Западной Европы

Нидерландами осуществляется также 40% транспортных перевозок.

Большое внимание уделяется в Англии и Голландии строительству судов для торгового флота. Так как Великобритания является важным военно-политическим игроком на мировой сцене, особое внимание в этой стране уделяется строительству военного флота. Современная английская судостроительная промышленность – неотъемлемая часть военно-промышленного потенциала страны. Её производственная база сложилась в основном в годы второй мировой войны, когда по объёму торгового судостроения и военного кораблестроения Великобритания находилась на втором месте после США.

В свою очередь, немецкая морская терминология в целом, и терминосистема кораблестроения, в частности, сформировались под влиянием, прежде всего, голландского языка. Непрерывающиеся контакты между двумя странами обусловили тесное взаимодействие немецкого и голландского языков, в том числе и их терминологий судостроения. Осознание первоначальной этнической общности и близкого генетического родства, несмотря на территориальное и языковое обособление, привело к тому, что приоритет одного из языков при заимствовании бывает трудно установить. В хронологическом плане нидерландские заимствования охватывают большой период – с XII по XX в., т. е. практически весь период обособленного существования языков. Наибольшей интенсивности процесс заимствования достигал в XVI – XVIII вв., в период развития Северных Нидерландов как крупной морской и колониальной державы (90 из 129 зафиксированных случаев) [282, с. 42]. К заимствованной морской лексики в немецкой ТК относятся, в частности названия кораблей (*die Yacht* ‘яхта’, *die Barke* ‘барка’), части парусников, снасти (*die Kabuse* ‘рубка’, *die Rahe* ‘рея’, *die Wanten* ‘ванты’, *die Pinne* ‘румпель’), названия морских специальностей (*der Matrose* ‘матрос’, *der Lotse* ‘лоцман’) и др.

Воздействие английского языка на немецкий язык продолжается уже несколько столетий. Английский язык становится международным языком туризма. В любом уголке мира в отеле среднего класса на рецепции всегда есть сотрудник, который владеет хотя бы начальными знаниями английского языка,

даже если в тех районах другие языки играют более важную роль. Данная тенденция относится и к сфере транспортного сообщения. Так, начиная с XX века, в морской терминологии всех стран используется практически только английский язык. Еще более значим английский язык для воздушного транспорта. В качестве примеров заимствований из английского языка вышеперечисленных сфер могут послужить следующие англо-американизмы: *Township*, *Shopping Centre*, *Airbus*, *Ticket*, *Intercity Express* и др. [22, с. 183].

Вместе с тем терминосистема судостроения каждого языка, в том числе и немецкого, сформировалась путем переосмысления уже существующих в языке слов: *Seite* ‘борт судна’, *Brücke* ‘средняя надстройка, мост, (ходовой мостик)’, *Kamin* ‘дымовая труба’.

История создания русской морской макросистемы и, следовательно, входящей в ее состав микросистемы кораблестроения, тесно связана с историей российского и советского флота, она отражает все стадии технического развития флота, и с этой точки зрения, анализ и систематизация русской терминосистемы кораблестроения также является актуальным и требуют своего дальнейшего исследования.

Свое становление и формирование морская терминология начала в эпоху правления Петра Великого. Именно этот период истории ознаменовал мощный толчок в развитии кораблестроения, поскольку впервые в России был создан регулярный военно-морской флот. Под геополитическим влиянием развитых стран того времени (Германии, Англии, Голландии), как русский язык в целом, так и терминосистема кораблестроения, привлекали для своего развития и формирования большое количество заимствований из английского, голландского и немецкого языков.

Русская профессиональная военно-морская лексика в своем развитии прошла четыре основных этапа:

- 1) X–XI вв. – формирование на основе исконной (русской) и заимствованной военной и морской лексики;
- 2) конец XVII–XVIII вв. – формирование основ терминологической системы морской лексики;

3) конец XIX – первая половина XX вв. – расширение терминологической системы в связи с реорганизацией военно-морского флота;

4) середина XX – начало XXI вв. – модернизация терминологической системы языка для специальных целей моряков, активизация профессионализмов и жаргонизмов [110, с. 7].

Особенностью русской морской терминологии является ее формирование на базе двух географически разделенных сушей, основных водных бассейнов: Балтийского и Черноморского. На Балтике русские моряки часто использовали и продолжают использовать термины, заимствованные из германских языков (голландского, немецкого, английского). На Черном и Азовском морях сильным с древних времен было влияние греческой терминологии (часто через арабский язык), а также итальянской (как правило, генуэзской), французской, сербско-хорватской морской терминологии [360, с. 13].

Современная русская морская терминология сохраняет в большей степени заимствованную лексику, почти утратив при этом восточнославянскую терминологию. Характерно, что заимствованная терминология прочно вошла в лексическую систему русского языка, приобретя русские парадигмы, породив множество дериватов уже на русской почве и значительно расширив при этом свою семантику [267, с. 4].

Следует отметить, что исследуемая лексика возникла и развивалась в условиях тесного взаимодействия между специальными и общенародными лексическими пластами, отсутствия чёткой системы понятий («мысль, которая выделяет из некоторой предметной области и собирает в классе (обобщает) объекты посредством указания на их общий и отличительный признак») [415, с. 285]. Среди них выделяются: 1) заимствованные из общеупотребительной лексики без семантических сдвигов слова для номинации предметов и понятий кораблестроения; 2) прототермины, т.е. специальные лексемы, появившиеся и употребленные в донаучный период развития специальных знаний, которые называют не понятия, а специальные представления [108, с. 28]. Представление, в отличие от понятия, является «формой индивидуального чувственного познания,

имеющей своим результатом целостный образ объекта, возникающий вне непосредственного воздействия последнего на органы чувств» [415, с. 798].

Что касается терминологии кораблестроения в украинском языке, то она развивалась в условиях доминирования в этой профессиональной области русского языка. Это, несомненно, связано с общей историей развития русского и украинского народов и постоянного контактирования данных языков. Несмотря на мнение некоторых украинских ученых о том, что история украинского флота берет свое начало с военных морских походов запорожских казаков еще во времена гетмана Сагайдачного (XVI – XVIII вв.), на наш взгляд, более целесообразно рассматривать историю русского и украинского флота как общую реалию, и, как следствие, это отражается в общих тенденциях становления и формирования соответствующей терминологии в целом и ТК, в частности.

Соответственно, украинская терминология кораблестроения, как и русская, сложилась под влиянием заимствованной лексики из европейских языков, а также в условиях доминирования русской лексики, которая прочно вошла в обиход как средство коммуникации украиноговорящих специалистов-кораблестроителей.

Однако судостроительная лексика в русском и украинском языках формировалась на основе не только заимствованных терминов, но и на базе общеупотребительных слов, которые использовались для обозначения специальных реалий. Первичные представления об объектах, связанных с судостроительной промышленностью, обозначались с помощью слов индоевропейского и общеславянского происхождения (*чёлн, судно, лодья, корма*).

1.4.2 Тематические группы макросистемы кораблестроения

В любой профессиональной сфере существуют проблемы использования языка как средства научного познания особенностей этой сферы, языка, адаптированного для адекватного отражения и передачи логически систематизированного представления о специфических знаниях, присущих этой области или среде [98, с. 3]. Язык как средство профессиональной коммуникации в области кораблестроения отличается определенным набором характеристик,

которые еще не были предметом специального исследования.

Базой для создания терминосистемы кораблестроения послужили лексические единицы, на формирование и систематизацию которых повлиял ряд как экстралингвистических, так и чисто лингвистических факторов. К числу экстралингвистических факторов следует отнести создание регулярного флота, его развитие и модернизация, процессы глобализации, которые привели к расширению сферы коммуникации в данной области знаний. Глобализация, в свою очередь, порождает развитие интеграционных процессов, которые находят отражение в терминологии. Происходит взаимная интеграция понятийно-терминологического аппарата разных сфер знаний, расширяется терминологический фонд, углубляется взаимодействие разноязычных терминологических систем [318, с. 163].

Терминология судостроительной отрасли представляет собой совокупность языковых единиц, номинирующих объекты и явления, характерные как для собственно судостроения, так и для целого ряда областей технического знания, необходимого для проектирования, строительства, эксплуатации и ремонта судов [164, с. 5]. Иными словами, терминология кораблестроения рассматривается как единая комплексная система, в состав которой входят терминологические элементы, номинирующие понятия, объекты, явления, технологические процессы и виды деятельности, которые выполняются на различных этапах строительства, ремонта и эксплуатации судов.

В подъязыке судостроения функционируют термины других областей знания. Наличие таких терминов объясняется взаимодействием внутренних тенденций и социальных факторов в процессе становления и развития данного подъязыка. Оно обусловлено экстралингвистическим признаком, т. е. предметно-логической соотнесённостью терминов, которая выражается в их словарной дефиниции, а также функциональными характеристиками, определяющими принадлежность слов к той или иной области науки.

Как указывалась выше, основным признаком сформировавшейся терминосистемы является ее системность. Системность кораблестроительной

терминологии проявляется при выделении в ее составе целого ряда микротерминосистем (механика, машиностроение, приборостроение, инженерия, проектирование и др.). Терминологическая лексика данной профессиональной сферы систематизируется и классифицируется на основании семантического аспекта, который позволяет отнести термин к той либо иной микротерминосистеме. Макротерминосистема кораблестроения представляет собой совокупность терминов, объединенных общим семантическим признаком (т. е. имеющих общий компонент значения), который позволяет терминам «заходить» в определенную микротерминосистему и отражать в языке определенную понятийную сферу. Кроме этого, терминологические единицы связаны постоянными и системными отношениями синтагматического и парадигматического характера (синонимические, антонимические, гипонимо-гиперонимические и т. д.).

В настоящее время любое судно представляет собой сложное инженерное сооружение. Судостроитель любой специальности для выполнения своей работы должен ориентироваться в общем устройстве судна. Теория «Общее устройство судов» носит энциклопедический характер и дает представление о судне в целом, о физических основах, определяющих качества судна, о принятой в судостроении терминологии, классификации судов, их типах, об архитектуре и оборудовании судов, судовых механизмах и приборах, судовой автоматике, об основных экономических вопросах в судостроении, о научной организации труда и технологии судостроения и судоремонте [336, с. 5].

Судном называется плавучее сложное инженерное сооружение, предназначенное для выполнения народнохозяйственных, общественных или специальных задач [336, с. 5]. Судно, как транспортное средство, взаимодействует с окружающей средой, прежде всего, с водой и воздухом. В соответствии с этим фактом судно наделено характеристиками, отвечающими законам физики. В зависимости от назначения судна, оно оснащено определенными конструкциями, большим количеством машин, устройств, механизмов, приспособлений, аппаратов, приборов и т. д.

Являясь сложным инженерным сооружением, судно должно обладать рядом

характеристик и качеств, которые обеспечивают безопасность экипажа и находящихся на борту пассажиров, сохранность перевозимых грузов в любых погодных условиях и при любом состоянии моря.

Проектирование и строительство судна базируется на инженерном методе, с использованием новейших и прогрессивных достижений науки и техники, технологий производства. В условиях глобальной экономики важную роль играют также данные экономического анализа и учет опыта эксплуатации однотипных судов.

Судно, как правило, предназначено для выполнения конкретных целей и задач, что обуславливает разделения судов в зависимости от их назначения. Интересно, что судном называют плавучее сооружение, служащее преимущественно для гражданских целей, в то время как термин корабль применяется для обозначения транспортных средств, относящихся главным образом к военно-морскому флоту. Современное общество невозможно представить без тесных культурных, экономических, социальных и научных связей между различными странами мира, что естественно способствует развитию туризма для обмена культурного и научного опыта.

Усиление товарооборота между государствами приводит к увеличению морских грузоперевозок (нефтепродуктов, леса, руды, угля и т. п.). Помимо транспортного флота бурно развивается и промысловый флот. Морские промыслы необходимо вести на научной основе: разрабатывать и совершенствовать методы добычи сырьевых ресурсов, предотвращать бесцельное уничтожение морских запасов, изучать жизнь организмов, населяющих морские недра, искать новые виды животных и морских организмов, промысел которых может быть полезен человеку и т. д. Эти работы ведут на специальных судах – научно-промысловых базах [336, с. 8].

Таким образом, макросистема кораблестроения представляет собой совокупность определенных микросистем, включающих терминологические единицы той или иной области знаний, необходимых для проектирования, строительства и функционирования транспортных средств (см. схему 1.1).

Итак, терминология кораблестроения в сравниваемых языках представляет собой стандартизированную и упорядоченную сложную систему, состоящую из определенных лексико-семантических групп терминов, относящихся к различным областям знаний, без которых осуществление судостроительной деятельности было бы невозможно.

Схема 1.1. Микросистемы терминологии кораблестроения

В свою очередь, сама ТК в сравниваемых языках прошла различные этапы становления и развития, что отразилось на ее лексическом наполнении. Англия является родоначальницей морского судоходства, ее ТК формировалось на основе общеупотребительной лексики для обозначения понятий и реалий судостроения. Немецкая ТК складывалась под влиянием как английской терминосистемы, так и, прежде всего, голландской, что обусловлено первоначальной этнической общностью и близким генетическим родством двух языков. Похожая картина наблюдается и в истории становления ТК славянских языков. В сущности,

кораблестроительные термины русского и украинского языка имеют общие корни, поскольку мощный толчок в развитии кораблестроения начался в эпоху правления Петра I, когда Украина являлась частью Российской империи. Источником для образования терминологического фонда кораблестроения славянских языков на всех этапах его развития послужили преимущественно лексические единицы европейских языков, стран, которые играли ведущую роль в судостроении. Тем не менее, детерминизация слов общеупотребительного языка также остается важным ресурсом для формирования терминосистемы кораблестроения во всех анализируемых языках.

1.4.3 Сопоставительно-типологические исследования терминологии

Сопоставительное и типологическое изучение языков является одной из актуальных задач современной лингвистики [25, с. 28].

Для исследования различных языковых реалий одним из наиболее оптимальных методов является сопоставление. Сопоставление позволяет вскрыть сходства и специфические для каждого языка различия в использовании лексических, морфологических и других средств при воссоздании одних и тех же фактов языковой действительности.

На данном этапе развития лингвистики, в зависимости от преследуемых целей, применяют различные способы сравнения, но наиболее актуальным является сравнение в рамках диахронического и синхронического исследования. Контрастивная лингвистика изучает языковые структуры на всех уровнях независимо от генетической и типологической принадлежности сопоставляемых языков, с целью выявления их структурных и функциональных особенностей, сходств и различий [14; 25; 147; 185; 203; 292; 293].

Некоторые лингвисты (В. Д. Аракин [14], А. А. Реформатский [276], В. Н. Ярцева [363]) разграничивают сравнительный и сопоставительный методы, полагая, что целью сравнительного метода является поиск схожего в языках, в то время как сопоставительная лингвистика направлена на поиск различительных черт в системе языков.

А. А. Реформаторский указывал на тот факт, что «... сравнительная методика базируется на синхронии, старается установить различие, присущее каждому языку в отдельности, и должна опасаться любого схожего, т. к. оно толкает на нивелировку индивидуального и провоцирует подмену чужого своим. Только последовательное определение контрастов может и должно быть законной целью сопоставительного исследования языков [276, с. 22]. По мнению некоторых лингвистов, сравнительная методика изучает родственные языки, в то время как сопоставляться могут как родственные, так и неродственные языки [363].

Общая теория языка формируется в значительной мере под влиянием типологии, которая позволяет очертить языковое пространство и обозначить возможные типы языковых структур и языковых значений (см. работы Ш. Р. Басырова [25; 26], Э. Ш. Генюшене [89], В. Д. Калиущенко [147], В. П. Недялкова [247; 248], В. Скалички [293; 294] и др.). К актуальным задачам современных типологических исследований относится изучение конститuentов языковой структуры на всех ее уровнях (включая и лексический), где отсутствуют, однако, межъязыковые обобщения.

Сравнительно-исторический метод направлен на исследование языковых систем в разные исторические периоды, т.е. опирается на диахронию. При этом анализу подвергаются системы как одного и того же языка, так и родственных и «ареальных» языков. Типологическое исследование характеризуется, прежде всего, тем, что для получения достоверных результатов необходимо привлечение множества различных языков (Ш. Р. Басыров, В. Д. Калиущенко, В. П. Недялков, В. Скаличка). Типологический метод опирается как на диахронию, так и на синхронию. Особое значение для сопоставительно-типологического изучения имеют отношения взаимосвязанности языковых фактов. Именно типология, которая привлекает большое количество языков разного строя, направлена на их поиск и изучение.

Чешский лингвист Вл. Скаличка отмечал, что «типология учитывает все реальные и потенциальные различия естественных языков. Она сосредоточивается на всевозможных сходствах микросистем, ничего не оставляя, таким образом, на

твердом месте в общей системе» [294, с. 29]. При этом немаловажное значение в сопоставительно-типологическом исследовании играет количественный анализ изучаемых языковых фактов. В этой связи Вл. Скаличка пишет: «Типология нуждается прежде всего в кропотливой теоретической и описательной работе ... нужно положительно оценивать заботливое и точное исследование отдельных явлений, особенно с количественной стороны. Обогащенные подобными эмпирическими наблюдениями, мы можем изучать связи явлений и с большей уверенностью устанавливать тенденции развития. На базе установленных связей разовьется изучение конкретных особенностей отдельных языков, а также, возможно, удастся установить связь явлений языкового изоморфизма или алломорфизма с внеязыковыми явлениями» [293, с. 35].

Результаты подобных исследований могут применяться не только в области методики преподавания языков, но и имеют большое теоретическое значение, поскольку сопоставление «...позволяет более глубоко осмыслить природу явлений и категории каждого отдельного языка, которые поддаются сравнительному анализу; описание языковых явлений станет типологически определенным, теоретически осмысленным» [134, с. 8].

В терминоведении сопоставительный метод обретает все большую актуальность, в количественном отношении преобладают работы, посвященные исследованию отдельных терминосистем и выполнены на материале нескольких языков [Н. В. Волкова [71], Д. И. Граб [104], А. Н. Зарипова [138], М. Г. Зеленцова [139], В. В. Касьянов [157], Н. В. Коваленко [172], С. М. Кришталь [191], Т. Н. Кучерова [202], А. М. Ляшук [224] и др.].

Основными целями и задачами данных сопоставительных исследований является изучение формальных и семантических особенностей образования терминов, выявление способов терминологической номинации, изучение грамматической структуры терминосистемы сравниваемых языков и др. В работах данного направления выявляются также специфические признаки той или иной терминосистемы, определяются изоморфные и алломорфные черты исследуемых терминологических единиц в сопоставительном плане.

Одним из важных условий для сопоставительного исследования терминологии является наличие определенного объединяющего начала, тождества, благодаря которому степень различия между сравниваемыми объектами становится более очевидной. Это тождество может быть, как генетическим, так и функционально семантическим. Общим для коррелятивных терминов двух языков в семантическом плане является то, что они обладают определенным значением, имеют специфические структурные особенности выражения значений, образуют идентичные терминологические ряды, характеризуются определенной мотивированностью, соотносятся с автохтонной и заимствованной лексикой [185, с. 15].

Сопоставительный анализ ТК в двух славянских языках (русском, украинском) и в двух германских языках (немецком и английском) дает возможность выявить общие и отличительные черты в формальной и семантической организации их терминологических единиц.

1.5 Методика изучения СТК в германских и славянских языках

Современная лингвистика располагает широким арсеналом лингвистических методов, методик и приемов, позволяющих проанализировать языковой материал в разных аспектах. Выбор тех или иных методов определяется целями и задачами каждого конкретного исследования.

Для целей настоящей работы актуальными являются методы и приемы лингвистического анализа, которые позволяют наиболее полно и адекватно описать особенности структуры и семантики СТК в английском, немецком, русском и украинском языках.

Комплексная методика анализа СТК предполагала, прежде всего, сбор языкового материала. Основным критерием отбора языковых единиц является формально-семантический, в соответствии с которым к анализу привлекались однословные (непроизводные и производные) и многословные (композиции, словосочетания) термины, номинирующие корабль, части корабля (приборы, узлы,

механизмы и т. п.), действия и процессы, связанные с функционированием, производством корабля.

При помощи *описательного метода* осуществляется инвентаризация лексических единиц ТК. В исследуемый корпус СТК включены термины, зафиксированные в специальных (отраслевых) и толковых словарях, научных журналах и Интернет-источниках, отобранные путем сплошной выборки. Для получения более полной и объективной картины словарная выборка была дополнена текстовым материалом. С этой целью использовались статьи по кораблестроению из английских журналов: «Small Craft» (1983, 1985, 1987), «Sea Technology» (2004) (92 ед.); из немецких журналов: «Schiff & Hafen / Seewirtschaft» (1990) и «Verein der Schiffs-Ingenieure zu Hamburg e.V., Verein der Schiffsingenieure zu Rostock e.V. und Wieland, Bremerhaven» (2010) (238 ед.); из русских журналов: «Судостроение» (2003, 2005, 2006, 2007, 2009) и «Морская биржа» (2004, 2011); из украинских журналов: «Водний транспорт України» (2009), «Розвиток і розміщення суднобудування в світі» (2002), «Морський транспорт. Святове господарство» (2008), «Суднобудування в Україні» (2007), «Роль і місце суднобудування системі соціально- економічного розвитку України» (2009), а также из Интернет-источников. Добавим, что в русских и украинских специальных журналах не выявлено новых, не отмеченных словарями СТК. Общий объем выборки составляет, таким образом, 9 628 СТК, из них в английском языке 2832 ед., в немецком – 2638 ед., русском – 2 143 ед., в украинском – 2 069 ед.

На следующем этапе исследования для обработки собранного языкового материала в работе применялись общие и частные методы и приемы системного анализа, позволяющие охарактеризовать структуру и семантику СТК а именно: *описательный метод, морфемный и словообразовательный анализы, этимологический метод, метод компонентного анализа, метод непосредственно составляющих (НС), трансформационный метод, сопоставительный метод, метод количественного анализа.*

Описательный метод используется также для комплексного представления СТК. В его основе лежат наблюдение, обобщение, классификация и интерпретация,

которые, в свою очередь, тесно связаны с процедурами структурно-семантического анализа. Результатом наблюдения является выделение СТК из общего лексического корпуса в словарях английского, немецкого, русского и украинского языков с учетом указанных выше критериев. В ходе обобщения были выявлены в анализируемом языковом материале подобные и повторяемые явления, что позволило объединить исследуемые единицы по тем или иным признакам (структурным, семантическим). Так, наличие в структуре СТК словообразовательных формантов (суффиксов, префиксов) позволило объединить данные СТК соответственно в группы суффиксальных и префиксальных образований. Выявление общих сем в семантической структуре СТК позволило объединять их в тематические группы и подгруппы. Классификация терминологических единиц предполагала распределение СТК согласно определенным признакам: наличие / отсутствие мотивирующей основы и аффикса, категориальный тип производящей основы и др. Интерпретация предполагает толкование и анализ полученных результатов.

Морфемный анализ СТК позволил идентифицировать и вычленить в их структуре морфемы, входящие в состав производных терминов (корень, префикс, суффикс и т. п.).

Для выявления способов образования СТК использовался *словообразовательный анализ*, который предполагает не только деление слова на минимально значимые отрезки (как это подразумевает морфологический анализ), но и деление на максимальные отрезки, т. е. «непосредственно составляющие» и опирается тем самым и на мотивационные отношения производящей и производной основы. Так, немецкий сложнопроизводный суффиксальный термин *Antennenträger* ‘антенна-мачта; мачта для подвески антенны’ с точки зрения морфологического анализа представляет собой четырехчленную структуру (*Antenne/n/träg/er*), в то время как его словообразовательный анализ свидетельствует о том, что данный СТК мотивируется двухкомпонентным словосочетанием (*Antenne tragen*), к которому добавляется суффикс *-er*, ср. аналогичный процесс словопроизводства у английского СТК *ice/break/er* (← *to break ice + er*).

Морфемный и словообразовательный анализ дополняют друг друга и позволяют классифицировать СТК по способу их образования и структурным типам (корневые, аффиксальные, безаффиксальные, сложные слова и т. п.)

Этимологический метод предусматривает выявление источников происхождения СТК. В первую очередь, данный метод позволяет определить происхождение заимствованных СТК, выявить мотивирующую базу, историю происхождения корневых (простых) терминов кораблестроения.

При исследовании содержательной стороны СТК в работе используется *метод компонентного анализа*, позволяющий разложить значение анализируемой языковой единицы на минимальные семантические составляющие (семы): архисемы (интегрирующие родовое значение), дифференциальные семы (дифференцирующие видовое значение). Компонентный анализ эффективно использовался и используется не только при исследовании лексической семантики (Ю. Д. Апресян [13], И. А. Арнольд [17], Д. Н. Шмелев [355], Н. Marchand [394], L. Ortner [397], I. Kühnhold [390] и др.), но и в других областях лингвистики: фонологии, морфологии (Е. В. Гулыга [111]) и в синтаксисе (В. Г. Гак [83]).

Метод компонентного анализа и связанная с ним *методика словарных дефиниций* позволили с учетом выделенных сем провести классификацию СТК по тематическим группам, подгруппам, построить формулы толкования, выделить метафорические и метонимические значения у СТК и сгруппировать их согласно типам и моделям метафорического и метонимического переноса.

Метод непосредственно составляющих (Ю. Д. Апресян [13], М. Д. Степанова [306], W. Fleischer [378], I. Barz [379], L. Ortner [397] и др.) представляет словообразовательную структуру СТК в виде иерархии более простых элементов – его непосредственно составляющих, которые способны самостоятельно употребляться вне данной структуры. Подобный метод используется при изучении СТК-композигов и СТК-словосочетаний для вычленения в их структуре базового и зависимого компонентов.

Трансформационный метод позволяет вывести сложные синтаксические структуры из более простых (ядерных) с помощью правил преобразования

(трансформаций) [395]. В основе метода лежит утверждение о том, что основной единицей синтаксического уровня является тип простого (ядерного) предложения, который с помощью набора трансформаций может быть преобразован в сложный синтаксический тип, не меняя своего содержания. Трансформационный метод применяется для построения перифраз при анализе лексико-семантических связей композитных СТК и СТК-словосочетаний и выявлении их смысловых типов (акциональных, партитивных, орнативных и др.).

Основным методом лингвистического исследования СТК является *сопоставительный метод*, направленный на выявление характерных особенностей в структуре и семантике терминов кораблестроения двух близкородственных славянских языков (русского и украинского) и двух отдаленно родственных германских языков, один из которых (английский) является языком аналитического типа, а другой (немецкий) флективно-синтетическим языком.

Метод количественного анализа [303] используется на всех этапах сопоставительного анализа СТК и позволяет определить общий объем СТК, продуктивность способов и путей их образования, активность структурных типов и словообразовательных формантов, продуктивность смысловых типов композитных СТК и СТК-словосочетаний, тематических групп и подгрупп СТК, метафорических и метонимических моделей.

Таким образом, использование вышеперечисленных методов, методик и приемов позволило построить структурно-семантическую модель описания СТК, позволившую выявить особенности формальной и семантической организации терминосистем кораблестроения немецкого, английского, русского и украинского языков.

Выводы к главе 1

1. Терминология представляет собой важную часть словарного состава каждого языка и проходит определенные этапы становления и развития, подчиняясь в целом законам, характерным для общеупотребительного языка.

2. Среди лингвистов нет единого подхода к определению ключевого понятия «термин». С точки зрения функционального подхода термин рассматривается как лексическая единица общеупотребительной лексики, наделенная особенной функцией. Нормативный подход предполагает противопоставление термина как особой лексической единицы и общеупотребительной лексики.

3. Большинство лингвистов выделяют у термина следующие существенные признаки и функции: номинативная функция (функция наименования понятие / явление в рамках функционирования определенной системы), дефинитивная функция, системность, семантическая целостность, точность, контекстуальная независимость и эмоциональная нейтральность.

4. В категориальном отношении большинство терминов являются именами существительными, поскольку их основная репрезентативная функция сближается с номинативной функцией термина. Реже в качестве терминов выступают другие части речи (глаголы, прилагательные, наречия).

5. Наряду с однословными терминами высокую продуктивность в различных терминосистемах обнаруживают также термины-словосочетания. Несмотря на сложность своей формальной и смысловой структуры термины-словосочетания обладают в целом теми же свойствами, что и слова-термины (семантическая целостность, мотивированность, устойчивость и воспроизводимость, стилистическая нейтральность).

6. В терминоведении отсутствует единая т. зр. относительно дефиниции понятий «терминология» и «терминосистема». Основным критерием для разграничения этих понятий можно считать тот факт, что терминология образуется стихийно в процессе становления той или иной области знаний, в то время как терминосистема складывается искусственно и сознательно, т. е. терминология является базой для формирования и становления стандартизированного комплекса специальных понятий терминосистемы.

7. В современной лингвистике выделяется самостоятельная научная дисциплина – *терминоведение*, которая занимается постановкой и решением общих задач теории терминологии.

7.1. Существуют два основных подхода к трактовке терминоведения: нормативный и дескриптивный. Современные исследования терминологии проводятся на базе системного, коммуникативно-когнитивного и биосферного подходов. В настоящей работе используется комплексный структурно-системный подход, включающий логические, лингвистические и собственно терминоведческие аспекты изучения судостроительной лексики.

8. Терминология кораблестроения в сравниваемых языках прошла различные пути становления, которые отображают особенности исторических процессов, происходящих в соответствующих странах. При этом глобализационные процессы во всех сферах общественной жизни и углубляющееся международное сотрудничество закономерным образом приводят к усилению заимствований в той или иной терминосистеме.

9. Терминология кораблестроения является сложной, стандартизированной, иерархической, открытой и динамичной структурой, в состав которой входят лексические единицы, номинирующие понятия, объекты, явления, технологические процессы и виды деятельности, которые выполняются на различных этапах строительства, ремонта и эксплуатации судов. Этот факт позволяет выделить в макросистеме кораблестроения четыре более узкие микросистемы (лексико-семантические группы): устройство судна, характеристика судна, проектирование судна, назначение судна.

10. Для получения объективных и достоверных результатов сопоставительного анализа терминосистемы кораблестроения предлагается комплексная структурно-семантическая модель описания СТК, которая позволит выявить особенности их формальной и семантической организации в немецком, английском, русском и украинском языках.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [32; 33; 34; 37; 38; 41; 42]

ГЛАВА 2

СТРУКТУРА СУБСТАНТИВНЫХ ТЕРМИНОВ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ В ГЕРМАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

2.1 Способы и пути образования СТК в английском, немецком, русском и украинском языках

В последние года наблюдается повышенный интерес отечественных и зарубежных лингвистов к проблемам терминообразования. Определение природы терминов, выявление деривационного потенциала терминологической лексики, исследование общих тенденций развития терминосистем находится в центре внимания российских (М. М. Володина [73; 74; 76;77], В. Г. Гак [82], Б. М. Головин [93;94], Т. Л. Канделаки [148;149], Д. С. Лотте [220; 221] и др.), украинских (А. С. Дьяков [121], М. А. Жовтобрюх [136], И. С. Квитко [158], Т. Р. Кияк [160;161], Л. В. Козак [177], В. М. Овчаренко [250] и др.) и зарубежных (В. Е. Antia [364], R. Arntz [365], L. Bauer [367], H. Brekle [369], M. T. Cabré [371] и др.) ученых.

Потребность изучения терминотворческой динамики профессионального языка кораблестроения обуславливает постоянное обновление его лексического фонда новыми терминологическими единицами, что влечет за собой его интенсивное развитие и необходимость проведения детального анализа терминотворческих процессов в специализированной лексики кораблестроения.

Кораблестроение как промышленная отрасль охватывает множество смежных прикладных научно-технических сфер (металлургию, машиностроение, станкостроение, инженеринг и др.), его терминообразование опирается в первую очередь на собственную производящую базу. Для словообразования терминологических единиц характерны те же принципы, модели, типы и средства, что и для общеупотребительных единиц [123, с. 13]. В этих деривационных процессах активно проявляется связь лексического, грамматического, словообразовательного уровней языка.

Образование СТК английского, немецкого, русского и украинского языков осуществляется с помощью различных способов и путей. По своей словообразовательной форме СТК сопоставляемых языков распадаются на производные и непроизводные.

Первые характеризуются членимостью своей структуры и состоят из корня и словообразовательных формантов (аффиксов), отражая, таким образом, любой из процессов деривации на уровне морфологии. Производные СТК образуются путем аффиксации (суффиксации и префиксации). Особым типом производных СТК являются такие образования, которые не обладают признаком производности, т. е. не могут быть расчленены на морфемы. К ним относятся СТК, образованные путем конверсии и усечения.

Непроизводные СТК охватывают корневые СТК (симплексы) и СТК, образованные путем переосмысления. Отдельно рассматриваются такие словообразовательные способы и пути, как словосложение, сложнопроизводные СТК, включая и сращения, аббревиация (сокращение), синтаксический способ, семантическая деривация, а также заимствование.

2.1.1 Непроизводные (корневые) СТК

Непроизводные (корневые) термины – это термины, состоящие из одного, двух, реже трех слогов, которые входят в состав терминосистемы в результате переосмысления уже существующих понятий или явлений. Корневые СТК в сопоставляемых языках образованы на основе исконной общеупотребительной лексики путем лексической специализации.

Корневые СТК в германских и славянских языках имеют две особенности: они не раскладываются на морфемы и являются немотивированными единицами. Этот структурный тип в немецкой ТК занимает по продуктивности седьмое место (36 ед. или 1,1%) и более чем в два раза уступает аналогичным образованиям в английском языке (86 ед. или 2,5%). В славянских языках корневые СТК обнаруживают сходную продуктивность с немецкими корневыми СТК (рус. – 33 ед. или 1,1 %; укр. – 33 ед. или 1%).

Корневые СТК в сопоставляемых языках могут состоять из одного слога (англ. – 57 ед., нем. – 23 ед., рус. – 7 ед., укр. – 2 ед.), ср.: англ. *ship* ‘судно, корабль’; *tank* ‘танк’, *hull* ‘корпус’; нем. *Schiff* ‘корабель’; *Back* ‘бак, носовач надстройка’; *Mast* ‘мачта’; рус. *бок, вал*; укр. *бульб, рим*.

Однословным симплексам уступают в германских языках двуслоговые корневые СТК (англ. – 25 ед., нем. – 6 ед.): англ. *side* ‘сторона, борт’, *nose* ‘нос; носовая часть (судна)’; нем. *Balken* ‘балка, бимс’, *Brücke* ‘средняя надстройка, мост, (ходовой мостик)’. Напротив, в славянских языках двуслоговые корневые термины количественно преобладают (рус. – 15 ед., укр. – 13 ед.) по сравнению с однословными СТК : рус. *корма, судно*; укр. *стріла, щогла*. Единичными случаями в славянских языках представлены трехсловные корневые СТК: рус. *палуба*; укр. *корабель*.

2.1.2 Аффиксация

Аффиксация является продуктивным способом терминообразования во всех исследуемых языках. Именно аффиксальным производным многие лингвисты (В. В. Акуленко, И. В. Арнольд, А. П. Буянов, О. А. Габриэлян, В. П. Даниленко, Е. Г. Городенская, В. П. Григорьев, Е. А. Зятковская, П. М. Карашук, Е. А. Потапова, Н. М. Шанский, В. Н. Шевчук, Х. Марчанд, В. Фляйшер, Г. Пауль [4; 16; 56; 81; 115; 100; 101; 107; 143; 156; 271; 345; 349; 394; 379; 398] и др.) отводят ведущую роль в пополнении терминосистемы новыми единицами, отмечая, что «в морфологической структуре слова-термина, образованного путем аффиксации, органично заложены основы структурной систематизации, которые имеют первостепенное значение для терминологии» [4, с. 42]. Для терминологии, носящей системный характер, характерно стремление к закреплению за отдельными суффиксами и префиксами определенных терминологических значений, что объясняет производительность морфологического способа [188, с. 80]. Аффиксальный способ терминообразования включает в себя суффиксальный, префиксальный и префиксально-суффиксальный. В терминосистеме кораблестроения сопоставляемых языков эти три аффиксальных

способа терминообразования получили различную степень продуктивности (см. Приложение А табл. 1). Суффиксальный способ обладает наивысшей степенью продуктивности в каждом языке (англ. – 209 ед., нем. – 130 ед., рус. – 145 ед., укр. – 112 ед.), за ним следует префиксальный (англ. – 13 ед., нем. – 46 ед., рус. – 10 ед., укр. – 7 ед.), префиксально-суффиксальный способ проявляет низкую продуктивность (нем. – 3 ед., рус. – 3 ед., укр. – 1 ед.).

2.1.2.1 Суффиксальные СТК. В немецкой ТК суффиксальные СТК образуются с помощью следующих суффиксов: *-ung*, *-er*, *-e / ei*, *-or*, *-heit / keit*, *-tion*, *-el*, *-t*, *-ling*, *-age*.

Наиболее продуктивными суффиксами в немецкой ТК являются *-ung* (55ед.), *-er* (25ед.), *-e* (22ед.), например: *Abteilung* ‘отсек’, *Dampfer* ‘пароход’, *Hülle* ‘обшивка’.

Суффиксальные СТК в немецком языке образуются от основ различных частей речи, чаще от глаголов (112 ед): *Generator* ‘генератор’ (← *generieren* ‘генерировать’), *Konstruktion* ‘конструкция’ (← *konstruieren* ‘конструировать’), *Montage* ‘монтаж’ (← *montieren* ‘монтировать’), *Naht* ‘шов’ (← *nahen* ‘шить’). Наибольшее количество отглагольных суффиксальных СТК образуется в немецком языке при участии суффиксов *-ung*, *-er*, *-e*: *Verkleidung* ‘обшивка’ (← *verkleiden* ‘обшивать’), *Schlepper* ‘буксирное судно’ (← *schleppen* ‘тащить’), *Spreize* ‘распорка’ (← *spreizen* ‘расставлять, подпирать’). Отадъективные СТК образуются при участии суффиксов *-(ig)heit/keit*, *-e* (по 3 ед. с каждым суффиксом): *Festigkeit* ‘прочность’ (← *fest* ‘прочный’), *Steife* ‘ребро жесткости’ (← *steif* ‘жесткий’).

В английском языке в деривации СТК участвуют суффиксы: *-(t)ion*, *-ing*, *-er*, *-ment*, *-or*, *-ance*, *-age*, *-(i)ty*, *-ness*, *-th*, *-y*, *-ure*, *-ry*, *-s*, *-istic*, *-ism*. Среди них самыми продуктивными оказались суффиксы *-ing* (62 ед.), *-er* (59 ед.), *-tion* (32 ед.), на долю которых приходится почти треть всех суффиксальных СТК. Производящей категориальной основой суффиксальных СТК выступают в английском языке чаще глаголы (116 ед.), к которым присоединяются суффиксы *-ing*, *-er*, *-(t)ion*, *-ment*, *-or*, *-ance*, *-age*, *-ure*: *designing* ‘конструирование’ (← *to design*

‘разрабатывать, проектировать’), *bearer* ‘несущая деталь’ (← *to bear* ‘нести’), *construction* ‘сооружение’ (← *to construct* ‘конструировать, сооружать’), *compartment* ‘отсек’ (← *to compact* ‘уплотнять; сжимать’), *accumulator* ‘сборник; аккумулятор’ (← *to accumulate* ‘аккумулировать’); *acceptance* ‘прием (судна)’ (← *to accept* ‘принимать’), *appendages* ‘выступающие части (корпуса судна)’ (← *to append* ‘добавлять, прилагать’), *closure* ‘(водонепроницаемое) закрытие’ (← *to close* ‘закрывать’).

Мотивирующими основами суффиксальных СТК могут выступать существительные (77 ед.), к которым присоединяются суффиксы *-ing*, *-er*, *-(t)ion*, *-age*, *-y*, *-ness*: *airing* ‘аэрация; вентиляция’ (← *an air* ‘воздух’), *freighter* ‘грузовое судно’ (← *a freight* ‘груз’), *stanchion* ‘пиллерс’ (← *a stanch* ‘шлюз; плотина’), *grillage* ‘система перекрестных связей’ (← *a grill* ‘решетка’), *handiness* ‘управляемость судна’ (← *a hand* ‘рука’). Единичными примерами представлены дериваты с суффиксами *-ment* (*basement* ‘фундамент’ ← *a base* ‘база; основание’), *-ry* (*machinery* ‘двигатель’ ← *a machine* ‘механизм; машина’), *-istic* (*characteristic* ‘характеристика’ ← *a character* ‘характер’), *-ism* (*mechanism* ‘механизм’ ← *a machine* ‘машина’).

Менее активно в деривации суффиксальных СТК участвуют адъективные производящие основы (16 ед.), к которым присоединяются суффиксы *-ness*, *-ing*, *-(i)ty*, *-th*: *crankiness* ‘валкость (судна)’ (← *cranky* ‘расшатанный’), *fairing* ‘обтекатель’ (← *fair* ‘согласованный; совпадающий’), *navigability* ‘мореходность’ (← *navigable* ‘мореходный’), *length* ‘длина’ (← *lang / long* ‘длинный’). В одном случае СТК образуется от прилагательного при помощи суффикса *-s*: *particulars* ‘элементы (судна)’ (← *particular* ‘частный; отдельный’).

В русском языке в образовании СТК отмечены следующие суффиксы: *-ка*, *-ение*, *-ание*, *-ость*, *-ация*, *-(т)ор*, *-ик(а)*, *-ина*, *-тель*, *-ие*, *-ник*, *-ище*, *-ца*, *-ер*, *-ец*, *-чик*, *-щик*, *-еж*, *-аж*, *-есть*, *-ень*, *-ство*, *-ня*, *-га*, *-ура*, *-ота*. Среди них наиболее продуктивными являются суффиксы *-ка* (46 ед.), *-ение* (15 ед.),

-ация (14 ед.), *-ание* (9 ед.), которые чаще присоединяются к глагольным и именным основам, например: *сборка* (← *сбор*), *помещение* (← *помещать*),

моделирование (← моделировать), *фиксация* (← фиксировать). С адъективной основой продуктивно соединяется суффикс *-ость* (14ед.): *жесткость* (← жесткий), *плоскость* (← плоский).

Большинство русских суффиксальных СТК мотивируются глаголами (104 ед.), к которым присоединяются суффиксы *-ка*, *-ение*, *-ание*, *-ация*, *-(т)ор*, *-ик(а)*, *-тель*, *-еж*, *-аж*, например: *клепка* (← клепать), *закрепление* (← закрепить), *вентиляция* (← вентилировать), *компенсатор* (← компенсировать), *диагностика* (← диагностировать), *двигатель* (← двигать), *крепеж* (← крепить). Обнаружены единичные случаи сочетания производящей глагольной основы с суффиксами: *-ище* (*хранилище* ← хранить), *-ер* (*кондиционер* ← кондиционировать), *-чик* (*передатчик* ← передать), *-щик* (*тральщик* ← тралить), *-ня* (*сходня* ← сходить), *-га* (*тяга* ← тянуть).

Именные основы (29 ед.) сочетаются с суффиксами *-ка*, *-(т)ор*, *-ик(а)*, *-ец*, *-ник*: *лебедка* (← лебедь), *амортизатор* (← амортизация), *автоматика* (← автомат), *кранец* (← кран), *палубник* (← палуба). Единичными примерами представлены производные с суффиксами *-ура* (*аппаратура* ← аппарат), *-ище* (*днище* ← дно), *-ина* (*станина* ← стан).

Большинство адъективных основ (11 ед.) в русской ТК сочетаются с суффиксами *-ость*, *-ие*, *-ина*: *маневренность* (← маневренный), *покрытие* (← покрытый), *толщина* (← толстый). Единичными случаями представлены отадъективные СТК с суффиксами *-есть*, *-ство*, *-ник*: *плавучесть* (← плавучий), *пространство* (← пространый), *холодильник* (← холодный).

В украинском языке суффиксация играет ведущую роль при образовании СТК (104 ед.). Высокая продуктивность этого способа словообразования характерна не только для СТК, но и в целом для иновационного именного словообразования, на долю которого, по наблюдениям проф. А. С. Стишова, приходится свыше 40% [309, с. 123]. В украинской ТК выявлен большой набор суффиксов: *-енн(я)*, *-к(а)*, *-ість*, *-і(а) / аціj (а) / ізаціj (а)*, *-ик(а)*, *-тор*, *-ер*, *-ок*, *-ник*, *-ин(а)*, *-(ит)тя*, *-ище*, *-ов(а)*, *-(у)ра*, *-ун*, *-ій*, *-(о)та*, *-(е)ць*, *-ило*, *-цтво*, *-як*, *-ня*. Среди них наиболее продуктивными являются суффиксы *-нн(я)* (20 ед.), *-к(а)*

(18 ед.), *-енн(я)* (16 ед.), *-ість* (12 ед.), *-і(а)/ацій(а)/ізацій(а)* (10 ед.), например: *комплектування* (← *комплектувати*), *перегородка* (← *перегородити*), *приміщення* (← *приміщати*), *оснащеність* (← *оснащати*), *фіксація* (← *фіксувати*). От глагольных основ СТК образуются при участии суффиксов *-нн(я)*, *-енн(я)*, *-к(а)*, *-ість*, *-і(а) / ацій(а) / ізацій(а)*, *-ник*, *-ов(а)*, *-(ит)тя* (всего 74 ед.): *кріплення* (← *кріпити*), *обшивка* (← *обшивати*), *маневренність* (← *маневрувати*), *герметизація* (← *герметизувати*), *підйомник* (← *піднімати*), *побудова* (← *побудувати*), *перекриття* (← *перекривати*). Единичными примерами представлены отглагольные СТК с суффиксами *-ун*, *-ій*, *-ок*, *-цтво*, *-ище*, *-ня*, например: *двигун* (← *двигати*), *рушій* (← *рушитися*), *відливok* (← *відливати*), *будівництво* (← *будувати*), *сховище* (← *сховати*), *сходня* (← *сходити*).

Производящие именные основы сочетаются с суффиксами *-к(а)*, *-ість*, *-і(а) / ацій(а) / ізацій(а)*, *-ик(а)*, *-тор*, *-ер* (22 ед.): *кромка* (← *кромка*), *парусність* (← *парус*), *аерація* (← от англ. *air* 'воздух'), *автоматика* (← *автомат*), *амортизатор* (← *амортизація*). Выявлены также отыменные СТК с суффиксами *-(у)ра* (*апаратура* ← *апарат*), *-(о)та* (*висота* ← *вись*), *-(е)ць* (*кранець* ← *кран*), *-ок* (*місток* ← *міст*), *-ник* (*палубник* ← *палуба*), *-ин(а)* (*станина* ← *стан*), *-ище* (*днище* ← *дно*), *-ило* (*вітрило* ← *вітер*), *-як* (*кістяк* ← *кість*).

Производящие адъективные основы (8 ед.) сочетаются только с двумя суффиксами *-ість* (*жорсткість* ← *жорсткий*), *-ин(а)* (*величина* ← *великий*).

В целом, в немецком языке активность суффиксов выше по сравнению с украинскими суффиксами (см. Приложение А, табл. 2). Об этом свидетельствует средняя активность суффикса при образовании СТК, которая исчисляется путем деления общего количества суффиксальных СТК данного языка на количество суффиксов, участвующих в деривации СТК, ср.: нем. – 130 (общее количество суффиксальных СТК) : 16 (количество суффиксов) = 8,1; укр. – 112 (общее количество суффиксальных СТК) : 32 (количество суффиксов) = 3,5.

2.1.2.2 Префиксальные СТК. Префиксация является слабо продуктивным способом образования терминов кораблестроения в большинстве сопоставляемых языков (кроме немецкого) (англ. – 13 ед., нем. – 45 ед., рус. – 10 ед., укр. – 7 ед.),

поскольку в отличие от суффиксов префиксы не имеют категориального значения, т. е. не вносят каких-либо изменений в отношении принадлежности данной основы к сфере определенной части речи [206, с. 236]. Анализ префиксальных СТК произведен с опорой на общепринятую в лингвистике точку зрения о том, что префиксы и предлоги развились из общего источника – пространственных и локальных наречий [206, с. 236] и поэтому большинство префиксов могут быть классифицированы согласно тех значений, которые они сообщают производящему слову.

В немецком языке обнаружены единичные СТК, образованные при помощи префикса *ge-* (*das Gerippe* ‘костяк [каркас] судна’ ← *die Rippe* ‘ребро’) и префиксов греко-латинского происхождения *pro-* (*die Propulsion* ‘ходкость, пропульсивные [ходовые] качества (судна)’ ← *Pulsion* ‘пульсовый удар; пульсация’) и *super-* (*der Supertanker* ‘супертанкер’ ← *der Tanker* ‘танкер’).

В образовании префиксальных СТК в английском языке участвуют 13 префиксов, которые сообщают исходной основе различные значения [214, с. 118]: *in-* ‘значение отрицания’ (*insubmersibility* ‘непотопляемость’ ← *submersibility* ‘потопляемость’); *under-* ‘значение нахождения над чем-либо’ (*underdeck* ‘нижняя палуба’ ← *deck* ‘палуба’), *super-* ‘значение сверх нормы’ (*supertanker* ‘супертанкер’ ← *tanker* ‘танкер’); *out-* ‘указывает на расположение за пределами другого предмета’ (*outline* ‘очертание, контур, схема’ ← *line* ‘линия’); *pro-* ‘значение замещения’ (*profile* ‘сторона (проекция теоретического рисунка судна)’ ← *file* ‘реестр; папка’); *co-* ‘значение совместного действия’ (*coefficient* ‘коэффициент’ ← *efficient* ‘фактор’); *dia* ‘значение между, через, сквозь’ (*diameter* ‘диаметр’ ← *meter* ‘метр’); *pre-* ‘значение предварительного действия’ (*preoutfitting* ‘предварительное насыщение (блоков судна при строительстве)’ ← *outfitting* ‘обустройство; насыщение (блоков корабля при постройке)’).

Слабую продуктивность префиксальное терминообразование обнаруживает в славянских языках (рус. – 10 ед., укр. – 7 ед.). Большинство префиксальных СТК образуются с участием формантов греко-латинского происхождения: *де-*, *диа-*, *мета-*, *моно-*, *контр-*, *супер-*, которые широко используются в российской

терминологии [117, с 81]. В ТК славянских языков форманты греческого происхождения имеют такие значения: *диа-* ‘между’ (рус. *диаметр* ← метр, аналогично: укр. *діаметр* ← метр); *мета-* ‘через’ (рус. *метацентр* ← центр); *моно-* ‘один, единственный’ (укр. / рус. *моноблок* ← блок). В русской ТК обнаружены также СТК с латинским префиксом *контр-* ‘значение противоположности’ (*контрвинт* ← винт) и *super-* ‘значение превышения’ (*супертраулер* ← траулер, *суперсейнер* ← сейнер) [436]. В русском языке отмечены также СТК с префиксом *при-* со значением ‘приложение, присоединение’ (*прибор* ← брать, первоначально: ‘собранные из подогнанных друг к другу частей’) [438] и с префиксом *полу-* (*полупереборка* ← переборка; *полустрингер* ← стрингер; *полубимс* ← бимс).

В украинской ТК выявлены производные с формантами *пів-/напів-* ‘неполное проявление признака’, *не-* ‘значение отрицания’: *півбімс* (← бімс), *напівперебірка* (← перебірка), *непотоплюваність* (← потоплюваність).

2.1.2.3 Полупрефиксальные СТК. В немецком языке данная функция принадлежит в основном не префиксам, а так называемым полупрефиксам (43 ед.). Теория полуаффиксов получила распространение в языкознании в 50-60 гг. прошлого столетия. Наряду с термином «полуаффикс» (М. Д. Степанова [306]) и «аффиксоид» (Н. М. Шанский [345], М. В. Черепанов [339]) в лингвистике для обозначения переходных формантов предлагаются и другие термины: «префигированный словоэлемент» (В. П. Григорьев [107]), «относительно свободные / связанные морфемы» (Е. С. Кубрякова [198]), «комбинирующиеся формы» (И. В. Арнольд [16], Р. Г. Зятковская [143], З. П. Комолова [180], Л. Вауер [367]), «субаффиксы» (Е. А. Крашенинникова [190]), «радиксоид» (Е. С. Кубрякова [198], И. А. Потапова [271]), «префиксированная основа» (Н. М. Шанский [345]). В русистике наиболее широкое распространение получил термин «аффиксоид» (суффиксоид и префиксоид), в то время как в германистике общепринятым является термин «полуаффикс» [16; 57; 306] и «комбинирующаяся форма» [306; 143; 180].

В данной работе под полуаффиксом понимается «словообразовательный элемент (формант), который формально совпадает с основой или словоформой свободно функционирующего слова, схож с ним семантически с разной степенью переосмысления, связан с ним этимологически и серийно употребляется в словообразовании в качестве относительно связанной морфемы, в которой обобщенное грамматическое значение, неизменное для конкретного класса созданных с помощью этой морфемы слов, преобладает над первоначальным десемантизированным лексическим значением» [181, с. 81].

В немецкой ТК выявлены производные со следующими полупрефиксами, которые имеют пространственное значение [380, с. 204; 397, с. 23]: *vor-* (*das Vorschiff* ‘нос’ (букв. ‘[то, что находится] перед судном’) ← *das Schiff* ‘корабль’); *zwischen-* (*das Zwischendeck* ‘твиндек’ (букв. ‘[то, что находится] между палубами’) ← *das Deck* ‘палуба’); *neben-* (*die Nebenabteilungen* ‘смежные отсеки’ (букв. ‘отсеки, [которые находятся] рядом друг с другом’ ← *Abteilung* ‘отсек’). Полупрефикс *gegen-* имеет значение противопоставления: *der Gegenkiel* ‘резень-киль’ (букв. ‘киль, [который находится] на противоположной стороне’) ← *Kiel* ‘киль’).

2.1.2.4 Префиксально-суффиксальные СТК. Префиксально-суффиксальный способ образования СТК является непродуктивным в сопоставляемых языках (нем. – 1 ед., рус. – 3 ед, укр. – 1 ед.), а в английском СТК данного типа не обнаружены: нем. *Gehäuse* ‘корпус’ (← *Haus* ‘дом’); рус. *изделие* (← *делать*), *укосина* (← *косой*), *погрешность* (← *грешить*); укр. *укосина* (← *косити*).

2.1.3 Конверсия

Одной из проблем, связанных с конверсией, является проблема отнесенности ее к тому или иному способу словообразования. По наблюдениям ряда лингвистов, в германских языках данный способ словообразования является продуктивным [11, с. 87; 306, с. 100; 374, с. 127; 380, с. 208]. В отечественной науке это явление получило, в частности, название «морфологическая конверсия» [298, с. 71], а в зарубежной лингвистике – «нулевая деривация» [379, с. 295].

Конверсия как переход слова из одной части речи в другую (морфолого-синтаксический способ) принимает участие в образовании СТК лишь германских языков, с заметным преобладанием английского (24 ед.) над немецким (11 ед.). О. Есперсен, исследуя источники возникновения конверсии, определяет ее, как чисто «английскую уникалию», поскольку процесс редукции окончаний был типичен только для данного языка и отсутствие в нем морфологических показателей частей речи способствовало развитию конверсии [388, с. 152–153]. Эту точку зрения оспаривает Х. Марчанд, считая, что конверсия встречается и в некоторых других германских языках, а также в русском языке и в санскрите, признавая ее высокую активность в английском языке [394, с. 295].

В настоящей работе под конверсией понимается образование нового слова без использования словообразовательного элемента, которое относится к другой части речи и имеет другие дистрибутивные характеристики [17, с. 156], ср.: англ. *build* ‘строение; конструкция’ (← *to build* ‘строить’), *tug* ‘буксир, главное судно’ (← *to tug* ‘буксировать’); нем. *Absenken* ‘погружение, опускание’ (← *absenken* ‘опускать, погружать’), *Einrüsten* ‘установка (стапельных) лесов’ (← *einrüsten* ‘устанавливать (леса)’), *Anmarken* ‘нанесение линии марки’ (← *anmarken* ‘маркировать’). В немецкой ТК абсолютное большинство терминологических единиц (8 ед.), образованных посредством конверсии, являются субстантивными инфинитивами, выражающими процесс, который мыслится предметно как название (независимо от носителя данного действия или состояния и времени его протекания) [306, с. 102], например: нем. *Verschleifen* ‘шлифовка (дефектов)’ (← *verschleifen* ‘шлифовать’), *Nachpassen* ‘подгонка (деталей)’ (← *nachpassen* ‘подгонять’), *Richten* ‘рихтовка, выпрямление’ (← *richten* ‘выпрямлять’).

В английской ТК в сферу конверсии втягиваются не только глаголы (см. примеры выше), но и прилагательные и наречия (5 ед.): *flat* ‘платформа; помещение; каюта’ (← *flat* ‘плоский’), *aft* ‘корма; кормовая часть’ (← *aft* ‘позади’), *forward* ‘носовая часть’ (← *forward* ‘вперед’), *main* ‘магистраль; магистральный трубопровод’ (← *main* ‘главный’).

2.1.4 Аббревиация

Стремление к сжатости, экономии языковых средств ведет к появлению различного рода сокращений, усечений, редуцированию исходных форм, скрещиванию слов и т. п.

Аббревиация (сокращение) является самым молодым, но, несмотря на это, достаточно продуктивным способом словообразования, который направлен на все бóльшую регламентацию и упорядоченность словообразовательной системы языка [423, с. 9].

Распространение аббревиатур в большинстве терминосистем обусловлено, среди прочего, тем фактом, что они соответствуют требованиям краткости термина. Благодаря этому аббревиатуры передают необходимые понятия и предметы емко и компактно [97; 147].

Несмотря на высокую продуктивность аббревиации и, вследствие этого, пристальное внимание лингвистов к этому способу производства слов [50; 80; 127; 138; 170], в теории словообразования не существует единой точки зрения относительно ее места в дериватологии и терминообразовании. Большинство лингвистов едины во мнении относительно деривационного характера аббревиатуры, в связи с чем, любая аббревиатура рассматривается как результат процесса лексикализации, т.е. как отдельное самостоятельное слово [127, с. 37]. Традиционно аббревиация квалифицируется как способ словообразования, приводящий к лексикализации (закреплению в языке) графических инициальных сокращений. Так, Д. И. Ганич в словаре лингвистических терминов определяет аббревиатуру как «сокращение сложных слов (существительных), которые образованы из начальных звуков, начальных букв или начальных частей слов, на базе которых формируются сокращения. В состав аббревиатуры может входить и целое слово» [420, с.7].

Между тем тождество семантики словосочетания и соответствующей ему аббревиатуры позволяет некоторым лингвистам считать, что между словосочетанием и аббревиатурой не существуют словообразовательных отношений. Такое мнение высказывает, в частности, В. И. Теркулов, полагая, что

«аббревиатуры являются универбализованным (вербальным) эквивалентом словосочетания, т. е. словом, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию» [319, с. 134].

Е. С. Кубрякова отмечает, что лексические сокращения как результат аббревиатуры находятся на периферии словообразования, на границе между мотивированными и немотивированными знаками и определяет аббревиатуры как «процесс создания единиц вторичной номинации со статусом слова, состоящий в усечении любых линейных частей источника мотивации и который приводит к появлению такого слова, отражающего в своей форме какую-либо часть или части компонентов исходной единицы» [199, с. 71]. Аббревиация является, таким образом, производной единицей данного процесса.

В настоящей работе аббревиация понимается как «единица устной или письменной речи, которая создана из отдельных элементов звуковой или графической оболочки развернутой формы (слова или словосочетания), с которой эта единица находится в определенной лексико-семантической взаимосвязи» [50, с. 100].

Анализ СТК-аббревиатур в германских и славянских языках позволил выделить следующие типы сокращений [125, с. 47; 379, с. 218–223]:

1) *составные аббревиатуры*, в структуру которых входят часть или части только одного слова;

2) *сложносоставные аббревиатуры* (или аббревиатуры смешанного типа), состоящие из редуцированных частей слова и полных слов;

3) *инициальные аббревиатуры*, в состав которых входят начальные буквы / звуки (инициалы) слова или сокращенного словосочетания.

Аббревиация является одним из активных словообразовательных способов в германских языках [125; 379]. В сфере ТК данный способ словообразования не проявляет, однако, высокой продуктивности как в славянских языках (рус. – 37 ед., укр. – 21 ед.), так и в германских (нем. – 49 ед., англ. – 16 ед.).

В немецкой ТК подавляющее большинство анализируемых единиц представляют собой сложносоставные аббревиатуры (46 ед.), в которых редуцируется начальный сегмент производящего слова, например: *das U-Boot* (← *das Unterseeboot*) ‘подводная лодка’; *die NE-Metalle* (← *die Nichteisenmetalle*) ‘цветные металлы’; *der Öko-Tanker* (← *der ökologische Tanker*) ‘экологически безопасный танкер’.

В немецком языке зафиксирован единичный случай инициальной аббревиатуры (*MS* ← *das Motorschiff* ‘теплоход’).

К составным СТК-аббревиатурам относятся два вида сокращений: *апокопа* (*der Akku* ← *der Akku(mulator)* ‘аккумулятор’) и *синкопа* (*das Kümo* ← *Kü(sten)mo(torschiff)* ‘теплоход прибрежного плавания’), т.е. аббревиатуры соответственно с опущением конечной части производящего простого слова и финальных частей компонентов производящего сложного слова.

В английской ТК, которая уступает немецким сокращениям более чем в три раза (16:49), отмечены также три типа СТК-аббревиатур, а именно:

1) составные аббревиатуры (3 ед.) с усечением как первой части слова (афреза) (*fender* ← *(de)fender* ‘кранец; внешний привальный брус’), так и последней (апокопа) (*cab* ← *cab(ine)* ‘кабина, закрытое крыло мостика’; *ferry* ← *ferry(boat)* ‘паром’);

2) сложносоставные аббревиатуры (5 ед.) с усечением начальной части исходного словосочетания: *U - bow* (← *U-shaped bow*) ‘носовой край с U-образными шпангоутами’, *fab-shop* (← *fabric shop*) ‘сварочный цех’, *helideck* (← *helicopter deck*) ‘вертолетная палуба’. В одном случае аббревиатура возникла путем сращения начальной и конечной частей производящего словосочетания: *mack* (← *ma(st) (sta)ck*) ‘мачта-труба’;

3) инициальные аббревиатуры (8 ед.), большинство из которых являются двух- и трехкомпонентными акронимами: *VLCC* (← *very large crude carrier*) ‘супертанкер’, *SES* (← *surface - effect ship*) ‘судно на воздушной подушке’, *GRP* (← *glass reinforced plastic*) ‘судно из стеклопластика’, *radar* (← *random access digital audio record*) ‘локатор; радар’, *LCAC* (← *air-cushion landing craft*)

‘десантные суда на воздушной подушке’, *MS* (← *motorship*) ‘теплоход, дизельное судно; радар’.

В русской ТК выявлены два типа аббревиатур: сложносоставные и инициальные СТК. Последний тип аббревиатур преобладает: рус. *ГТУ* (← *газотурбинная установка*), *ГГК* (← *гирогоризнтокомпас*), *ПЭУ* (← *пароэнергетическая установка судна*), *ФРНС* (← *фазовая разностно-дальномерная радионавигационная система*).

Среди сложносоставных СТК-аббревиатур [234, с. 14] в славянских языках преобладают сокращения, в которых в качестве собственно аббревиатуры (оставшейся части после усечения) выступают морфемы иноязычного происхождения (рус. – 30 ед.), ср.: рус. *гидравлическая механика* (1) → *гидромеханика* (2) → *гидро* (3). Приведенная деривационная цепочка демонстрирует пошаговый механизм появления СТК-аббревиатуры: на первом деривационном шаге происходит одновременное отсечение конечной части детерминативного компонента и присоединение к его оставшейся части базового компонента исходного словосочетания (1), что приводит к появлению композита (2); отсечение второго компонента композита приводит к появлению аббревиатуры (3), аналогично: рус. *автоматический трансформатор* → *автотрансформатор* → *авто-*; *электрический двигатель* → *электродвигатель* → *электро-*; *энергетическая система* → *энергосистема* → *энерго-*; *турбинный генератор* → *турбогенератор* → *турбо-*; *термическая обработка* → *термообработка* → *термо-*.

В конце 60-х годов прошлого века в русистике для характеристики аббревиатур с компонентами *авто-*, *электро-*, *энерго-*, *гидро-*, *турбо-*, *термо-* и др., наряду с термином «компонент аббревиатуры», начинает употребляться термин «аббревиатурная морфема» для наименования частей сложносокращенных слов, соотносящихся с одним из компонентов исходного словосочетания [170, с. 4]. Подобные аббревиатурные морфемы (*Прим.* – «морфемная аббревиация» в терминологии В. В. Борисова) сохраняют структурно-семантическое единство и входят в состав сокращенных единиц и

вызывают таким образом в сознании слушающего соответствующую полную форму [50, с. 101]. Сложносокращенные слова, которые имеют в своем составе аброморфему одного или нескольких слов, именуются соответственно *аброморфемными аббревиатурами*. При этом аброморфемы квалифицируются как интернациональные усеченные основы, которые не подверглись десемантизации, не утратили полностью смысловой связи с мотивирующим прилагательным и сохраняют, таким образом, способность трансформироваться в эквивалентное сложносокращенному слову словосочетание [170, с. 10]. Добавим, что в германских ТК слова с подобным терминообразующим элементом представлены в основном в качестве составного компонента сложного слова или словосочетания: ср.: англ. *hydro-conic hull* ‘корпус с обводами развертываемой формы’, *hydrofoil* ‘судно на подводных крыльях’; нем. *Elektro-Gasschweißung* ‘электрогазовая сварка’.

В группе сложносоставных отмечены также СТК-аббревиатуры с усечением финального сегмента детерминативного компонента исходного словосочетания: рус. *котлоагрегат* (← *котельные агрегат*) (2 ед.).

Составные СТК-аббревиатуры в русской ТК не выявлены.

В украинской ТК, как и в русской, обнаружено два типа сокращенных слов: инициальный и сложносоставной. Инициальный тип представлен только трехкомпонентным акронимом: укр. *СПП* (← *судно на повітряній подушці*). Подавляющее большинство СТК-аббревиатур в украинском языке составляют сложносоставные образования с аброморфемным компонентом иноязычного происхождения (19 ед.): *авто* ← *автоколивання* ← *автоматичні коливання*; *електро* ← *електродвигун* ← *електричний двигун*; *енерго* ← *енергоустаткування* ← *енергетичне устаткування*; *гідро-* ← *гідронасос* ← *гідравлічний насос*; *турбо* ← *турбоагрегат* ← *турбінний агрегат*. В одном случае СТК-аббревиатура возникла путем усечения финального сегмента детерминативного компонента исходного словосочетания: *моточовен* (← *мото(рний) човен*).

2.1.5 Словосложение

Словосложение всегда привлекало внимание многих ученых [3; 45; 59; 60; 107; 129; 153; 168; 169; 198; 232; 233; 335; 397] Оно представляет интерес с различных точек зрения, в том числе в плане морфемного и словообразовательного анализа, разграничения сложного слова и словосочетания, установления отличительных критериев композитов и др.

Отличительная особенность сложных наименований в языке выражается, прежде всего, в их структурно-семантических и функциональных особенностях. По словам Г. О. Винокура «сложные слова нужны не только для удовлетворения потребности в новых словах, но и потому, что очень часто существует необходимость воплотить две идеи в одном слове» [66, с. 14].

Большинство ученых выделяют четыре основных критерия для определения сложного слова: 1) морфемная структура, т.е. наличие в его структуре двух или более корневых морфем; 2) семантическое единство составляющих компонентов; 3) синтаксическая целостность; 4) грамматическая целостность сложного названия [29; 60; 129; 168; 198; 233; 287; 333; 335; 378; 392; 393; 397].

Относительно *морфемной структуры*, Е. Бенвенист полагает, что сложная структура формируется отношениями, которые устанавливаются между реалиями, а не между знаками: «При анализе сложных слов необходимо различать два фактора, которые подчиняются разным условиям: логическое отношение и формальную структуру. Последний фактор, зависит от первого. Структура формируется отношением. Только логическое отношение дает критерии для функциональной классификации типов сложных слов. Таким образом, отношения, устанавливаемые между двумя компонентами, должны рассматриваться как первый, наиболее общий критерий, которому все остальные будут подчинены» [30, с. 242].

Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что основным критерием для выделения сложных слов является семантический критерий. Любое слово в языке характеризуется не только единством своей структуры, но прежде всего тождеством содержания. Можно согласиться также с мнением О. П. Ермаковой о

том, что слова способны выражать нечто большее, чем то, что содержит совокупность значений его составных частей [126, с. 4]. Лексическое значение композита выходит за рамки совокупности значений его непосредственных компонентов, оно «... определяется сложными взаимоотношениями между ними, их гносеологическими функциями, природой и отображением объекта» [163, с. 55].

Особенность сложных слов обусловлена также их тесными связями с синтаксисом. Композиты мотивируются преимущественно двучленными или трехчленными словосочетаниями. По мнению Е. Бенвениста, все сложные слова базируются на синтаксических трансформах: «Именное словообразование – это микросинтаксис. Каждый тип сложных имен надо изучать как трансформацию любого типа синтаксически свободного высказывания» [30, с. 46–47].

Грамматическая целостность сложного наименования находит свое отражение в цельнооформленности. Критерий лексико-грамматического единства приводит также к непроницаемости сложного слова, наличию у него одной синтаксической функции, одного ударения и написания [289, с. 44].

В сфере терминологии словосложение способно наиболее емко и точно выражать специальное понятие. Кроме того, в сложных словах отчетливо проявляется действие закона экономии лингвальной энергии, что способствует более оптимальному и эффективному общению коммуникантов [123, с. 9]. Композиты наиболее точно соответствуют таким признакам термина как слитность, единство формальной структуры и моносемантизм.

Словосложение как наиболее продуктивный и распространенный способ образования новых слов занимает ведущее место в системе словообразования современного немецкого языка, в особенности, в области именного словообразования [43; 60; 378; 381; 382; 397; 398]. Данная тенденция находит свое отчетливое отражение и в сфере немецких ТК, где на долю словосложения приходится 70,3% (1853 ед.) от общего объема СТК (2 638 ед.).

В английском языке словосложение также является древним и одновременно наиболее универсальным способом образования новых слов, поэтому оно рассматривается многими лингвистами [144; 233; 301; 322; 335; 366; 387;

394; 414] как один из продуктивных способов деривации, на долю которого в современном английском языке приходится более одной трети всех новообразований [137, с. 27]. Однако, данная тенденция, в отличие от немецкого языка, проявляется в терминосистеме кораблестроения английского языка менее заметно (4,7% или 131 ед.), хотя композиты занимают четвертое место по продуктивности в общем корпусе английских СТК (2 832 ед.).

К одной из основных проблем теории английского языка относится проблема разграничения сложных слов и словосочетаний. Словосложение в теории языка обычно рассматривается как сочетание двух или более основ в единое новообразование. Но, как правило, в английском языке, эти основы часто омонимичны словоформам. Нормам современного английского языка не противоречит объединение слов, которые имеют те же лексико-грамматические признаки, что и объединенные при словосложении основы, поэтому бывает трудно определить, в каком случае речь идет о сложном слове или словосочетании. Проблема разграничения касается, прежде всего, сочетаний, образованных по модели N+N, которая получила в теории лингвистики название *stone wall*.

К настоящему времени разработан ряд критериев, которые используются для разграничения сложных слов и словосочетаний. По мнению, А. Г. Садыковой, сложные слова характеризуются: 1) семантической целостностью; 2) номинативной целостностью; 3) невозможностью свободного замещения первого и второго компонентов; 4) морфологической цельнооформленностью; 5) акцентной цельнооформленностью; 6) непроницаемостью, т.е. невозможностью разделить компоненты сложного слова; 7) характером смысловых отношений между компонентами сложного слова (атрибутивными, предикативными, обстоятельственными, объектными и т.д.); 8) отнесенностью к той или иной части речи; 9) возможностью построения по определенным структурно-семантическим моделями; 10) способностью служить базой для образования сложных слов [287, с. 71-72].

В последнее время в связи с развитием тенденции формального описания языков, широко применяется еще один критерий – орфографический. Суть его

заключается в том, что любой комплекс, который пишется слитно или через дефис рассматривается как сложное слово, в то время как отдельно оформленный комплекс компонентов считается словосочетанием. Данный подход, однако, не может быть абсолютным критерием, поскольку корреляция между целостностью многокомпонентного слова и его слитным написанием не абсолютна. Кроме того, существует множество пограничных случаев, когда написание слова варьируется, ср.: *drydock / dry-dock / dry dock* ‘сухой док’.

Итак, композит можно определить как лексическое образование, которое создается по внутренним законам развития языка путем слияния в единую лексическую единицу двух или более основ, которые имеют синтаксическую связь и не теряют своего лексического значения, благодаря чему обладают лексико-семантическим единством. Это лексема, которая, в зависимости от большего или меньшего объединения в ней компонентов, занимает промежуточное место между простым дериватом и словосочетанием.

2.1.5.1 СТК-компози́ты немецкого языка. С точки зрения количественного состава компонентов в структуре сложного слова немецкие СТК-компози́ты распадаются на 5 типов (см. Приложение А, табл. 6):

1. Двухкомпонентные СТК-компози́ты;
2. Трехкомпонентные СТК-компози́ты;
3. Четырехкомпонентные СТК-компози́ты;
4. Пятикомпонентные СТК-компози́ты;
5. Шестикомпонентные СТК-компози́ты.

2.1.5.1.1 *Двухкомпонентные СТК-компози́ты* согласно семантико-синтаксическому критерию делятся на 2 группы:

1) *детерминативные* (1194 ед.): *der Wingtank* ‘(продольная) подпалубная цистерна’, *der Stahlmast* ‘стальная мачта’;

2) *копулятивные* (2 ед.): *das Fockmast* ‘фока-мачта’, *die Toppnantstalie* ‘топенант-тали’.

В контексте общей тенденции с литературным немецким языком копулятивные СТК количественно заметно уступают детерминативным композитам [60, с. 3].

По наличию или отсутствию соединительного элемента немецкие СТК-композиты распадаются на два типа:

- 1) *полносложные* композиты: *Bordseite* ‘борт судна’, *Tieftank* ‘диптанк’;
- 2) *неполносложные композиты*.

В роли соединительного элемента выступают:

-s: *Abteilung/s/länge* ‘длина отсека’, *Abnutzung/s/toleranzen pl* ‘добавки на износ (обшивки, набора)’, *Arbeit/s/deck* ‘рабочая палуба’;

-(e)n: *Antenne/n/mast* ‘антенна-мачта’, *Akkumulator/en/raum* ‘аккумуляторная’;

-e: *Lad/e/kapazität* ‘грузовместимость’.

Среди неполносложных композитов встречаются СТК, компоненты которых соединяются друг с другом с помощью дефиса: *Sommer-Tiefgang* ‘летняя осадка’, *Ammoniak-Tanker* ‘судно-амиаковоз’, *See-Eigenschaften* ‘мореходные качества’.

В зависимости от частеречной принадлежности определяющего компонента детерминативные двухкомпонентные СТК-композиты распадаются на пять структурных типа (см. Приложение А, табл. 4) с заметным преобладанием бисустановительного типа (N+N) (*Schiffstyp* ‘тип судна’) (877 ед. или 73,5%) над остальными.

2.1.5.1.2 *Многокомпонентные СТК-композиты* отличаются комплексной структурой детерминатива и основного слова, что обуславливает специфику их оформления [43, с. 10]. Среди многокомпонентных СТК преобладают трехкомпонентные композиты (515 ед.): *Brücken / deck / balken* ‘бимс палубы средней надстройки’, *Krängungs / ausgleich / tank* ‘креновая цистерна’.

Отмечены также четырехкомпонентные СТК-композиты (*Achter / schiffs / wasser / linie* ‘кормовая ветвь ватерлинии’, *Schiffs / körper / montage / methode* ‘способ сборки корпуса судна’ (130 ед.); пятикомпонентные (*Drei-Stufen-Schiff / bau / methode* ‘метод одновременного строительства трех

судов') (10 ед.); шеститикомпонентные (*Drei/insel- Schiffs / körper / montage / methode* 'трехостровной метод сборки корпуса') (2 ед.)

Доминирующей структурной моделью в корпусе трикомпозигов является модель N + N + N (227 ед.). Среди них различаются СТК с разветвленным детерминативом (*Deck/haus//etage* 'ярус рубки') (133 ед.) и с разветвленным основным словом (*Aluminium//Schiff/s/körper* 'корпус судна из алюминия') (96 ед.). Большинство единиц этой структурной модели являются полносложными композитами, компоненты которых сочетаются без помощи соединительного элемента (155 ед.): *Krag/träger/konstruktion* 'конструкция с консолями балками', *See/wasser/system* 'система заборной воды'. Остальные трикомпозиговы образованы с помощью соединительных элементов:

-s: *Schiff/s/kesselraum* 'судовое котельное помещение', *Behälteraufsellung/s/raum* 'отсек, в котором размещена цистерна' (37 ед.);

-n: *Brücke/n/deckbalken* 'бимс палубы средней надстройки', *Kortdüse/n/schiff* 'судно с гребным винтом в направляющей насадке' (23 ед.).

Выявлены также трехкомпонентные СТК, компоненты которых соединяются при помощи дефиса (12 ед.): *Motorenraum-Isolierung* 'изоляция машинного отделения', *Seewasser-Öffnung* 'заборное отверстие'.

Среди именных композитов обнаружены СТК, которые находятся на периферии двух- и трехкомпонентных: в роли одного из непосредственно составляющих компонентов выступает частотный компонент *Haupt* (*Haupt/deck/beplattung/Hauptdeck/beplattung* 'настил главной палубы'; *Haupt/maschinen/fundament/Hauptmaschinen/fundament* 'фундамент главного двигателя'). Добавим, что Л. Ортнер интерпретирует компонент *Haupt* как отдельный элемент композита (или префиксоид) [397, с. 710], а В. Фляйшер и Е. С. Кубрякова рассматривают образования с данным компонентом как префиксальные деривативы [378; 198].

Трикомпозиговы с *адъективным* конституентом представлены четырьмя структурными моделями. Наиболее продуктивной является модель Adj + N + N (110 ед.) с разветвленным детерминативом (*Freibord//deck* 'палуба надводного

борта') и с разветвленным главным компонентом (*Gesamt//fassungsvermögen* 'общая вместимость').

Отмечены также СТК модели N + Adj + N (12 ед.), в которых разветвленным компонентом является основное слово: *Schiff/s//außenhaut* 'внешняя обшивка судна'. Немногочисленной является модель Adj + Adj + N (4 ед.), среди них три СТК имеют разветвленный второй компонент: *Tief//kühlkammer* 'камера глубокого охлаждения'.

Полносложные СТК составляют основную часть этой группы (94 ед.); неполносложные единицы имеют в качестве соединительного элемента:

-s: *Vollsektion/s/bau* 'строительство судна по методу сборки корпуса полными секциями' (18 ед.);

-n: *Langbrücke/n/schiff* 'судно с длинной средней надстройкой' (11 ед.);

-e: *Kühllad/e/raum* 'рефрижераторный трюм, рефрижераторное грузовое помещение' (1 СТК);

дефис (6 ед.): *Leichtmetall-Aufbauten* 'надстройка из легкого металла' (6 ед.).

Трикомпози́ты с глагольным компонентом (93 ед.) представлены следующими структурными типами: (V + N + N), (N + V + N), (V + Adj + N), (Adj + V + N). Наряду с полносложными трикомпози́тами, которые являются наиболее многочисленными (54 ед.), обнаружены неполносложные образования с соединительными элементами и дефисом:

-e: *Lad/e/öltank* 'грузовой танк';

-n: *Verholkette/n/schiff* 'туерное судно';

-s: *Schiff/s/tragfähigkeit* 'грузовместимость судна';

-дефис: *Fahrgast-Liner* 'пассажирский лайнер'.

Структурная модель V + N + N (49 ед.) реализуется, в основном, СТК-трикомпози́тами с разветвленным детерминативом (38 ед.): *Ablauf/bahn//breite* 'ширина спусковых дорожек', *Trag/flügel//kante* 'кромка подводного крыла', *Steuer/bord//bug* 'крамбол правого борта'. СТК-трикомпози́ты с разветвленным основным словом составляют 11 ед.: *Lade//öltank* 'грузовой танк', *Sauge//rohrleitung* 'приемный трубопровод', *Schweiß//bauweise* 'сварная конструкция'.

Среди трикомпозитов со структурной моделью N + V + N (38 ед.) 8 СТК составляют единицы с разветвленным детерминативом (*Feuer/schutz//tür* ‘противопожарная дверь’, *Punkt/schweiß//naht* ‘точечный шов’), в то время как СТК с разветвленным главным словом насчитывают 30 ед. (*Bord//fahr/stuhl* ‘судовой лифт’).

СТК-трикомпозиты, которые имеют одновременно именной, глагольный и адъективный компоненты (V + Adj + N), (Adj + V + N) являются малочисленными (6 ед.): *Bau//trocken/dock* ‘сухой судостроительный док’, *Neu/bau//schiff* ‘вновь строящееся судно; вновь построенное судно’.

Трикомпозиты с *наречным* компонентом характеризуются наличием 3 моделей: (Adv + N + N), (N + Adv + N), (Adv + V + N) (всего 38 ед.).

Наиболее многочисленной является модель (Adv + N + N) (20 ед.) с разветвленным детерминативом (*Binnen/schiff//s/tonnage* ‘тоннаж судов внутреннего плавания’) и разветвленным основным словом (*Quer//öl/tank* ‘поперечный топливный танк’). В модели (N+Adv+N) в роли разветвленного компонента выступает только основное слово: *Boden//quer/bespantung* ‘поперечный днищевый набор’. Одним СТК представлена модель (Adv+V+N): *Netto//trag/fähigkeit* ‘чистая грузовместимость (судна)’.

Соединительным элементом в неполносложных композитах (9 ед.) выступают:

-s: *Querfestigkeit/s/verband* ‘поперечная связь’;

-n: *Seite/n/längsschott* ‘боковая продольная переборка’;

дефис: *Mehrdeck-Aufbau* ‘многоярусная надстройка’.

Модель, в которой в роли одного из компонентов выступает числительное (Num+N+N) имеет разветвленный детерминатив (22 ед.): *Vier/takt//motor* ‘четырехтактный двигатель’, *Zwanzig-Fuß-Container* ‘двадцатифутовый контейнер’, *Drei/bein//mast* ‘триногая мачта’. Больше половины СТК этой модели являются неполносложными композитами (14 ед.). В качестве соединительных элементов выступают:

-n: *Zweischraube/n/schiff* ‘двухвинтовое [двухвальное] судно’;

-s: *Dreiabteilung/s/schiff* ‘судно с трехотсечной непотопляемостью’;

дефис: *Zwanzig-Fuß-Container* ‘двадцатифутовый контейнер’.

Трикомпози́ты с *компонентом-предлогом* (Pr + N + N) являются полносложными единицами (7 ед.): *Zwischen/deck//treppe* ‘междупалубный (наклонный) трап’.

В двух случаях в структуре трехкомпонентных СТК выступают имена *собственные*, при этом детерминатив выполняет семантическую роль имени, а главное слово – его носителя: *Parrons- Dampf/turbine* ‘паровая турбина Парсона’, *Fletter-Rotoren-System* ‘роторная система Флетнера’.

Подытоживая рассмотрение трикомпози́тных СТК в немецком языке, приведем сводную таблицу (см. в Приложении А табл. 5). В немецкой ТК выявлено 14 структурных моделей трикомпози́тов. Самыми продуктивными моделями являются две модели: (N+N+N) и (Adj +N+N). В роли первого разветвленного и неразветвленного компонентов могут выступать практически все части речи (*существительное, прилагательное, глагол, наречие, числительное, предлог*). Реже встречаются СТК с разветвлением основного субстантивного компонента другими уточняющими частями речи (*существительное, прилагательное, глагол, наречие*). Чаще (в 10 структурных моделях) в разветвленном детерминативе и базовом компоненте композитного СТК появляется существительное, обладающее бóльшим валентностным потенциалом (сочетаемостью), чем другие части речи.

2.1.5.1.3 Особую группу среди рассматриваемых СТК составляют трикомпози́ты, детерминатив которых состоит из двух основ, соединенных между собою сочинительной связью (24 ед.). Их структуру можно формально представить в виде следующей схемы: детерминативное слово (Bestimmungswort) (A), компоненты которого (a, b) соединены между собой сочинительной связью; базовое слово (Grundwort) (B), соединенное с детерминативом подчинительной связью [43, с. 6] (см. рис. 2.1).

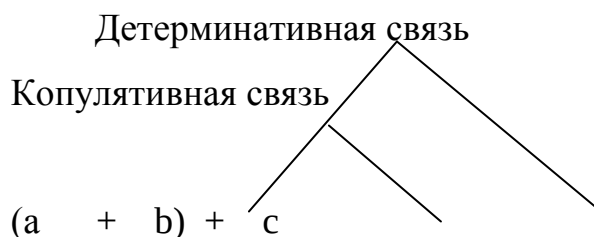

Рис. 2.1. Схема трикомпозиита с детерминативно-копулятивной связью

Анализ СТК-трикомпозиитов позволил выявить следующие структурные типы, допускающие детерминативно-копулятивный тип связи между компонентами:

- 1) (N+N) + N (20 ед.): *Motor/segel//schiff* ‘моторно-парусное судно’;
- 2) (N + V) + N (2 ед.): *Anker-und Verhol/spill* ‘якорно-швартовый шпиль’;
- 3) (Adv+Adv) + N (1 ед.): *Längs- und Quer/teilung* ‘продольное и поперечное разделение (судна) на отсеки’.

2.1.5.1.4 В отличие от английского языка, в котором «сочетания из четырех компонентов «автоматически» рассматриваются как синтаксическая группа [392, с. 200] (и соответственно имеют два главных ударения), *четырёхкомпонентные СТК* в немецком имеют те же особенности, что и *трехсоставные субстантивные композиты* [397, с. 20]. В немецкой ТК выявлено 130 *четырёхкомпонентных СТК*, которые распадаются на следующие группы [397, с. 20-21]:

1) СТК с двухсторонним расширением (85 ед.): *Ankerklüsen-Deckflansch* ‘палубный фланец якорных клюзов’, *Schiffskörperbaumethode* ‘способ сборки корпуса судна’;

2) СТК с односторонним левым расширением (29 ед.): *Freiborddecksbalken* ‘бимс палубы надводного борта’ → *der Balken des Freiborddecks*, *das Mehr-Ruderanlagen-Schiff* ‘судно с несколькими рулями’ → *das Schiff mit Mehr-Ruderanlagen*;

3) СТК с односторонним правым расширением (18 ед.): *das Mittelfahrgastschiff* ‘среднее пассажирское судно’ → *mittleres Fahrgastschiff*, *die Sektionsschiffbauweise* ‘секционный метод постройки судна’ → *die Schiffbauweise in Sektionen*.

Четырехкомпонентные СТК-компози́ты в немецком языке представлены 25 структурными типами, 14 из них отмечены лишь единичными примерами. Наиболее продуктивными структурными типами четырехкомпонентных СТК-компози́тов являются следующие пять типов:

- 1) Adv+N+N+N (25 ед.): *Außen/haut/boden/platte* ‘лист днищевой обшивки’;
- 2) N+N+N+N (22 ед.): *Anker/klüsen-Deck/flansch* ‘палубный фланец якорных клюзов’;
- 3) Adj+N+N+N (14 ед.): *Doppel/boden/tank/decke* ‘второе дно’;
- 4) N+N+V+N (14 ед.): *See/krabben/fang/boot* ‘краболовное судно’;
- 5) V+N+N+N (10 ед.): *Lade/pumpen/raum/schott* ‘переборка грузового насосного отделения’.

В качестве соединительного компонента на стыке детерминативного и ядерного компонентов выступают чаще дефис (31 ед.) и элемент – s (13 ед.):

Werft-Körperbauhalle ‘корпусный цех верфи’; *Großsektion/s/bauweise* ‘крупносекционный метод постройки судна’ (13 ед.).

Большинство четырехкомпонентных СТК-компози́тов являются полносложными единицами без соединительного элемента (82 ед.): *Weltschiffbaumarkt* ‘мировой рынок судостроения’.

2.1.5.1.5 В немецкой ТК выявлено 10 СТК-компози́тов, состоящих из пяти компонентов. Низкая продуктивность данных компози́тов в ТК коррелирует с общей тенденцией о слабой распространенности подобных образований в общеупотребительном немецком языке [397, с. 26]. Данные компози́ты состоят не из отдельных (самостоятельных) пяти лексем, а из двух или трех «готовых» словесных комплексов, как правило сложных слов, поэтому граница между конститuentами таких компози́тов достаточно четко различима [397, с. 26–27]: *Zweiklassen-Fahrgastschiff* ‘двухклассное пассажирское судно’, *Dreifach-Expansions-Dampfmaschine* ‘паровая машина с тройным расширением’. Среди анализируемых СТК-компози́тов обнаружены случаи с односторонним расширением:

A (N) – B (V+N+Adj+N): *Bug//heiz/öl/tief/tank* ‘носовой топливный диптанк’;

A (N+N+V+N) – **B** (N): *See/fracht/-und Fahr/gast//schiff* ‘морское грузопассажирское судно’.

В четырех случаях у СТК-компози́тов с двухкомпонентным левым и трехкомпонентным правым расширением отмечены следующие структурные типы:

A (Num +N) – **B** (N+V+N): *Drei/-Stufen// Schiff/bau/methode* ‘метод одновременной постройки трех судов’;

A (V+N) – **B** (Adj+N+N): *Speise/wasser//doppel/boden/zelle* ‘цистерна питательной воды двойного дна’;

A (Num +N) – **B** (V+N+N): *Zwei/klassen//Fahr/gast/schiff* ‘двухклассное пассажирское судно’;

A (Adj+N) – **B** (Adj+N+N): *Doppel/schrauben//Schnell/dampf/schiff* ‘двухвинтовой экспресс-пароход’.

Отмечены СТК-компози́ты с трехкомпонентным левым и двухкомпонентным правым расширением с такими структурными типами (3 ед.):

A (N+V+N) – **B** (N+N): *See/fahr/gast//motor/schiff* ‘морской пассажирский теплоход’;

A (N+N+N) – **B** (V+N): *Eisen/bahn/güter//fährr/schiff* ‘паром перевозчик железнодорожных материалов’;

A (Adj+N+N) – **B** (N+N): *Hoch/druck/gas//zufuhr/system* ‘система подачи газа под высоким давлением’.

2.1.5.1.5 Шестикомпонентные СТК-компози́ты представлены только двумя лексическими единицами с правосторонним расширением, построенными по модели: **A** (Num+N) – **B** (N+N+N+N): *Dreiinsel-Schiffskörpermontagemethode* ‘трехостровной метод сборки корпуса’, *Zweiinsel-Schiffskörpermontagemethode* ‘двухостровной метод сборки корпуса судна’.

Добавим, что среди пяти- и шестикомпонентных СТК полносложные компози́ты без соединительного элемента (5 ед.) количественно уступают неполносложным (9 ед.) с дефисом в качестве соединительного элемента.

Итак, структурный анализ немецких СТК-компози́тов позволил выявить в ТК наличие двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестикомпонентных компози́тов

(см. Приложение А, табл. 5). Подавляющее большинство композитов являются детерминативными сочетаниями. Копулятивные СТК-компози́ты встречаются в немецкой ТК крайне редко (2 ед.). Полносложные композиты без соединительного элемента преобладают над неполносложными композитами. Среди двухкомпонентных СТК-компози́тов выявлены 5 структурных типов, самым продуктивным из которых является бисубстантивная модель (N+N) (около 73%) (см. Приложение А, табл. 4).

Среди многокомпонентных СТК количественно преобладают трехкомпонентные композиты (515 ед.), у которых отмечено 14 структурных типов (см. Приложение А, табл. 5). Самыми продуктивными из них являются пять типов: (N+N+N), (Adj+N+N), (V+N+N), (Num+N+N), (Adv+N+N). Особую группу составляют СТК-трикомпози́ты с детерминативом из двух основ, соединенных между собою сочинительной связью (24 ед.). Среди четырехкомпонентных СТК (130 СТК) доминируют композиты с двухсторонним расширением (83 ед.), по сравнению с односторонним левым (29 ед.) и правым (18 ед.) расширением. Немецкие четырехкомпонентные СТК-компози́ты характеризуются наибольшим количеством структурных типов (25). Самыми продуктивными из них являются пять типов: Adv+N+N+N (23 ед.), N+N+N+N (22 ед.), Adj+N+N+N (14 ед.), N+N+V+N (14 ед.), V+N+N+N (10 ед.). Пяти- и шестикомпонентные СТК обладают низкой продуктивностью.

2.1.5.2 СТК-компози́ты английского языка. На долю СТК-компози́тов в английской ТК приходится 6,2% (131 ед.).

Подавляющее большинство английских СТК-компози́тов являются детерминативными сложными словами (119 ед.), ср. их трансформацию: *forebridge* ‘носовой мостик’ → *brifge* (A), *which situates fore* (B), *cargoship* ‘грузовое судно’ → *ship* (A), *which transports a cargo* (B). Лишь 12 СТК-компози́тов являются копулятивными, которые, в свою очередь, распадаются на две группы:

1) аддитивные композиты, которые образуются от основ двух независимо функционирующих слов одной и той же части речи (11 ед.): *drifter-trawler* ‘дрифтер-траулер’;

2) композиты, образованные с помощью основ, которые рифмуются (1 ед.) [366, с. 212]: *hurdy-gurdy* ‘лебедка для выборки снасти на борт’.

Среди английских СТК-композиов с сочинительной связью большинство составляют юктапозиов, в которых соединительным элементом выступает дефис (11 ед.): *ferry-freighter* ‘грузовое паромное судно’, *face-plate* ‘полка (составная балка), не прилегающая к обшивки’.

2.1.5.2.1 В структурном отношении английские СТК-композиов распадаются на 6 типов (см. в Приложении А, табл. 7):

1) **N+N**: *deckhouse* ‘(палубная) рубка’, *cargoship* ‘грузовое судно’, *fishroom* ‘рыбный трюм’. Этот структурный тип является самым продуктивным;

2) **Adj+N**: *coolroom* ‘рефрижераторный трюм’, *dry-dock* ‘сухой док’, *freeboard* ‘надводный борт или высота надводного бортов’;

3) **V+N**: *drawbeam* ‘грузоподъемная балка’, *hovercraft* ‘судно или катер на воздушной подушке’;

4) **SW+N**: *LASH-carrier* (*LASH - lighter-abord-ship*) ‘лихтеровоз’, *LPG* (*liquefied petroleum gas*) *tanker* ‘судно (газовоз) для перевозки сжиженных газов’;

5) **Adv+N**: *contra-horn* ‘кронштейн’, *downtank* ‘сборный танк’;

6) **Num+N**: *one-decker* ‘однопалубное судно’.

В зависимости от словообразовательной структуры составляющих компонентов английские СТК-композиов распадаются на следующие группы [17, с. 122]:

1) сложные слова, состоящие из корневых морфем: *board/walk* ‘дощатый настил’, *cable/ship* ‘кабелеукладочное судно’;

2) сложные слова, в которых по крайней мере один из компонентов является производным: *keel-laying* ‘закладка (судна)’, *half-decker* ‘судно с неполной палубой’, *hawser-port* ‘клюз’;

3) сложные слова, в которых один из компонентов является усеченной основой: *autoplotter* ‘автопрокладчик (курса судна)’, *auto-welding* ‘автоматичная сварка’;

4) сложные слова, в которых один из компонентов выступает в форме аббревиатуры: *PROBO-carrier* (*PROBO-product-oil-bulk-ore*) ‘комбинированное судно для перевозки нефтепродуктов’, *SWATH-ship* (*SWATH - Small Waterplane Area Twin Hull*) ‘катамаран [двухкорпусное судно] с малой площадью действующей ватерлинии’.

Добавим, что в английской ТК были выявлены только двукомпонентные СТК-компози́ты.

2.1.5.2.2 Главным компонентом в структуре английских СТК-компози́тов может быть, как первый, так и второй его конституент. По типу отношений между компонентами различают два типа компози́тов: эндоцентрические и экзоцентрические [124, с. 43.].

Эндоцентрический компози́т – это сложное слово, значение которого складывается из суммы значений его компонентов (90 ед.): *cargoship* ‘грузовое судно’ (← *cargo* ‘груз’ + *ship* ‘корабль’), *forebody* ‘носовая часть корпуса судна’ (← *fore* ‘передняя часть’ + *body* ‘тело, корпус’).

Экзоцентрический компози́т – это составное слово, значение которого не вытекает из значений его составляющих, т. е. значение всего компози́та идиоматизировано (переосмыслено) (41 ед.): *gooseneck* (← *goose* ‘гусь’ + *neck* ‘шея’) (букв. ‘шея гуся’) ‘двойное [S-образное] колено трубы; воздушная труба (танка, цистерны)’, которая имеет выгнутую форму S, напоминающую форму гусиной шеи – метафорический перенос значения на основе сходства формы.

2.1.5.2.3 По типу связи компонентов в структуре компози́та различаются полносложные и неполносложные СТК. Среди полносложных СТК-компози́тов выделяются морфологические и синтаксические типы.

Большинство английских СТК-компози́тов являются простыми («бесшовными») компози́тами, построенными путем простого словосложения без использования соединительного элемента: *bridge/work* ‘надстройка над мостиком’

(←*bridge* + *work*), *foilcraft* ‘судно на воздушной подушке’ (←*foil* + *craft*), *deeptank* ‘диптанк’ (←*deep* + *tank*).

Им противостоит непродуктивный тип СТК-композигов, компоненты которого соединяются посредством гласной [11, с. 105]: *chock/a/block* ‘двушкивные тали’. В одном случае в роли соединительного элемента выступает союз *and* («композит с копулятивным видом связи компонентов») [11, с. 105]: *masts-and-spares* (букв. ‘мачты и запасные части’) ‘рангоут’ (= общее устройство для постановки парусов, к главным частям которого относятся мачты, реи и т.д.).

Компоненты неполнословных СТК-композигов соединяются при помощи дефиса: *car-deck* ‘автомобильная палуба (на автомобильном пароме)’, *deck-platform* ‘неполная палуба; платформа’.

2.1.5.3 СТК-композиты русского и украинского языков. Терминология кораблестроения в славянских языках имеет много общих черт и характеристик благодаря общей истории развития украинского и русского языков. Основная масса новых сложных слов появилось в русском и украинском языках в 80–90 гг. XX века, что стало результатом социальных процессов, которые происходили в постсоветском обществе. Многочисленные контакты ранее закрытого советского языкового пространства привели к изменениям языковой системы в целом, в том числе словообразования и, прежде всего, словосложения.

Несмотря на пристальное внимание российских [18; 257; 264; 287] и украинских [3; 102; 168; 169; 280] филологов к сложным словам, многие их аспекты остаются дискуссионными и не до конца разрешенными, в частности, дефиниция сложного слова, пути и способы их образования, классификация сложных слов и др.

В теории сложных слов для обозначения производных лексических единиц используются термины «словосложение» и «основосложение». Однако, не все языковеды признают эти термины (ср., например, точки зрения В. В. Виноградова [64]), настаивая на разграничении этих понятий и подчеркивая, что «словосложение действует на уровне словообразования, диалектически переходит на морфемном уровне в основосложение. Суть вопроса заключается в том, что на

уровне словообразования происходит не только словосложение, при котором базовые или образующие слова полностью переходят в производное сложное слово, но и основосложение, при котором лишь основы базисных слов переходят в новое слово» [240, с. 126]. На разграничение осново- и словосложения как различных типов словообразования указывают в своих трудах также Н. С. Родзевич [280], К. Г. Городенская [102], В. Н. Шевчук [350], В. А. Горпинич [103] и др.

Весомый вклад в развитие учения о композитах внесла Н. Ф. Клименко, которая считает, что 10% словарного состава украинского языка составляют сложные слова, большинство из которых образуется путем основосложения [168, с. 67]. Композиты в современном украинском литературном языке включают переход от слов, образованных словосложением, к единицам, образованным в результате основосложения. По мнению лингвиста, сначала имеет место словосложение, далее на его почве формируется основосложение, которому присуще бóльшая степень связи между компонентами слова [168, с. 91]. Этот способ образования сложных слов лингвист считает «центром, в котором происходит пересечение простых слов, композитов, юкстапозитив, аббревиатур» [167, с. 316].

Основосложение рассматривается в большинстве работ [168; 169; 240] как объединение основ (а не слов) чаще всего с помощью интерфикса (если основа оканчивается на гласный, то интерфиксы не используются), ср.: рус. *водопровод*, *ветростойкость*, *пищеблок*; укр. *водопровід*, *повітроочишувач*, *котлоагрегат*. Среди рассматриваемых двухкомпонентных СТК-композитов выделяется также отдельная подгруппа слов – юкстапозиты, которые возникают путем составления нескольких слов без соединительных гласных [168, с. 3; 169, с. 742]. Юкстапозиты, в свою очередь, делятся на две группы: 1) производные слова с сочинительной связью, компоненты которых можно объединить союзом «и» (укр. – 28 ед., рус. – 25 ед.): укр. *буксир-штовкач*, *трап-балка*, *сейнер-траулер*; рус. *док-камера*, *лесовоз-пакетовоз*, *фильтр-сепаратор*); 2) композиты, которые трансформируются

в атрибутивные словосочетания (укр. – 2 ед., рус. – 2 ед.): рус. *дизель-компрессор* → *дизельный компрессор*; укр. *дизель-генератор* → *дизельный генератор*.

Словосложением (или «чистым составлением») считаются такие сложные лексические единицы, которые возникают на основе двух или более отдельных слов. Сложные слова сочетают в своей структуре две или более основы самостоятельных слов, которые сочетаются с помощью соединительных гласных *о* или *е* и иногда сопровождаются одновременной суффиксацией определяемой (базисной) основы, (рус. – 42 ед.; укр. – 33 ед.), ср.: рус. *воздухообмен*, *теплоизоляция*, *проездоспособность*; укр. *радіорубка*, *суднопідйомник*, *газорозподіл*.

В ТК украинского и русского языков наиболее продуктивной является модель N + N (рус. – 104 ед.; укр. – 64 ед.): рус. *звукоизоляция*, *цехозапан*, *газораспределение*; укр. *штормтрап*, *суднопідйомник*, *радіорубка*. В русском языке бисубстантивная модель составляет абсолютное большинство.

По модели Adj + N в украинской терминологии кораблестроения образуются только два термина; при этом в обоих случаях в качестве детерминатива выступает усеченная форма прилагательного: укр. *фальшборт*, *фальшкіль*.

2.1.5.3.1 С точки зрения семантических отношений компонентов исследуемые композиты украинского и русского языков распадаются на два подтипа: сложные слова с сочинительной (рус. *лесовоз-пакетовоз*; укр. *вал-шестірня*) и подчинительной связью (рус. *металлоконструкция* ← *конструкция из металла*; укр. *кораблебудування* ← *будування корабля*).

Копулятивные СТК-композиции называют предметы по признакам, которые обозначаются составляющими компонентами сложных слов. По признаку наличие / отсутствие соединительного элемента, в ТК славянских языков количественно доминируют неполносложные СТК-композиции, в которых соединительным элементом является дефис, ср.: рус. *блок-рама*, *вал-шестерня*; укр. *буксир-штовкач*, *лісовоз-пакетовоз*, *судно-постачальник*, а также гласные *о* или *е* : рус. *воздухообмен*, *пищеблок*; укр. *газорозподіл*.

Следует отметить, что среди СТК-композиций обоих подтипов в позиции первого и/или второго компонента могут появляться заимствованные слова

(рус. – 28 ед.; укр. – 27 ед.), ср.: рус. *хват-тали* (← голл. *talie*), *киль-блок* (← голл. *kiel*; нем. *Block*), *дизель-компрессор* (← нем. *Diesel*; фран. *compresse*); *кран-штабелер* (← голл. *kraan*; нем. *Stapel*); укр. *комінгс-площадка* (← англ. *coaming*), *румпель-талі* (← голл. *roerpen*; голл. *talie*), *мідель-шпангоут* (← голл. *middelspanthout*); *каніфас-блок* (← голл. *kannefas*; нем. *Block*);

В ТК русского и украинского языков выявлены немногочисленные трикомпози́ты (рус. – 5 ед.; укр. – 4 ед.): рус. *судо/корпус/о/строение*, *тепло/масс/о/обмен*, *нефте/мусор/о/сборщик*; укр. *нафт/о/смітте/збірник*, *паро/турбо/генератор*, *судно/корпус/о/будування*.

Итак, удельный вес словосложения в общем корпусе ТК славянских языков сравнительно невысокий (рус. – 7,5% или 109 ед.; укр. – 4,6% или 66 ед.). В обоих языках выявлены СТК-компози́ты, образованные путем основосложения и словосложения; доминирующей является модель словосложения. Среди юкстапозитов в славянских языках преобладают композиты с сочинительной связью. В ТК обоих языков композиты строятся преимущественно по модели N + N. Многочисленными в ТК русского и украинского языков являются бинарные композиты с сочинительной связью.

В обоих родственных языках превалируют неполносложные композиты, компоненты которых соединяются посредством дефиса. В славянских ТК отмечено большое количество СТК-компози́тов, одним из компонентов которых выступает заимствованное слово.

2.1.6 Сложнопроизводные СТК

Отдельную подгруппу среди композитов составляют терминологические единицы, которые образуются при одновременном участии двух способов: словосложении и аффиксации. В германистике такие лексические единицы называются сращениями (*Zusammenbildungen*) (М. Д. Степанова [306], I. Barz, W. Fleischer [378], H. Paul [398], W. Henzen [383], L. Ortner [397]). В. Хенцен относит подобные образования к особому виду словообразования, отмечая их ведущую роль в словообразовании современного немецкого языка по сравнению

со словами, построенными по аналогии с уже существующими в языке лексическими единицами [383, с. 71]. При этом немецкий исследователь отмечает, что сращения обладают высокой продуктивностью и употребительностью и не являются в чистом виде ни сложными, ни производными словами, а имеют черты и тех, и других слов.

В настоящей работе сращение рассматривается как усложненный способ словообразования, характеризующийся одновременным словосложением и суффиксацией, иными словами, новое слово (сращение) образуется с помощью суффиксации или субстантивации на базе целого (разложимого или неразложимого) словосочетания [306, с. 192].

В современной лингвистике наряду с термином «сращение» употребляется также термин «сложнопроизводное слово», под которым понимаются слова, образованные «сплетением и одновременным действием двух способов словообразования – сложения и производства» [333, с. 47; 155, с. 94]. Сходную точку зрения высказывает и И. В. Арнольд, отмечая, что в сложнопроизводных словах структурная целостность двух свободных основ подкрепляется суффиксом, относящимся к образованию в целом, а не к одному из его элементов: *kind-hearted* ‘добрый’, *teen-ager* ‘подросток’ [17, с. 76–77].

Добавим, что не все лингвисты рассматривают сращения и сложнопроизводные слова как отдельный способ словообразования. Так, Г. Э. Брекле [369], И. Л. Блумфильд [46], З. Харрис [382], Дж. Леве [392], не проводят строгого разграничения между сложными и сложнопроизводными образованиями и относят их к композитам.

2.1.6.1 В немецкой ТК выделяется несколько типов сращений (или сложнопроизводных единиц).

К первому типу относятся СТК-сращения, которые мотивируются сочетанием существительного с прилагательным или числительным (8 ед.). Так, СТК *Dreidecker* ‘трехпалубное судно’ мотивируется словосочетанием *das Schiff mit drei Decken* ‘судно с тремя палубами’. Однако, в формальном словопроизводстве *das Schiff* ‘судно’ не участвует, эту функцию берет на себя

суффикс *-er*, называющий технические устройства, приборы, аналогично: *Glattdecker* ‘гладкопалубное судно’ (← [*das Schiff*], *das das glatte Decke hat* ‘судно, имеющее гладкую палубу’), *Welldecker* ‘колодезное судно’ (← [*das Schiff*], *das Wellen hat* ‘судно имеющее волны’).

Ко второму типу относятся сращения с суффиксом *-ung* (6 ед.), появившиеся большей частью на базе устойчивого словосочетания, они обозначают либо отдельные действия (*Handeinstellung* ‘установка вручную’ ← *etwas in Hand einstellen* ‘устанавливать что-то вручную’), либо отдельные предметы технического устройства / элемента (*Bugaufklotzung* ‘носовая киповая планка’ (букв. ‘носовое наколачивание’) ← *Bug aufklotzen* ‘накалачивать нос / носовую часть корабля’).

К третьему типу в немецком языке относятся сращения, которые появляются на базе устойчивого словосочетания без участия аффикса (путем формального слияния слов) и обозначают действие (*das Indienststellen* ‘введение судна в эксплуатацию’ ← *etwas in Dienst stellen* ‘вводить что-либо в эксплуатацию’) либо технические устройства, агрегаты, машины (*Nichtstraken* ‘неровность (внешней обшивки), плавность (обводов)’ (букв. ‘ненамеченность линий обвода’) ← *nicht straken* ‘не намечать линию обвода’).

2.1.6.2 В английской ТК выявлено 21 СТК-сращение. Они мотивируются следующими группами слов:

1) сочетанием существительного с прилагательным (8 ед.): *double-ender* ‘судно с симметричными образованиями оконечностей’ (← [*a ship*], *which has a double end* ‘судно, которое имеет двойной нос’), *gillnetter* ‘судно для ловли рыбы жаберной сетью’ (← [*a ship*], *which has a net with gills* ‘судно, которое имеет рыболовную сеть с жабрами’);

2) глагольно-субстантивными словосочетаниями (8 ед.): *shipbuilding* (← *to build a ship* ‘строить корабль’); *keel-laying* ‘закладка (судна)’ (← *to lay a keel* ‘закладывать киль’).

В образовании сращений в английской ТК принимают участия не только суффиксы *-er*, *-ing*, но и послелого (5 ед.): *setting-up* ‘сборка; монтаж’ (← *to set up*

‘устанавливать), *fitting-up* ‘вырез; срез (напр., носа или кормы судна)’ (← *to fit up* ‘подгонять’), *inlet* ‘впускной [входной] отвор’ (← *to let in* ‘впускать’). Отличительной чертой английских СТК-сращений является частое использование дефиса (11 ед.) в качестве соединительного элемента.

2.1.6.3 В ТК славянских языков сращений в чистом виде не обнаружено; они чаще встречаются при образовании имен прилагательных (*быстрорастворимый*, *долгоиграющий* и т. п.). Сращения отличаются от сложений тем, что они во всех своих формах тождественны по морфемному составу словосочетаниям, на базе которых они образованы. От соответствующих словосочетаний сращения отличаются тем, что имеют единое ударение и закреплённый порядок частей [144, с. 305]. Поэтому лексические единицы, созданные на базе словосочетания и суффиксации, в славянских языках целесообразно называть сложнопроизводными СТК. Наиболее продуктивными в русской и украинской ТК являются сложнопроизводные термины типа: рус. *баржевоз*, *пакетовоз*, *пароход*; укр. *автомобілевоз*, *криголам* и т.д.

Среди лингвистов нет единого мнения о том, к какому словообразовательному типу относятся сложные слова данного вида. Некоторые лингвисты (Н. М. Шанский [345], А. Н. Тихонов [436], В. В. Лопатин [217]) определяют компоненты *-воз*, *-ход*, *-рез* как аффиксоиды. Так, А. Н. Тихонов аффиксоидами называет «такие словообразовательные части слов, которые занимают промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами [436, с. 24]. В. В. Лопатин определяет аффиксоид как «компонент сложного или сложносокращённого слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу – суффиксу (для последних компонентов сложений) или префиксу (для первых компонентов)» [217, с. 43].

2.1.6.4 У сложнопроизводных СТК русского языка, мотивированных глагольно-субстантивным словосочетанием, второй отглагольный компонент обозначает производителя действия (18 ед.): *баржевоз* (← *возить баржи*),

рудовоз (← *возить руду*), *ледокол* (← *колоть лед*), *бокситовоз* (← *возить боксит*). Три сложнопроизводных СТК русского языка относятся к сложение в соединении с материально выраженной суффиксацией [142, с. 284]: *вертолетоносец* (← *носить вертолет*), *авианосец* (← *носить авиаоборудование*), *мореходность* (← *ход / ходить по морю*).

2.1.6.5 В украинской ТК прослеживается тенденция, аналогичная русской ТК. Большинство составляют сложнопроизводные СТК с нулевой суффиксацией, мотивированные глагольно-именными словосочетаниями (18 ед.): *автомобілевоз* (← *возити автомобіль*), *криголам* (← *ломати кригу*), *лісовоз* (← *возити ліс*), *пароплав* (← *плавати на пару*), *контейнеровоз* (← *возити контейнери*). В двух случаях СТК являются сложнопроизводными суффиксальными словами: *морехідність* (← *ходити по морю*), *вертолїтоносець* (← *носити вертольот*).

2.1.7 Синтаксический способ

В ТК сопоставляемых языках СТК представлены не только однокомпонентными, но и многокомпонентными языковыми единицами. В английском, украинском и русском языках синтаксический способ терминообразования, результатом которого является термины-словосочетания, является самым продуктивным (англ. – 93,8% или 1997 ед.; рус. – 92,5% или 1358 ед.; укр. – 95,4% или 1369 ед.). В немецком языке этот способ терминообразования является слабо продуктивным (4,2% или 83 ед.), так как с ним конкурирует словосложение.

Известно, что существующая терминология не ограничивается лишь однокомпонентными терминами (В. М. Лейчик [213], Л. А. Динес [119], Л. В. Мисик [237], Л. В. Грибиник [106] и др.). Изучение профессиональных терминосистем свидетельствует о том, что более 70% специальных понятий передаются не однословными терминами, а различными типами словосочетаний. Традиционно словосочетание в лингвистике определяется как «непредикативное семантико-грамматическое объединение двух (и более) самостоятельных слов» [86, с. 527].

На продуктивность синтаксического способа терминообразования и необходимость его изучения указывают многие лингвисты [93; 213; 222]. Так, В. М. Лейчик утверждает, что «анализм номинативных конструкций присущий современным языкам для специальных целей, так же точно, как и разговорной речи ...» [213, с. 108]. В то же время автор подчеркивает, что «...подавляющее большинство терминов являются не словами, а словосочетаниями, которые образуются из двух-трех слов (около 90% в ряде терминосистем); иначе говоря, расчленение, аналитичность характерна для современной естественно-научной, технической, экономической специальной лексики [213, с. 108-109]. Многокомпонентные синтаксические комплексы способны обеспечить точную передачу различных существенных признаков терминологических понятий [222, с. 5]. В результате формируются терминологические наименования, состоящие из нескольких компонентов, то есть терминологические словосочетания [119, с. 3]. По мнению А. В. Чуешковой, термины-словосочетания, в отличие от однословных терминов, обнаруживают бóльшую способность к конкретизации значений благодаря имеющимся в собственной структуре зависимым словам; они почти не испытывают «вредного» воздействия омонимии, заметно меньше синонимизируются; им свойственна бóльшая гибкость и систематизированность по определенным моделям [343, с. 32]. Вместе с тем отмечается, что недостатком таких номинативных конструкции является их громоздкость и схожесть с определениями [114, с. 12].

Существенным отличием терминологического словосочетания от общеупотребительного синтаксического комплекса является его семантическая целостность, неспособность расчленения на самостоятельные компоненты и независимость от контекста [172, с. 99; 232, с. 98]. Добавим, что понятия, обозначаемые терминами-словосочетаниями не имеют качественных отличий от понятий, выраженных однословными терминами, что приводит к возникновению вариантных единиц, представленных словом-термином и терминологическим словосочетанием. Такие термины являются многокомпонентной линейной терминологической единицей, которая особым образом включается в

парадигматические отношения, поскольку основной принцип построения составных наименований – конкретизация опорного (субстантивного) компонента, например:

нем. *Aufbau* ‘надстройка’ → *alleinstehender Aufbau* ‘отдельная надстройка’, *durchgehender Aufbau* ‘сплошная надстройка’, *freistehender Aufbau* ‘раздельная надстройка’, *geschlossener Aufbau* ‘закрытая надстройка’;

англ. *boat* ‘судно’ → *diesel boat* ‘дизельное судно’, *excursion boat* ‘экскурсионное судно’, *line boat* ‘рейсовое судно’;

рус. *бимс* → *бульбовый/консольный/концевой/коробчатый бимс*;

укр. *трюм* → *вантажний/рефрижераторний/кормовий/носовий трюм*.

Терминологические словосочетания конкретизируют и уточняют определенные понятия и процессы кораблестроения. Основной функцией ЯСЦ является передача научной информации и реализация интеллектуальной коммуникации, которая должна быть четкой, логичной, прозрачной и эмоционально нейтральной. Именно использование словосочетаний в ТК способствует ее точности.

Термины-словосочетания классифицируются обычно по количеству структурных компонентов [209, с. 72]. К *простым словосочетаниям* традиционно относят двухкомпонентные словосочетания, а к сложным, соответственно, словосочетания, которые имеют три и более компонентов.

Итак, терминологическое словосочетание это – аналитическая (двух- или более компонентная) конструкция, выполняющая номинативную функцию, и характеризующаяся наличием дефиниции, семантической целостностью и устойчивостью.

2.1.7.1 Структурные типы СТК-словосочетания

2.1.7.1.1 *Двухкомпонентные словосочетания* являются наиболее продуктивным терминообразовательным структурным типом в исследуемых языках, «поскольку в них наименее заметны противоречия между такими требованиями к термину, как краткость и точность» [236, с. 49]. Бинарные

словосочетания точно передают определенное понятие и не препятствуют пониманию, поскольку являются короткими [124, с. 10].

Для сопоставительного исследования терминологических словосочетаний целесообразным является их анализ по степени семантической расчлененности [115, с. 107]. По мнению В. П. Даниленко, чрезвычайно важно, чтобы в термине распознавалось значение его составных частей и эти значения не противоречили содержательности самого термина с этих позиций [115, с. 107-109]. В этой связи автор предлагает выделять следующие типы терминов-словосочетаний (далее ТС):

1) неразложимые ТС, в структуре которых отсутствуют термины-компоненты или специальные слова;

2) формально разложимые ТС, которые, в свою очередь, подразделяются на два подтипа:

а) ТС, состоящие из самостоятельных компонентов терминологического характера;

б) ТС, в которых один из компонентов не является термином [115, с. 105].

С опорой на данную классификацию СТК были разбиты на следующие группы:

1) *двукомпонентные* СТК, которые, в свою очередь, распадаются на следующие подгруппы:

а) *неразложимые* СТК, ср.: англ. *wind area* ‘площадь парусности’, *air line* ‘воздухопровод’; рус. *центр тяжести, воздушная подушка*; укр. *нормы прочности, ребро жорсткості*. В немецком языке неразложимые СТК-словосочетаний не выявлены;

б) *формально-разложимые* СТК с двумя компонентами-терминами, ср.: англ. *beam trawl* ‘бим-трал’, *starboard anchor* ‘правый становой якорь’; нем. *verspannter Mast* ‘мачта с стоячим такелажем’, *hochbordiges Schiff* ‘высокобортное судно’; рус. *аппарель кормовая, клюз швартовный*; укр. *комінгс люка, амортизатор гідравлічний*;

в) *формально-разложимые* СТК с одним компонентом-термином, ср.: англ. *main bulkhead* ‘главная переборка’, *main deck* ‘главная палуба’; нем. *offene*

Brücke ‘открытый ходовой мостик’, *freies Deck* ‘открытая палуба’; рус. *предельная осадка, гак откидной*; укр. *граничний крен, кришка клюза*;

2) многокомпонентные ТС распадаются на следующие подгруппы:

а) трехкомпонентные СТК, ср.: англ. *steel products carrier* ‘судно для перевозки стальных изделий’, *main transverse bulkhead* ‘главная поперечная (водонепроницаемая) переборка’; нем. *zweifach gelagerter Mast* ‘двухопорная мачта’, *in Bau befindliches Schiff* ‘судно в постройке’; рус. *зашивка судовых помещений, судно ледового плавания*; укр. *відсік подвійного дна, судно універсальне суховантажне*;

б) четырехкомпонентные СТК, ср.: англ. *main hull stiffening members* ‘главные элементы набора корпуса судна’, *cargo handling control board* ‘пульт управления грузовой системой (на танкере)’; нем. *Schiff für die Beförderung von radioaktiven Stoffe* ‘судно для (перевозки) радиоактивных материалов’, *Schiff mit achtern angeordneter Maschine* ‘судно с кормовым расположением машинного отделения’; рус. *процесс разработки проекта судна, метод постройки судна блочный*; укр. *балка настилу другого дна, закриття люкове верхньої палуби*;

в) пятикомпонентные СТК, ср.: англ. *dry dock ship construction basin* ‘судостроительный док (бассейн)’; рус. *площадь проекции надводной части корпуса*; укр. *коефіцієнт корисної дії гребного гвинта*.

СТК-словосочетания построены во всех языках по моделям подчинительной связи своих компонентов. СТК-словосочетания с сочинительной связью не выявлены. Преобладают аналитические термины, построенные на согласовании составных частей, ср.: англ. *towing arrangement* ‘буксирное устройство’; нем. *kurze Back* ‘короткий бак’; рус. *навигационный борт*; укр. *скуловий кіль*.

Выявлены также ТС, компоненты которых объединены при помощи подчинительной связи: англ. *area of waterline* ‘площадь ватерлинии; нем. *Schiff für Einheitsladung* ‘судно для штучных [генеральных] грузов; рус. *палуба с погибаю*; укр. *відстань між перебірками*.

2.1.7.1.2 Английские двухкомпонентные СТК реализованы в основном бисубстантивной моделью (N + N) с левосторонним расположением

определяющего компонента (1011 ед.). По своей морфологической структуре подавляющее количество их непосредственных компонентов является непроизводными словами и соединяются друг с другом посредством примыкания: *poor beam* ‘кормовой бимс’, *ore boat* ‘рудовоз’. В качестве детерминатива могут выступать суффиксальные и сложные существительные: *tank-side knee* ‘скуловая кница’, *mooring arrangement* ‘швартовый устройство’. Суффиксальные и сложные образования могут оформлять и главный компонент словосочетания, например: *coal carrier* ‘углевоз’, *base freeboard* ‘базисный надводный борт’.

2.1.7.1.3 В русской и украинской ТК бисубстантивная модель является менее продуктивной (рус. – 272 ед., укр. – 291 ед.). В отличие от английских СТК, славянские бисубстантивные СТК имеют правостороннее расположение определяющего компонента. Их компоненты объединены посредством согласования и характеризуются большим многообразием своих структурных моделей. Главный компонент славянских СТК чаще является заимствованным существительным (рус. *борт судна*; укр. *комингс люка*), реже – корневым словом и композитом (рус. *палуба бака*; укр. *нос судна*). В славянских языках главный компонент бисубстантивных ТС может быть также производным словом, в частности: суффиксальным (рус. *расположение переборок*; укр. *вместимость судна*); безаффиксным (рус. *настил палубы*; укр. *злом скулы*); сложным (рус. *пассажировместимость судна*; укр. *стопель-палуба дока*). Зависимый компонент в структуре ТС является: корневым словом (рус. *комингс двери*; укр. *прочность корабля*); заимствованным словом (рус. *плоскость ватерлинии*; укр. *ветка шпангоута*); суффиксальным (рус. *монтаж насыщения*), безаффиксным (рус. *механизм спуска*; укр. *деформация изгиба*); композитом (рус. *система водоснабжения*; укр. *расчет водоизмещения*), префиксальным (рус. *расчет непотопляемости*; укр. *динаміка перекидання*), аббревиатурой (рус. *юбка СВП*; укр. *юбка СПП*).

2.1.7.1.4 В немецком языке среди двухкомпонентных именных словосочетаний встречаются СТК генитивной модели (N_{им. п.} + N_{род.п.}), компоненты которых объединены посредством управления – формы

подчинительной синтаксической связи: *Breite des Schiffes* ‘ширина судна’. В большинстве случаев (15 ед.) в этой модели в качестве зависимого и главного компонентов выступают сложные слова: *Formung der Schiffskörperelemente* ‘формирования элементов корпуса (судна)’, *Bauzustand des Schiffes* ‘стадия постройки судна’.

В английской ТК связь в генитивной модели бисубстантивных словосочетаний осуществляется с помощью предлога *of* или притяжательного падежа (*'s*), например: *flat of bottom* ‘плоская часть днища судна’, *ship's lift* ‘судоподъёмник’.

В славянских генитивных ТС синтаксическая связь компонентов осуществляется путем согласования: рус. *высота борта, нос судна, пояс обшивки*; укр. *корпус судна, монтаж ізоляції, вигин бімса*.

В немецком, украинском и русском языках отмечены двухкомпонентные отыменные сочетания с предложной связью своих компонентов, ср.: нем. *Schiff für Einheitsladung* ‘судно для штучных [генеральных] грузов’, *Schiff mit Tunnelheck* ‘судно с туннельными обводами в корме’, *Ausschnitt in der Bordwand* ‘вырез в борту (судна), лацпорт’, *Rohrsystem an Bord* ‘система трубопровода на борту’;

рус. *палуба с седловатостью, размер по ширине, тяга на гаке*;

укр. *баласт для кренування, добудова на плаву, поділення на відсіки*.

По степени семантической расчлененности для бисубстантивной модели наиболее характерным является тип формально разложимых терминов обоих типов (с одним термином или двумя терминами в качестве одного из компонентов). В английском языке оба типа распределились количественно примерно одинаково (651 и 684 единицы соответственно). В русском и немецком языках более продуктивной является модель словосочетания с одним общеупотребительным словом (рус. – 160 ед., нем. – 4 ед.), напротив, словосочетания с двумя терминами встречаются реже (рус. – 64 ед., нем. – 11 ед.). В украинском языке незначительно преобладают термины-словосочетания первого вида (111: 96).

Таким образом, бисубстантивная модель ТС отмечена во всех сопоставляемых языках. Основным типом соединения их компонентов является согласование и управление. В качестве главного и зависимого компонентов могут выступать производные (корневые) и производные (суффиксальные, префиксальные, композиты) слова.

2.1.7.1.5 Среди двухкомпонентных ТК в немецком (54 ед.), русском (718 ед.) и украинском (640 ед.) языках наиболее распространенной является *атрибутивно-субстантивная модель*, а в английском – бисубстантивная модель (1011 ед.).

Д. С. Лотте отмечает, что в сфере терминологии «сочетание прилагательных с существительным удобнее, чем сочетание двух существительных» [220, с. 8]. Атрибутивные словосочетания состоят из определяемых слов, преимущественно существительных, и слов в атрибутивной функции, которые раскрывают или уточняют значение первых, сочетаются соответствующими грамматическими связями и стоят в постпозиции или препозиции [249, с. 134]. В английской и немецкой ТК прилагательные стоят в препозиции, а в украинском и русском языках существуют модели обоих видов, однако более продуктивной является модель с постпозиционным прилагательным.

2.1.7.1.6 По *значению компонентов* двухкомпонентные атрибутивные словосочетания распадаются на следующие группы:

1) ТС, в которых прилагательное – термин, а существительное – общеупотребительное слово, одно из значений которого является специальным: англ. *bracketed system* ‘книжная система (набор корпуса судна)’; нем. *gasdichtes Deck* ‘газонепроницаемая палуба’; рус. *килевой пояс*; укр. *гідроакустичний комплекс*. В приведенных словосочетаниях прилагательное и существительное объединяясь, обозначают определенное новое понятие, т.е. приобретают терминологическое значение. Грамматическими основами в таких словосочетаниях выступают имена существительные, а семантическую нагрузку несут на себе прилагательные [88, с. 99];

2) ТС, в которых существительное является термином, называющим родовое техническое понятие, а прилагательное – общеупотребительным словом, ср.: англ. *deep beam* ‘рымный бимс’; нем. *stumpfer Mast* ‘короткая мачта’; рус. *паровая турбина*; укр. *морозильний траулер*;

3) ТС, в которых существительное и прилагательное имеют терминологический характер, ср.: англ. *fluted bulkhead* ‘гофрированная переборка’; нем. *gejoggelte Beplattung* ‘обшивка з высадкой кромок’; рус. *торпедный катер*; укр. *штурманська рубка*;

4) ТС, в которых ни существительное, ни прилагательное не являются терминами: англ. *horisontal arm* ‘горизонтальный (днищевый) соединительный канал (успокоительная цистерна)’; рус. *опорная подушка*; укр. *спускова доріжка*.

В немецкой ТК словосочетания данного типа не выявлены.

Наиболее распространенными в сопоставляемых ТК являются двухкомпонентные ТС с одним и двумя терминами.

В английских двухкомпонентных терминах наиболее часто в качестве атрибутивного компонента (266 ед.) выступают:

1) отглагольные суффиксальные производные: *collapsible anchor* ‘складной якорь’, *continious hatches* ‘сплошные люка (на судне открытого типа)’;

2) отыменные суффиксальные производные: *partial deck* ‘частичная палуба’, *navigational draft* ‘габаритная или эксплуатационная осадка’;

3) отглагольные или отыменные префиксальные производные: *undecked boat* ‘беспалубное судно’, *nonmagnetic ship* ‘судно из немагнитных материалов’.

Значительно реже в роли определительного компонента выступают непроизводные качественные прилагательные (183 ед.): *shot anchor* ‘запасной становой якорь’, *deep beam* ‘рымный бимс’, *main body* ‘основной корпус судна (без надстроек)’.

В немецкой ТК наиболее распространенной является модель с непроизводным качественным прилагательным в функции детерминативного компонента атрибутивных словосочетаний: *kurze Brücke* ‘короткая средняя надстройка’, *lange Back* ‘удлиненный бак’, *flaches Deck* ‘плоская палуба’.

Атрибуты в структуре ТС могут также выражаться адъективными композитами, ср.: англ. *watertight bulkhead* ‘водонепроницаемая переборка’, *radar-navigational device* ‘радиолокационное навигационное устройство’; нем. *geradwandige Bordwand* ‘прямостенный борт’, *flachbordiges Schiff* ‘низкобортное судно’.

Отдельную группу среди английских и немецких атрибутивно-субстантивных словосочетаний составляют термины, в которых в роли детерминативного компонента выступают причастия I и II. Причастие I (англ. – 55 ед., нем. – 16 ед.) не имеет временного характера, а выражает только качественный признак [176, с. 105], ср.: англ. *dividing board* ‘съемная переборка (в трюме зерновоза)’, *limiting draft* ‘предельная осадка’; нем. *fliegende Brücke* ‘навесной мостик’, *ausrüstendes Schiff* ‘достраиваемое судно’. Не имеет темпорального значения и причастие II в роли определения (англ. – 89 ед., нем. – 29 ед.), обозначая качество или состояние действия, выраженного основным словом [176, с. 105], ср.: англ. *fixed appendages* ‘неподвижные выступающие части (корпуса судна)’, *submerged body* ‘подводная часть корпуса судна’; нем. *gesenkte Back* ‘утопленный бак, полубак’, *geteilter Aufbau* ‘раздельная надстройка’. В корпусе исследуемых единиц выявлены также сложносоставные причастия I и II: англ. *full-shaped boat* ‘судно с полными обводами’, *engine-bearing bed* ‘рама двигателя’; нем. *freistehender Aufbau* ‘раздельная надстройка’, *scharfgebautes Schiff* ‘судно с острыми обводами’. В английской ТК рассматриваемый тип ТС более продуктивный, чем в немецком языке (англ. – 144 ед., нем. – 45 ед.).

В славянских языках атрибутивно-субстантивная модель является самой продуктивной (рус. – 716 ед., укр. – 640 ед.). К ней относятся словосочетания с расположением определительного компонента в пост- и препозиции по отношению к главному компоненту. В роли определительного компонента выступают различные по своей словообразовательной структуре прилагательные. В количественном отношении двухкомпонентные термины с левосторонним расширением (рус. – 282 ед., укр. – 224 ед.) уступают терминам с правосторонним расширением (рус. – 446 ед., укр. – 416 ед.). Компоненты атрибутивно-субстантивных словосочетаний в русском и украинском языках согласуются в

роде, числе и падеже: рус. *борт вертикальный, ватерлиния вспомогательная*; укр. *дерев'яний настил, судно технічне*.

Пост- и препозиционные адъективные компоненты бинарных словосочетаний в славянских языках выражены чаще аффиксальными производными: рус. *база промысловая, клюз носовой*; укр. *апарель кормова, бак масляний*. Выделяются также ТС, у которых адъективный компонент является заимствованием, ср.: укр. *модульне* (← лат. *modulus* 'мера') *суднобудування, амортизатор гідравлічний* (← греч. *draulikos* 'приводимый в движение водою'), *вал дейдвудний* (← англ. *deadwood*); рус. *диагональная обшивка* (← франц. *diagonale* 'диагональ') *ватерлиния балластная* (← голл. *ballast* 'балласт'). Отмечены случаи выражения адъективного компонента префиксальными производными: рус. *противолодочный корабль, период достпельный*; укр. *апарель напівповоротна, міжбортний простір, цистерна підпалубна*.

Глаголы служат производящей основой для образования аффиксальных прилагательных и для атрибутов-причастий. Количество отглагольных детерминантов значительно меньше, чем отыменных, они выражают качественный признак (рус. – 57 ед., укр. – 108 ед.): рус. *бак расширительный, бункер погрузочный, иллюминатор опускающей*; укр. *ватерлінія допоміжна, вентиляція нагнітальна, гак відкритий*. Деепричастия в роли определения выступают редко (рус. – 27 ед., укр. – 56 ед.): рус. *изоляция напыляемая, конструкция облегченная, переборка съёмная*; укр. *ватерлінія задана, дуга зварювальна, рудерпост знімний*.

В обоих славянских языках в функции определительных компонентов ТС функционируют обычно активные причастия, характеризующие состояние или признак предмета (рус. – 30 ед., укр. – 52 ед.): рус. *арматура регулирующая, конструкция несущая*; укр. *комплектуюче обладнання, бункер зневоднюючий, лебідка слідкуюча*.

Наряду с аффиксальными адъективными компонентами часто в качестве зависимого слова выступают композитные прилагательные (рус. – 268 ед., укр. – 112 ед.): рус. *насос водоструйный, лебедка якорно-швартовая*;

укр. гвинторульовий комплекс, гладкопалубне судно. Среди этих ТС выделяются определительные компоненты, которые построены по модели сращения: рус. переборка огнестойкая, судно китобойное; укр. балка однопрогінна, щогла двонога.

2.1.7.1.7 В английской и в славянских ТК отмечены словосочетания вида «наречие + существительное». Этот тип ТС в славянских языках является малопродуктивным (по 5 ед. в каждом языке): рус. соединение внакрой, соединение внахлестку; укр. водотоннажність порожнем, з'єднання внакрив, з'єднання внапуск. Более многочисленны ТС данного типа в английской ТК (48 ед.). Добавим, что среди них абсолютное большинство составляют формально-разложимые ТС, в которых каждый компонент сохраняет своё значение в структуре термина: англ. midship deckhouse 'средняя надстройка', outboard tank 'бортовая цистерна', athwartship bulkhead 'поперечная переборка'. Отличительной чертой данной модели является распространенность префиксальной модели, по которой образуется определительный наречный компонент ТС: underbeam girder 'подбимсовая балка', outboard screws 'внешние гребные винты (четырёхвинтового судна)', midship house 'средняя надстройка'. Иногда в роли детерминатива выступают композиты: all-round frame 'рамный шпангоут', overall length 'наибольшая или габаритная длина (судна)'.

2.1.7.1.8 Отличительной особенностью английских ТС является наличие двухкомпонентных словосочетаний, построенных по моделям: «V + N» (23 ед.) и «имя собственное (PN) + N» (12 ед.). Среди ТС модели V + N доминируют образования, в которых один из компонентов не является термином (21 ед.): trail displacement 'водотоннажность на испытаниях', break bulkhead 'переборка в крезе полубака или полуюта', escape hatch 'аварийный люк'. Определительный компонент в таких сочетаниях представлен, преимущественно, производными глаголами, например: feed pipe 'подводная питательная труба', push towboat 'буксир-толкач', drop keel 'опускной [выдвижной] киль'. В качестве имени собственного в данных ТС выступают фамилии выдающихся деятелей или географические названия: Stokes anchor 'якорь Стокса', Maier form 'обводы (корпуса судна) типа Майера', Lancashire stern 'Ланкаширская корма'.

Подведем некоторые итоги. В английском, украинском и русском языках наиболее продуктивным типом образования являются двухкомпонентные ТС. Напротив, в немецком языке этот тип малопродуктивный (см. Приложение А, табл. 9). Наибольший набор структурных типов двухкомпонентных ТС выявлено в английской ТК (5), в то время как в остальных языках их количество не превышает трех (рус., укр. – по 3 типа; нем. – 2 типа). В славянских и в немецкой ТК наиболее продуктивным является адъективно-субстантивный тип ТС, а в английской – бисубстантивная модель ТС. Зависимый компонент в двухкомпонентных СТК-словосочетаниях сопоставляемых языков является обычно производным словом (аффиксальным, композитом, аббревиатурой). Во всех языках преобладают формально-разложимые ТС, в которых один или оба компонента являются терминами.

2.1.7.1.9 Многокомпонентные СТК-словосочетания. В ТК сопоставляемых языков наблюдается тенденция к использованию многокомпонентных моделей, состоящих из трех, четырех, пяти компонентов, что объясняется стремлением терминосистемы выразить наиболее точно и полно то или иное специальное понятие. За счет введения в структуру ТС нового компонента расширяется и углубляется понятие об определенных качествах предмета, что облегчает его выделение легко из ряда подобных по специальным интегральными признаками [106, с. 26].

Многокомпонентные ТС более многочисленны и структурно разнообразны в славянских и английском языках (рус. – 365 ед., укр. – 433 ед., англ. – 370 ед.) (см. Приложение А, табл. 10). Напротив, в немецкой ТК выявлено лишь 14 единиц, так как с ТС конкурирует словосложение.

В современной лингвистике многокомпонентные термины определяются как «многословные терминологические сочетания устойчивого типа с субстантивным ядром и числом знаменательных компонентов более двух» [123, с. 1], обладающие раздельнооформленностью, семантической целостностью [201, с. 10].

2.1.7.1.10 Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что наибольшую ценность в формировании семантического значения

многокомпонентного СТК имеет базовый компонент, представляющий гиперонимичные признаки понятия и относит все словосочетание в определенную терминологическую группу [189, с. 42; 172, с. 107]. Ср. следующие примеры с выделенным интегральным компонентом:

англ. *bulk oil carrier* ‘нефтеналивное судно’, *bulk grain carrier* ‘судно для перевозки зерна насыпью’, *liquefied gas carrier* ‘судно [газовоз] для перевозки сжиженных газов’;

нем. *Schiff mit achtern angeordneter Maschine* ‘судно с кормовым расположением машинного отделения’, *Schiff mit Brücke hinten* ‘судно с кормовым расположением ходового мостика и машинного отделения’, *Schiff mit geraden Seitenwänden* ‘прямостенное судно’;

рус. *двигатель внутреннего сгорания, двигатель смешанного возбуждения, двигатель тяжелого топлива*;

укр. *балка бортова подовжня, балка днищова подовжня, балка підпалубна подовжня, балка набору судового корпусу*.

Дифференциальный компонент в структуре многокомпонентного СТК носит ограничительный характер и указывает на гипонимичный признак понятия, например:

англ. *deck center line* ‘диаметральная линия палубы’, *fair hull lines* ‘согласованный теоретический чертеж судна’, *ship’s exhaust line* ‘общесудовая магистраль вытяжной вентиляции’;

рус. *сверхдлинноволновая радионавигационная система, глобальная радионавигационная система, система набора борта*;

укр. *стандартизація корпусних конструкцій, стійкість судових конструкцій, виріз у корпусній конструкції*;

Распространение интегрального компонента может происходить путем радиации, конкатенации [52, с. 45–46] и комбинации [86, с. 42]. При *радиации* все зависимые компоненты непосредственно соотносятся с ядром, ср: англ. *fixed bow fin* ‘неподвижное носовое (подводное) крыло (успокоитель килевой качки)’, *bow thrust propeller* ‘носовой гребной винт’; рус. *обшивка наружная бортовая, судно*

универсальное сухогрузное; укр. *нерухоме носове (підводне) крило (заспокоювач кільової качки)*).

При *конкатенации* каждый новый дифференциальный компонент дифференцирует сопоставимый с ним зависимый компонент словосочетания, который, в свою очередь, соотносится с любым другим компонентом или с ядром, например: англ. *offshore fishing boat* ‘судно для ловли рыбы в открытом море’, *cargo hold ceiling* ‘(деревянная) обшивка грузового трюма’, *folding hatch cover* ‘складываемое люковое закрытие’; рус. *удлиненная надстройка судна, система набора днища*; укр. *довжина відсіку допустима, насосне відділення танкера, поверхня корпусу судна*.

Комбинация – это смешанный тип распространения ядра – сочетание комбинации и конкатенации.

В славянских языках отмечены единичные ТК, построенные по модели «стержневое существительное B₁ + прилегающая к нему предложная группа с главным компонентом B₂ и с зависимыми компонентами A₁, A₂, соединенными подчинительной связью»: рус. *судно (B₁) с малой (A₂) площадью (A₁) ватерлинии (B₂)*; укр. *судно (B₁) з малою (A₂) площею (A₁) ватерлінії (B₂)*.

В английском СТК *bow thrust machinery compartment* ‘отсек (или отделение) механизмов носового подрулевающего устройства’ субстантив *compartment* (B) является ядром словосочетания, к которому относится зависимый компонент *machinery* (A). При этом данное словосочетание уточняет также группа с главным компонентом B₂ (*thrust*) и зависимым A₁ (*bow*), соединенные подчинительной связью. Таким образом, компоненты (A и A₁) дифференцируют сопоставимые с ними главные компоненты (B и B₁) (контаминация) и все компоненты (A, A₁, B₁) соотносятся с ядром (B), что можно представить в виде следующей формулы (A₁+B₁) + A) + B, аналогично: *cargo(A₁) handling(B₁) control (A) board (B)* ‘пульт управления грузовой системой (на танкере)’.

Немецкий комбинированный СТК и его компоненты можно представить в виде следующей формулы: B + (A₁ + A₂ + B₁) → *Schiff (B) mit achtern (A₂) angeordneter (A₁) Maschine (B₁)* ‘судно с кормовым расположением машинного отделения’.

В славянских ТК комбинированные словосочетания соответствуют формуле английского СТК $(A_1+B_1) + A + B$: рус. *характеристики (A₁) формы (B₁) корпуса (A) судна (B)*; *трюмная (A₁) переборка (B₁) корпуса (A) судна (B)*; укр. *діапазон (A₁) зміни (B₁) кута (A) нахилу (B), закриття (B₁) люкове (A₁) верхньої (A) палуби (B)*.

В английском, украинском и русском языках основным типом распространения ядерного компонента является конкатенация (англ. – 275 ед., рус. – 235 ед., укр. – 333 ед.), при этом радиация представлена в основном структурной моделью $A + A + N$ (англ. – 16 ед., рус. – 101 ед., укр. – 65 ед.). Комбинация как смешанный тип распространения ядра обнаружена лишь в ТС, состоящих из четырех компонентов (англ. – 23 ед., рус. – 64 ед., укр. – 49 ед.). В немецкой ТК выявлено лишь несколько случаев конкатенации (*ganz geschweißtes Schiff* ‘цельносварное судно’ (10 ед.) и комбинации (*Mehrzweck-Containerschiff mit Zwischendeck* ‘многоцелевое судно-контейнеровоз с твиндеком’ (4 ед.)).

Проведенный анализ показывает, что роль каждого из компонентов СТК-словосочетаний в формировании семантического значения всего многокомпонентного термина разная. Большую семантическую значимость имеют опорные компоненты многокомпонентных СТК-словосочетаний, значительно меньшую ценность несут его зависимые компоненты. Таким образом, многокомпонентные термины имеют более высокую семантическую ёмкость, связанную с увеличением их длины, что приводит, в свою очередь, к ослаблению межкомпонентной семантической валентности.

2.1.7.1.11 Четырехкомпонентные термины кораблестроения являются в целом более разнообразными в структурном отношении (13 типов), хотя и уступают трехкомпонентным СТК (см. Приложение А, табл. 10): англ. *submarine bulk cargo carrier* ‘подводное судно для перевозки навалочных грузов’, *deck piping control panel* ‘пульт управления палубным трубопроводом (на танкере)’; рус. *днищевая наружная обшивка судна*; укр. *система керування рухом судна*.

В качестве одного из компонентов в этих терминах выступают различные предлоги, которые служат для связи между непосредственными конституентами и не рассматриваются в нашей работе как самостоятельный компонент

словосочетания. В английском языке в этой функции выступают предлоги *for, in, on, at, of*: англ. *fireproof panel for marine use* ‘судовая противопожарная (облицовочная) панель’, *length in freeboard rule* ‘длина судна, принятая при определении высоты надводного борта’, *length on load waterline* ‘длина (судна) по грузовой ватерлинии’, *deck depth at side* ‘высота палубы у борта’, *master plan of holes* ‘схема расположения вырезов и отверстий (в корпусе судна)’.

В английской ТК отмечены ТС с наибольшим количеством компонентов (5), которые, однако, являются малочисленными (3 ед.): *dry dock ship construction basin* ‘судостроительный док (бассейн)’, *cargo oil pumps control board* ‘пульт управления грузовыми насосами (на танкере)’, *bulk and general cargo carrier* ‘судно для перевозки навалочных и генеральных грузов’. В славянских языках выявлены единичные пятикомпонентные СТК-словосочетания: рус. *площадь проекции надводной части корпуса*; укр. – *коефіцієнт корисної дії гребного гвинта*.

Отличительной чертой английских аналитических терминов является появление в многословных терминах в качестве одного из компонентов композита, компоненты которого объединены друг с другом дефисом, что затрудняет четкое разграничение пяти- или четырехкомпонентных словосочетаний, например: *above-water projected area* ‘площадь парусности (проекция надводной части судна)’, *hard-wearing deck covering* ‘износостойкое палубное покрытие’, *design full-load condition* ‘проектная нагрузка (судна) с полным грузом’, *engine-room control console* ‘пульт управления в машинном отделении’. В нашей работе композит данного типа рассматривается как единый компонент.

В немецких четырехкомпонентных СТК-словосочетаниях отмечены предлоги *für, von, mit*, например: *Schiff für die Beförderung von radioaktiven Stoffe* ‘судно для (перевозки) радиоактивных материалов’, *Schiff mit achtern angeordneter Maschine* ‘судно с кормовым расположением машинного отделения’.

В славянских языках связь между компонентами СТК-словосочетаний осуществляется обычно флективным способом.

Многокомпонентные СТК-словосочетания образуются в славянских и в английском языках путем расширения бисубстантивных и атрибутивно-

субстантивных словосочетаний по следующим структурным моделям:

1) N+N+N+N (англ. – 8, рус. – 8, укр. – 11), ср.:

англ. *submarine bulk cargo carrier* ‘подводное судно для перевозки навалочных грузов’;

рус. *балка напора корпуса судна, характеристики формы корпуса судна*;

укр. *діапазон зміни кута нахилу, процес розробки проекту судна*;

2) N+N+A+N (рус. – 12, укр. – 9) ср.:

рус. *балка настила второго дна*;

укр. *площина диска гребного гвинта, рецес тунелю гребного вала*;

3) N+A+N+N (рус. – 3, укр. – 5), ср.:

рус. *высота воздушной подушки СВП, высота гибкого ограждения СВП*
укр. *коефіцієнт корисної дії валопроводу, центр бокового опору судна*;

4) N+A+A+N (рус. – 7, укр. – 6), ср.:

рус. *якорь повышенной держащей силы*;

укр. *теорія лопатева гребного гвинта*;

5) N+A+N+A (рус. – 2, укр. – 2), ср.:

рус. *затвор сухого дока промежуточный, затвор сухого дока основной* ;

укр. *затвор сухого доку основний, затвор сухого доку проміжний*;

6) A+A+N+N (рус. – 7, укр. – 3), ср.:

рус. *усиленная наружная обшивка судна*;

укр. *головна парогенергетична установка судна*;

7) N+N+N+A (рус. – 5, укр. – 10), ср.:

рус. *метод постройки судна блочный, связи корпуса судна поперечные*;

укр. *метод побудови судна секційний, норма обробки судна валова*;

8) A+N+N+N (англ. – 55, рус. – 7, укр. – 3), ср.:

англ. *single rig hatch tent* ‘люковый тент с одним подвесом’;

рус. *трюмная переборка корпуса судна*;

укр. *головна парогенергетична установка судна*.

Только в русской ТК выявлены следующие два структурных типа СТК:

1) A+N+A+N (13 ед.): *двухтактный двигатель внутреннего сгорания*,

судовой дезаратор питьевой воды;

2) A+A+A+N (1 ед.): *бескронштейновый консольный гребной вал*.

В английской ТК обнаружено одно СТК-словосочетание с зависимым наречным компонентом (Adv+A+N+N): *after perpendicular section area* ‘погружённая шпангоута на кормовом перпендикуляре’.

Немецкая ТК представлена лишь двумя четырехкомпонентными СТК-словосочетаниями, компоненты которых соединены при помощи предложной связи: *Schiff für die Beförderung von radioaktiven Stoffe* ‘судно для (перевозки) радиоактивных материалов’, *Schiff mit achtern angeordneter Maschine* ‘судно с кормовым расположением машинного отделения’.

2.1.7.1.12 С точки зрения частеречной принадлежности определительных компонентов в структуре *трехкомпонентных* СТК-словосочетаний выделяются следующие структурные модели:

1) N+N+N (англ. – 150, рус. – 67, укр. – 105), ср.:

англ. *power distribution board* ‘распределительно-силовой щит’, *ship board crane* ‘судовой кран’;

рус. *график постройки судна, палуба бака судна, секция корпуса судна*;

укр. *крива площ ватерліній, метод проектування судна*.

2) в славянских языках наиболее продуктивной структурной моделью является атрибутивно-субстантивная модель с правосторонним расширением субстантивного компонента N+A+N (рус. – 76, укр. – 133, англ. – 12), ср.:

рус. *балка главного направления, палуба возвышенного квартердека*;

укр. *балка змінного перерізу, комінгс вантажного люка*;

англ. *bridge front bulkhead* ‘фронтальная стенка мостика’, *ship structural design* ‘проектирования или расчет конструкций корпуса судна’;

3) A+N+N (англ. – 113, рус. – 32, укр. – 29), ср.:

англ. *adjustable bilge block* ‘регулируемый скуловой блок (доковый или стапельный)’, *main machinery compartment* ‘отсек главных механизмов’;

рус. *цилиндрический бульб судна, носовая часть палубы*;

укр. *головні розміри судна, динамічна міцність судна*;

4) A+A+N (англ. – 11, рус. – 43, укр. – 39), ср.:

англ. *main transverse bulkhead* ‘главная поперечная (водонепроницаемая) переборка’, *liquid chemical tanker* ‘танкер для перевозки жидких химикатов [химикалий]’;

рус. *избыточный надводный борт, паровая рулевая машина*;

укр. *кормова кінцева частина, конвертований судновий двигун*.

Лишь в славянских языках обнаружены СТК-словосочетания, построенные по следующим моделям:

1) N+A+A (рус. – 38, укр. – 36), ср.:

рус. *лебедка буксирная автоматическая, судно универсальное сухогрузное, машина рулевая гидравлическая*;

укр. *балка днищова подовжня, борт надводний водонепроникний, закриття люкове носове*;

2) N+N+A (рус. – 37, укр. – 36), ср.:

рус. *нос судна цилиндрический, обводы корпуса остроскулые, толщина обшивки минимальная*;

укр. *довжина відсіку допустима, довжина судна відносна, корпус судна основний, пояс перебірки верхній*;

3) A+N+A (рус. – 3, укр. – 4), ср.:

рус. *междудонный лист горизонтальный*;

укр. *кутовий профіль стрингерний, електрична мережа суднова*.

Только в английском и русском языках отмечены модели трехкомпонентных СТК-словосочетаний, расширенных с помощью наречий:

1) Adv+N+N (англ. – 12 ед.): англ. *astern navigating bridge* ‘кормовой ходовой мостик’, *outline inboard profile* ‘продольный разрез (чертежи общего расположения судна)’;

2) N+N+Adv: рус. *ватерлиния водоизмещения порожнем*;

3) N+N+Adv: рус. *обшивка наружная встык*;

4) N+Adj+Adv: рус. *судно серийно освоенное*.

В славянских языках конститuentы трехкомпонентных СТК могут также

соединяться при участии предлогов, в русском – *в, с, для, на, по, за, о, между* (8 предлогов), украинский язык – *в, на, з, про, для, по, у, при* (8 предлогов), ср.:

рус. *вырез в корпусной конструкции, как с механическим затвором, контейнер для навалочных грузов, скорость судна на испытаниях, ширина судна по ватерлинии, судно слежения за космосом;*

укр. *водотоннажність в повному вантажі, повідомлення про готовність судна, інтегрування по довжині судна, осадка у морської воді, швидкість судна на випробуваннях, клюз швартовий з рогами.*

В немецком языке трехкомпонентные СТК-словосочетнения представлены преимущественно следующими структурными типами с предложной связью:

1) N+Pr+Adj+N (6 ед.): *Schiff mit hinterliegender Maschine* ‘судно с кормовым расположением главного двигателя’;

2) Pr+N+Adj+N (3 ед.): *in Bau befindliches Schiff* ‘судно в постройке’.

Единичными примерами представлены три структурные модели ниже:

3) N+Pr+N+Adv: *Schiff mit Brücke hinten* ‘судно с кормовым расположением ходового мостика и машинного отделения’;

4) Neg +Adj+N: *nicht klassifiziertes Schiff* ‘не имеющее класса судно’;

5) N+Adj+N *Schiff ungewöhnlicher Bauart* ‘судно необычной конструкции’.

2.1.8 Семантическая деривация

В эмпирическом материале обнаружены производные, которые являются результатом семантической деривации (метафоризации или метонимизации), т. е. переосмысления прямого и/или буквального значения слова (англ. – 7% или 237 ед.; нем. – 10% или 324 ед.; рус. – 8,1% или 233 ед.; укр. – 9,5% или 246 ед.). Исследование семантической деривации в целом, и процессов метафоризации и метонимизации в частности, вызывает, в настоящее время, интерес многих лингвистов (В. С. Андреев [9], В. Г. Гак [83], Д. И. Граб [104], А. И. Деева [116], Т. Л. Канделаки [148], С. М. Кравцов [187], Е. В. Материнская [230] и др.)

2.1.8.1 Метафорическое терминообразование СТК часто базируется на сходстве внешних признаков (формы, размеров). В качестве объектов сравнения выступают:

1) *животные*, ср.: нем. *Schildkrötendeck* (букв. ‘палуба-черепаха’) ‘карапасная палуба’ (толстая, покатая, в виде спины черепахи, бронева палуба, идущая от броневго траверза к оконечности корабля); англ. *mammoth tanker* (букв. ‘танкер-мамонт’) ‘супертанкер’, т.е. танкер, который по своим размерам самый крупный, также как и мамонт среди животных; рус. *лебедка* (форма рукояти ее ворота похожа на изогнутую лебединую шею), аналогично: укр. *з’єднання ластівчиним хвостом*;

2) *названия частей тела живого организма* (человека, животного), ср.: нем. *Spornknie* (букв. колено шпоры) ‘кница у шпоры мачты’ (кница крепит бимс к шпангоуту). Раньше конец бимса отгибался от шпангоута, тем самым образуя как бы «колено»), т. о. перенос наименования основывается на сходстве внешних признаков), *Ankerkopf* ‘головная часть якоря’ (голова как значимая часть тела вместо целой части якоря), *Brückenflügel* ‘крыло (ходового) мостика’; *Taucherschiff* (букв. ‘водолазное судно’) ‘водолазное судно’; англ. *gooseneck* (букв. ‘шея гуся’) ‘двойное [S-образное] колено трубы; воздушная труба (танка, цистерны)’, т.е. труба, внешне напоминающая шею птицы; *nose* ‘нос; носовая часть (судна)’, *shoulder* (букв. ‘плечо’) ‘скула (судна, носовая или кормовая)’, *heel of davit* (букв. ‘каблук шлюпбалки’) ‘пятка шлюпбалки’; рус. *рог якоря*; рус. *нос судна, подошва ахтерштевня*; укр. *крило (судна)*; *анарель носова, п’ятка якiрна, ребро руля*;

3) *названия предметов быта, инструментов*, ср.: нем. *Sackspant* (букв. ‘мешочный шпангоут’) ‘U-образный шпангоут’, т. е. шпангоут, внешне напоминающий форму мешка, *Bügeleisenbug* (букв. ‘нос утюга’) ‘носовой бимс’ (т.е. форма носа корабля, напоминающая утюг), *Eintrommelkessel* (букв. ‘котел с одним барабаном’) ‘однобарабанный котел’; англ. *stick* (букв. ‘палка’) ‘мачта’, *spoon stern* ‘ложкообразный нос’; рус. *вилка стрелы*; *коробчатый кильсон*; укр. *стріла крана*;

4) *растения, части растения* (плоды, корень и т.п.), ср.: нем. *Birnbalken* ‘бульбовый бимс’ (выступающая чуть ниже ватерлинии часть носа судна, имеющая выпуклую эллипсоидную форму, напоминающую грушу); англ. *apple*

stern ‘круглая (закругленная как яблоко) корма’; рус. *якорь грибовидный*; укр. *якір грибоподібний / грибовидний*);

5) *геометрические фигуры*: нем. *Kugelschott* (букв. ‘шаровая переборка’) ‘сферическая переборка’;

6) *форма других видов судов*, ср.: нем. *Kanoebug* (букв. ‘нос каноэ’) ‘заваленный нос’, т.е. нос судна, напоминающий по своей форме лодку-каноэ; англ. *cannoe stern* ‘круглая ложкообразная корма’;

7) человек, его свойства, профессиональные действия, ср.: нем. *Schnellläufer* (букв. ‘быстрый бегун’) ‘быстроходное судно’, англ. *breakhead* (букв. ‘ломающая голова’) ‘усиленная обшивка носовой части (ледокола)’, *minehunter* (‘охотник за минами’) ‘минный тральщик’.

В ряде случаев наблюдается персонификация неодушевленных предметов (судна, его частей), ср.: нем. *fliegende Brücke* (букв. ‘летающий мост’) ‘навесной мостик’; англ. *flyboat* (букв. ‘летающая лодка’) ‘быстроходное судно; плоскодонное каботажное судно’, рус. *судно-снабженец*; укр. *арматура вказівна, насос живильний, ватерлінія діюча*.

Отметим, что переосмысленные общеупотребительные слова могут одновременно употребляться в структуре многокомпонентного СТК в качестве детерминативного и базового слова. При этом в некоторых случаях переосмыслению подвергаются сразу оба компонента. Так, в немецком СТК-комposite *Tulpennaht* (букв. ‘шов тюльпана’) ‘U-образный шов’ у детерминативного компонента наблюдается перенос наименования на основе сходства с формой растения (тюльпан), а у базового компонента – на основе сходства с функцией элемента одежды (шов). Аналогичное явление наблюдается и в английском СТК-словосочетании *shovel nose* (букв. ‘совковый нос’) ‘ложкообразный нос’: в качестве детерминатива выступает переосмысленное название предмета быта, а в качестве основного слова – соматизм (наименование части тела человека), аналогично: рус. *пояс скуловой*; укр. *пояс скуловий*.

2.1.8.2 К следующему виду вторичного терминообразования в сфере кораблестроения относятся термины, образованные по моделям метонимического

переноса. Добавим, что в ряде случаев имеет место одновременный метонимический и метафорический переносы. Метонимический перенос значения базируется, главным образом, на ассоциации по смежности функций на разных уровнях логической связи:

1) *способ передвижения судна и животного*, ср.: нем. *Amphibienboot* ‘катер-амфибия; судно-амфибия’ (суда, которые могут двигаться над водной поверхностью, по заболоченным районам, надо льдом со скоростями до 125 км/ч), т. е. в основу наименования транспортного средства положена ассоциация по смежности функций передвижения данного судна и земноводного животного, аналогично: англ. *amphibious hovercraft* ‘земноводное судно (судно на воздушной подушке)’, рус. *амфибийное судно*, укр. *амфібійне судно*.

К этому типу в английском языке примыкает СТК, в котором одновременно происходит метафоризация и метонимизация: *catwalk* (букв. ‘прогулка кота’) ‘продольный переходный мостик (танкера, газовоза); узкий мостик (перед рубкой)’, т. е. мостик настолько узкий, что по нему может пройти только кот;

2) *функциональные свойства частей тела человека, животного (птицы) и судна*, ср.: нем. *Haut* (‘кожа’) ‘обшивка; оболочка’ (корпуса судна) (метонимический перенос строится на сходной защитной функции кожи человека и обшивки корабля), аналогично: англ. *ship skin* ‘наружная обшивка судна’, укр. *щогла двонога*, рус. *судно на подводных крыль* (расположенные под корпусом судна подводные крылья создают подъемную силу и частично или полностью поднимают корпус судна над поверхностью воды) (перенос функции крыла птицы на часть борта судна);

3) *защитная функция одежды человека, ее атрибутов и отдельных конструктивных частей судна*, ср.: нем. *Schanzkleid* (букв. ‘защитная одежда’) ‘фальшборт’ (часть борта над верхней палубой, которая служит для защиты людей и груза на палубе, а также для крепления палубного груза), аналогично: англ. *jacket* (пиджак) ‘обшивка; защитное покрытие; тепловая изоляция’; рус. *пояс ледовый*; укр. *обшивка зовнішня бортова*;

4) *предметы быта*: ср.: нем. *Luftkissenschiff* ‘судно на воздушной подушке’ (судно, у которого вся масса или значительная ее часть на ходу или без хода поддерживается над водой (грунтом, льдом и т.д.) силами избыточного давления воздуха, постоянно нагнетаемого под днище в полость, называемую воздушной подушкой) (перенос по сходству функции подушки (поддерживать голову человека во время сна) на аналогичные свойства судна); англ. *mast bed* (‘кровать мачты’) ‘степс мачты’ (углубление (гнездо) в днище или палубе судна, в которое мачта устанавливается своим шпором); рус. *опорная подушка*; укр. *опорна подушка*;

5) *родственные связи человека*: нем. *Schwesterschiff/ Tochioerschiff* (букв. ‘корабль-сестра / корабль-дочь’) ‘однотипное [серийное] судно’ (судно того же самого класса (или фактически идентичного дизайна) как другое судно), (в основу переноса положено генетическое сходство человека со своими родственниками), аналогично: англ. *sister ship* ‘однотипное судно’.

2.1.9 Заимствование

Заимствования занимают в общем корпусе СТК сопоставляемых языков различный удельный вес, бóльший – в славянских языках (укр. – 7,4% или 192 ед., рус. – 6,7% или 175 ед), мёньший в германских языках (англ. – 3% или 98 ед.; нем. – 1,5% или 44 ед.). Данные наименования вошли в состав английского и немецкого языков, сохранив нехарактерную для них орфографию и/или звучание.

В лингвистике не существует единого определения заимствования, хотя вопрос о целесообразности использования иностранных слов привлекал внимание лингвистов уже давно [109; 131; 139; 195; 221]. Одной из главных причин отсутствия единого определения термина *заимствование* является «брак исследований, которые характеризуют процесс лексического заимствования, миграцию лексических элементов из одной лексической системы в другую, что, в свою очередь, поясняется отсутствием единства в задачах, целях и методах изучения процесса заимствования» [195, с. 108].

Одним из первых вопрос о классификации заимствований поставил Д. С. Лотте, предложив разделить все заимствования на буквальные,

трансформированные и оригинальные [221]. К трансформированным заимствованиям он отнес преобразованные в момент перевода слова или словосочетания путем опущения или добавления какого-либо элемента или замены сложного слова словосочетанием. В отличие от них, заимствования «в чистом виде» – это слова, которые перенесены в язык-реципиент в том виде, в котором они существуют в исходном языке [221, с. 10–14].

В настоящей работе под заимствованием понимаются слова, которые вошли в определенный язык, подчинившись всем его законам, близки по фонетической структуре к звуковому составу слов языка-реципиента [267, с. 15]. Таким образом, объектом анализа являются здесь заимствования, которые возникли путем транслитерации или транскрипции.

Транскрипция (фонетический способ) – это такое заимствование словарной единицы, когда сохраняется ее звуковая форма (иногда она может претерпевать определенные изменения согласно фонетическим особенностям языка, из которого это слово заимствуется), например: нем. *Rohr* ‘труба’ (← голл. *roer* ‘труба’), *Schoner* ‘шхуна’ (← англ. *schooner* ‘шхуна, судно’); англ. *design* ‘проект’ (← франц. *desseign* ‘проект’); рус. *масштаб* (← нем. *Maßstab* ‘масштаб’), *ют* (← голл. *hut* ‘ют’); укр. *лацпорт* (← нем. *Lastpforte* ‘грузовой люк’), *бімс* (← англ. *beams* мн. от *beam* ‘бимс’).

Транскрипция основывается на правилах передачи графем или графических сочетаний одного языка графемами или графическими объединениями другого языка, причем эти правила должны учитывать то, как графемы или графические сочетания произносятся в каждом конкретном случае: нем. *Piek* ‘концевая часть судна’ (← франц. *rique* ‘пика, копье’); англ. *anchor* ‘якорь’ (← лат. *ancora* ‘якорь’); рус. *фортик* (← англ. *forepeak* ‘крайний носовой отсек судна’); укр. *трюм* (← голл. *ruim* ‘простор’).

Транслитерация – это такой способ заимствования, при котором буквы заимствованного слова заменяются буквами языка-реципиента, ср.: нем. *Kabine* ‘каюта’ (← англ. *cabine* ‘кабина’), *Fregatte* ‘фрегат’ (← франц. *frégate* ‘фрегат’); англ. *pillar* ‘пилерс’ (← франц. *pilier* ‘каменный барьер’), *yacht* ‘яхта’ (← норв.

jaght ‘яхта’); рус. *динтанк* (← англ. *deep-tank* ‘глубокая цистерна’), антенна (← франц. *antenne* ‘антенна’); укр. *ахтерлюк* (← голл. *achterluik* ‘ахтерлюк’), *гвинт* (← польск. *gwint* ‘нарезка’).

2.1.9.1. Языки-источники заимствований в ТК германских и славянских языков. Заимствование специальной лексики – это исторически неоднородный процесс, обусловленный многими лингвистическими и экстралингвистическими причинами. К внешним (экстралингвальным) причинам заимствования слов одного языка другим следует отнести наличие политических, экономических, научно-технических и культурных связей между народами, авторитетность языка-источника. Что касается внутренних (интралингвальных) законов развития языка, то в большинстве случаев лексическое заимствование возникает из потребности общества в новых словах для обозначения новых понятий и предметов [195, с.182].

В германских и славянских ТК обнаружены заимствования в целом из 10 языков-источников (за исключением самих сравниваемых языков, которые тоже могут выступать источниками заимствований друг для друга). Добавим, что лишь три языка являются источниками заимствований для ТК всех четырех сопоставляемых языков, а именно: латинский, французский и голландский (см. Приложение А, табл. 11).

2.1.9.1.1. Наибольшее количество заимствованных слов (192 ед.) и языков-источников (8 языков) выявлено в ТК украинского языка, что обусловлено общественными, историческими, культурными, экономическими и другими процессами развития Украины и самого кораблестроения.

В украинской ТК заимствования представлены в основном английскими (46 ед.), голландскими (42 ед.) и русскими (32 ед.) единицами, например: укр. *форнік* (← англ. *forepeak* ‘крайний носовой отсек судна’), *кінгстон* (← англ. *kingston* ‘забортный клапан’), *шельтердек* (← англ. *shelterdeck* ‘навес + палуба’), *трюм* (← голл. *ruim* ‘простор’), *стапель* (← голл. *stapel* ‘стапель, элинг’), *ахтерштевень* (← голл. *achtersteven* ‘нижняя кормовая часть судна’). Ср. следующие в украинской ТК заимствования из русского языка: укр. *кубрик* (← рус.

кубрик), *бік* (← рус. *бок*), *матеріал* (← рус. *материал*). Наличие в украинской терминосистеме кораблестроения большого количества русских заимствований (16,6%) объясняется, в частности, доминирующим положением в советское время русского языка во всех сферах жизни (включая терминологические системы). Двумя заимствованиями представлены польский и итальянский языки: укр. *гвинт* (← польск. *gwint* ‘нарезка, резьба’); *торець* (← итал. *torso* ‘торс’).

2.1.9.1.2 Вторым по количеству заимствований в сопоставляемых ТК является русский язык (175 ед.) с семью языками-источниками. Большинство заимствований в русской ТК зафиксированы из английского (53 ед.), голландского (50 ед.) и французского (31 ед.) языков: рус. *бимс* (← англ. *beams* ‘балки’), *дедвейт* (← англ. *deadweight* ‘полная грузоподъемность судна’), *вельбот* (← англ. *whaleboat* ‘лодка + кит’); *кубрик* (← голл. *koebrug* ‘нижняя палуба’), *каюта* (← голл. *kajuit* ‘каюта’), *трап* (← голл. *trap* ‘трап’); *анпарель* (← франц. *appareil* ‘въезд’), *траверса* (← франц. *traverse* ‘поперечина’), *каркас* (← франц. *carcasse* ‘скелет’).

Выявлены немногочисленные заимствования из польского (4 ед.) и греческого (2 ед.) языков: рус. *буртик* (← польск. *wurcik* ‘буртик’); *пластик* (← греч. *plastike* ‘лепка, скульптура’).

2.1.9.1.3 Английский язык занимает среди сравниваемых языков третье место по количеству заимствованных СТК (98 ед.). Языками-донорами выступают в основном три языка (французский, латинский и норвежский), остальные языки (голландский, португальский, испанский и немецкий) представлены в английской ТК слабо: англ. *camber* ‘изгиб’ (← франц. *cambre* ‘изгиб’), *design* ‘проект’ (← франц. *desseign* ‘план, проект’), *vessel* ‘судно’ (← франц. *vaisseau* ‘корабль’); *anchor* ‘якорь’ (← лат. *ancora* ‘якорь’), *cell* ‘секция, отсек’ (← лат. *cella* ‘комнатка’), *tower* ‘башня, вышка’ (← лат. *turris* ‘башня, высокий дом’); *skin* ‘внешняя обшивка’ (← норв. *skinn* ‘шкура животного’), *gig* ‘лебедка’ (← норв. *geiga* ‘повернуться боком’), *stern* ‘корма’ (← норв. *stjorn* ‘управление’). Единичными заимствованиями в английской ТК представлены португальский и

испанский языки: англ. *tank* ‘цистерна, бак’ (← порт. *tanque* ‘резервуар’); *caracol* ‘винтовой трап’ (← испан. *caracol* ‘улитка’).

2.1.9.1.4 Наименьшее количество заимствований выявлено в немецкой ТК (44 ед.). В качестве языков-источников выступают шесть языков (английский, голландский, французский, латинский, итальянский, ирландский), с преобладанием английских (15 ед.), голландских (11 ед.), французских и латинских заимствований (по 8 ед.): нем. *Bulker* ‘балкер’ (← англ. *bulker* ‘балкер’), *Davit* ‘шлюпбалка’ (← англ. *davit* ‘шлюпбалка’), *Kabine* ‘каюта’ (← англ. *cabine* ‘кабина’); *Mast* ‘мачта’ (← голл. *mast* ‘мачта’), *Ventil* ‘клапан’ (← лат. *ventilium* ‘вентиль’); *Etage* ‘ярус (на судне)’ (← франц. *étage* ‘этаж, ярус’), *Piek* ‘концевая часть судна’ (← франц. *pique* ‘пика, копье’). Единичными примерами представлены заимствования из итальянского и ирландского языков: нем. *Modell* ‘модель’ (← итал. *Modulus* ‘модель’); *Glocke* ‘рында’ (← ирланд. *clock(a)* ‘звон’).

2.1.10 Имплицитная деривация

Имплицитная деривация – это взаимопереход частей речи без использования словообразовательных средств типа нем. *Bau* (← *bauen*), рус. *вес* (← *весить*), укр. *виріз* (← *вирізати*). По своему содержанию этот способ словообразования приближается к конверсии, но более рационально следует считать этот способ функционированием одной и той же основы в условиях разной дистрибуции: речь идет о разных парадигмах, которые соответствуют разным частям речи и разным синтаксическим функциям [435, с. 526].

Немецкий лингвист В. Фляйшер определяет имплицитную деривацию как свободную морфемную конструкцию без словообразовательного суффикса, которая семантически и формально соотносится с другой свободной морфемной конструкцией [378, с. 67–68].

СТК данного способа обнаружены в немецком и славянских языках и являются немногочисленными (нем. – 35 ед., рус. – 19 ед., укр. – 18 ед.).

В немецком языке имплицитные СТК чаще образуются от префиксальных, реже от корневых глаголов: нем. *Anhänge pl* ‘выступающие части (корпуса судна)’

(← *anhängen* ‘навешивать, прицеплять’), *Entwurf* ‘проект’ (← *entwerfen* ‘проектировать’), *Verbände pl* ‘связи (корпуса)’ (← *verbinden* ‘связывать’). Почти половина имплицитных СТК (16 ед.) мотивируются слабыми глаголами с сохранением их корневых гласных (*Bau* ‘строительство (напр., судна)’ (← *bauen* ‘строить’); *Steuer* ‘руль’ (← *steuern* ‘рулить’), *Verdeck* ‘палубное перекрытие’ (← *verdecken* ‘перекрыть’), а в 14 случаях – сильными глаголами при помощи аблаута (*Gang* ‘пояс (обшивки)’ ← *gehen* ‘идти’; *Guß* ‘литье, отливка’ ← *gießen* ‘лить’; *Hub* ‘ход поршня’ ← *heben* ‘поднимать’; *Ablauf* ‘спуск (судна)’ ← *ablaufen* ‘спускаться’).

В русском языке имплицитные СТК также в большинстве случаев мотивируются префиксальными глаголами без изменения корневой гласной: *вырез* (← *вырезать*), *замер* (← *замерять*), *прорезь* (← *прорезать*), *размер* (← *размерять*). В одном случае у отглагольного СТК наблюдается чередование корневой гласной: *набор* (← *набирать*). Зафиксированы три СТК, образованные от беспрефиксальных глаголов: *вес* (← *весить*), *лаг* (← *лагать*), *лаз* (← *лазить*).

В украинской ТК почти все имплицитные дериваты образованы от префиксальных глаголов с участием/без участия аблаута: *виріб* (← *виробляти*), *відсік* (← *відсікати*), *вхід* (← *входити*), *спуск* (← *спускати*), *сходи* (← *сходити*). Выявлены два СТК, образованные от беспрефиксальных глаголов: *лаз* (← *лазити*), *тяга* (← *тягти*).

Имплицитные дериваты в сопоставляемых ТК могут обозначать:

1) субъект, объект и результат действия, ср.: нем. *Ablauf* ‘спуск (судна)’, *Ausbau* ‘разборка, демонтаж’, *Nachweis* ‘подтверждение (напр., класса судна)’; рус. *износ*, *прогиб*, *набор*; укр. *згин*, *ввід*, *обвід*;

2) конкретные понятия кораблестроения, ср.: нем. *Vordeck* ‘фордек’, *Griff* ‘спасательный леер’, *Gang* ‘пояс (обшивки)’; рус. *лаг*, *насос*, *остов*; укр. *сходи*, *прилад*, *настил*.

Выводы к главе 2

Словообразовательный анализ СТК английского, немецкого, русского и украинского языков позволяет сделать следующие выводы.

1. Образование СТК в германских и славянских языках осуществляется различными способами и путями (см. Приложение А, табл. 12). По типу словообразовательной формы СТК сопоставляемых языков распадаются на производные, состоящие из корня и словообразовательного форманта, и непроизводные, которые невозможно разложить на морфемы и выделить в них словообразовательные форманты. СТК первого типа образуются путем аффиксации (суффиксов, префиксов, полупрефиксов, комбинация префиксов и суффиксов). Непроизводные СТК охватывают корневые слова, конверсию и имплицитные слова. Отдельно рассматриваются такие способы образования СТК, как словосложение, сложнопроизводные термины, аббревиация (сокращение), синтаксический способ, семантическая деривация, а также заимствование.

2. Терминообразование в сфере кораблестроения английского, немецкого, русского и украинского языков, в целом, осуществляется с использованием традиционных (общелитературных / общеязыковых) способов, моделей, типов, средств и правил. Характерными особенностями образования СТК являются следующие:

2.1. Высокая продуктивность составных способов терминообразования, а именно: 1) синтаксического способа образования СТК, который во всех языках (кроме, немецкого) занимает I-е место по продуктивности; 2) словосложения, которое в немецкой ТК успешно конкурирует с синтаксическим способом (III-е место) и занимает I-е место по продуктивности.

2.2. Высокая активность процессов вторичной номинации (метафоризация, метонимизация) в ТК сопоставляемых языков (II-е место в каждом языке).

2.3. Высокий удельный вес заимствований в ТК славянских языков (III-е место по продуктивности в каждом языке), что объясняется высоким

уровнем развития кораблестроения и судоходства в ряде европейских стран (Англия, Голландия) и контактированием этих стран.

3. Рост составных СТК (СТК-словосочетаний, СТК-композигов, сложнопроизводных СТК) в терминологии кораблестроения объясняется общей тенденцией терминологии к детальному, дифференцированному и точному выражению специальных понятий.

4. СТК-словосочетания представлены четырьмя структурными типами, которые полностью реализованы в славянских и в английском языке, и частично в немецком (три типа) (см. Приложение А, табл. 12). Самым продуктивным во всех сопоставляемых языках являются двукомпонентные СТК-словосочетания, которые в английской терминосистеме представлены преимущественно бисубстантивной моделью (1011 ед.), а в славянских и немецком языках – субстантивно-адъективной (рус. – 718 ед., укр. – 640 ед., нем. – 54 ед.). Во всех языках доминируют формально-разложимые словосочетания, в которых один или оба компонента являются термином.

5. Многокомпонентные СТК-словосочетания представлены трех-, четырех-, пятикомпонентными терминами. В целом многокомпонентные СТК-словосочетания репрезентируются 28 структурными типами, которые в каждом языке реализуются с разным набором (англ. – 8 типов; нем. – 7 типов; рус. – 20 типов; укр. – 15 типов) и с разной степенью продуктивности (см. Приложение А, табл. 10).

5.1. Среди трехкомпонентных СТК-словосочетаний самыми продуктивными являются ТС (N +N+ N) (англ.) и ТС (N+ A+ N) (рус., укр.).

5.2. Среди четырехкомпонентных СТК-словосочетаний наиболее продуктивными являются:

- в английском языке ТС (A+ N +N+ N);
- в русском языке ТС (A+N+ A+ N);
- в украинском языке ТС (N +N+ N +N).

5.3. По способу распространения интегрального компонента в ТК всех языков основным типом распространения ядерного компонента является

конкатенация. Комбинация, как смешанный тип распространения ядра, обнаружена только среди четырехкомпонентных словосочетаний.

5.4. СТК-словосочетания в сравниваемых языках различаются способом связи между компонентами. Во флективных славянских языках эту функцию выполняют падежные окончания, во флективно-аналитическом немецком языке – падежные суффиксы, а в аналитическом английском связь осуществляется прилеганием зависимого компонента.

6. Продуктивность аффиксации в образовании СТК анализируемых языках неодинаковая. В германских языках аффиксальные СТК занимают третье место по продуктивности, а в славянских – четвертое.

6.1. Наибольшее количество аффиксальных СТК во всех языках образованы суффиксальным способом.

6.2. Префиксальный и, в особенности, префиксально-суффиксальный способы во всех ТК являются малопродуктивными способами.

7. Словосложение является основным способом образования ТК в немецком языке (70,3%), напротив, в других сопоставляемых языках словосложение обнаруживает невысокую продуктивность (англ. – 4,7%; рус. – 5,2%; укр. – 3,2%).

7.1. СТК-компози́ты характеризуются в сопоставляемых языках различной длиной, различными формально-структурными типами и различной продуктивностью (см. Приложение А, табл. 8).

7.2. В немецкой ТК выявлены двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестикомпонентные СТК-компози́ты, напротив, в английском и славянских языках функционируют исключительно двухкомпонентные СТК (за исключением 4-5 трикомпози́тов в украинском и русском языках).

7.3. Среди двухкомпонентных СТК-компози́тов германских и славянских языков преобладают бисубстантивные СТК (англ. – 49,5%; нем. – 73,5%; рус. – 94,9%; укр. – 93,5%).

7.4. Немецкие трехкомпонентные СТК-компози́ты образуются по 14 структурным типам (см. Приложение А, табл. 5). Наиболее продуктивно

немецкие трикомпози́ты образуются по моделям N+ N +N (44%) и Adj + N +N (21,2%).

7.5. В структурно-генетическом отношении среди германских СТК-компози́тов преобладают полносложные СТК, а среди славянских – неполносложные.

7.6. Германские и славянские СТК-компози́ты обнаруживают отличия в семантико-синтаксическом плане. В германских языках детерминативные компози́ты существенно преобладают над копулятивными. Отличительной особенностью славянских СТК-компози́тов является преобладание сложных слов с сочинительной связью, которые реализуются в основном терминами-юкстапозитами.

8. Промежуточное положение между композицией и суффиксацией занимают сложнопроизводные слова, которые во всех исследуемых языках являются малочисленными (нем. – 17 ед., англ. – 21 ед., рус. – 21 ед., укр. – 20 ед.). В немецкой ТК отмечены СТК-сращения, образованные от глагольно-именных словосочетаний путем одновременного словосложения и суффиксации. В славянских языках доминируют сложнопроизводные СТК с нулевой аффиксацией, которые мотивируются также глагольно-субстантивными словосочетаниями.

9. В сопоставляемых языках семантическая деривация (метафоризация и метонимизация) занимает второе место по продуктивности, преобладая количественно в немецком языке (нем. – 10 % или 324 ед.; англ. – 7% или 237 ед.; рус. – 8,1% или 233 ед.; укр. – 9,5% или 246 ед.).

9.1. СТК-метафоры строятся в сопоставляемых языках часто на сходстве внешних признаков (обычно формы) с привлечением предметов быта, артефактов, растений (их частей) и животных, а СТК-метонимии на схожих ассоциациях по смежности предметов, явлений и их функций с привлечением частей тела живого организма, атрибутов одежды.

10. Аббревиация является малопродуктивным способом образования СТК и не превышает 1,5% в общем корпусе СТК каждого из исследованных языков

(см. Приложение А, табл. 12). Германские языки характеризуются наличием трех типов СТК-аббревиатур (составных, сложносоставных и инициальных). В славянских языках и в немецком языке доминируют сложносоставные сокращения с редуцированной начальной частью исходного (производящего) слова/словосочетания. Отличительной чертой славянских сложносоставных СТК-аббревиатур является усечение иноязычной части слова / словосочетания (см. Приложение А, табл. 3).

11. Только в немецком, русском и украинском языках обнаружены имплицитные СТК, обладающие, однако, низкой продуктивностью.

12. Слабую продуктивность при образовании СТК проявляет конверсия, которая отмечена только в германских языках. В немецком языке конверсия охватывает исключительно субставные инфинитивы, в то время как в английском языке отмечены случаи перехода в разряд существительных глаголов, реже прилагательных или наречий.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [32; 33; 34; 35; 36].

ГЛАВА 3

СЕМАНТИКА СУБСТАНТИВНЫХ ТЕРМИНОВ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Одним из приоритетных направлений современного терминоведения является изучение семантики терминологических единиц (Л. В. Александровская, Ш. Р. Басыров, М. Н. Володина, А. С. Герд, В. П. Даниленко, А. В. Деева, Т. Л. Канделаки, Н. В. Коваленко, О. Г. Козловская, Л. Г. Невская, В. В. Петров, А. Н. Яковлюк и др. [5; 26; 77; 90; 113; 116; 148; 172; 178; 246; 263; 259]).

Семантика представляет собой универсальную прикладную науку, поскольку она охватывает все уровни языка и их единицы: лексику, грамматику, словообразование, отдельные слова, словосочетания и предложения, иными словами без семантики невозможно представить систему языка. Специфика семантики обусловлена также уникальностью методики исследования конкретных лексических единиц, личностным аналитическим подходом и специализацией научных изысканий в области семантики на определенном материале.

Необходимо подчеркнуть, что особые трудности семантических исследований связаны со словообразовательной семантикой, которая требует специальной методики. Существенный вклад в изучение словообразовательной семантики сделан в работах В. С. Вашунина [60], Е. С. Кубряковой [198], Е. В. Розен [281], М. Д. Степановой [306], И. С. Улуханова [324], И. Барц, В. Фляйшера [379], Л. Ортнер [397], посвященных, в частности, системному изучению семантики словообразовательных моделей и типов различных частей речи, выявлению мотивационных связей между производящим и производным словом.

В ряде работе детально исследуются семантика сложных слов, семантические отношения между его компонентами [45; 60; 168; 198; 333; 378; 397]. Так, Вашунин В. С. при анализе семантики детерминативных композитов предлагает различать: 1) мотивированные; 2) прозрачно мотивированные; 3) полумотивированные композиты; 4) композиты с затеменной мотивацией; 5) немотивированные композиты [60]. Семантическая мотивированность

представляет собой релятивную характеристику предметов или явлений, вытекающую из значения и соотношения непосредственных составляющих (НС) обозначаемого слова.

Семантика мотивированных композитов складывается из суммы значений их составляющих, ср.: нем. *Decksbreite* ‘ширина палубы’ → *die Breite des Deckes*; англ. *shaftway* ‘коридор гребного вала’ → *way of a shaft*; рус. *волногаситель* → *гаситель волны*; укр. *водопровід* → *провід для води*.

Семантика прозрачно мотивированных композитов определяется неполной мотивацией НС и для раскрытия их семантики требуются уточнения: нем. *Erholungsraum* ‘салон (на судне)’ → *Raum, wo (in dem) man sich erholen kann*; англ. *masthouse* ‘постамент, надстройка у основания мачты (для размещения лебедок)’ → *house, which on the deck is located*; рус. *кают-компания* → *каюта, в которой собирается компания*; *харчоблок* → *блок, в якому зберігається або готується харчи*.

Семантика полумотивированных композитов раскрывается в соотношении с одним из компонентов: нем. *Grundverband* ‘основной набор’ → (*Grund* ‘основной’ + *der Verband* ‘союз; соединение’); англ. *downtank* ‘сборный танк’ → (*down* ‘указывает на движение вниз’ + *tank* ‘танк; цистерна’).

Композиты с затемненной мотивацией имеют лишь отдаленное сходство с совокупностью значений НС: *Galeerenhisse* ‘судовой кран’ → (*Galeere* ‘галера’ + *hissen* ‘поднимать’); англ. *handhold (hand-hold)* ‘леер; поручень’ → (*hand* ‘рука’ + *hold* ‘держат’); рус. *водоизмещение* → *тоннажность* *измещаемой судном воды*, характеризующее его размеры; аналогично: укр. *водотоннажність*.

Семантика немотивированных композитов не мотивируется суммой значений НС, ср.: англ. *gooseneck* ($\neq$ *goose* ‘гусь’ + *neck* ‘шея’) ‘двойное [S-образное] колено трубы; воздушная труба (танка, цистерны)’; рус. *гакаборт* ($\neq$ *гака* + *борт*) ‘верхняя закругленная часть кормовой оконечности судна’; укр. *гельмпорт* ($\neq$ *гельм* + *порт*) ‘отверстие в подзоре кормы или иногда в ахтерштевне, через которое проходит баллер руля’.

Композиты изучаются также с позиций синтаксической семантики. Для этого

авторы используют понятия «глубинный падеж» (W. Kürschner [391]), «семантический падеж» (В. С. Вашунин [60], W. Fleischer, I. Barz [379]), «падежные роли» (W. Kürschner) и др. По мнению Е. С. Кубряковой, семантические падежи являются «ономасиологическими категориями, позволяющими взглянуть на композитообразование в направлении от обобщенных значений к формам их выражения» [198, с. 13].

В рамках «падежной грамматики» американского лингвиста Ч. Филлмора, семантика предложения представляет собой систему семантически упорядоченных валентностей, связь «главного глагола» с ролями, диктуемыми значением глагола и исполняемыми именными составляющими [328, с. 375–376]. При этом под семантическими отношениями исследователь понимает «концепты, в терминах которых человек судит о происходящих вокруг него событиях» [328, с. 378].

При изучении семантики сложных слов (композитов) в немецком языке исследователи предлагают различный набор семантических падежей (ролей): В. С. Вашунин, Л. Ортнер – 30 падежей [60; 397], Фляйшер и Барц – 17 [379].

Важнейшими семантическими ролями, которые выделяются большинством исследователей, являются:

1) *агенса* (от лат. *agens* ‘действующий’), т.е. партиципant, осуществляющий контроль над ситуацией; тот, по чьей инициативе разворачивается действие, например: **Мама** печет пироги; **Отцом** построен дом;

2) *пациенса* (от лат. *patiens* ‘претерпевающий’), т. е. партиципant, на которого направлено действие и чье физическое состояние, в том числе и положение в пространстве, изменяется в результате осуществления этой ситуации, например: Витя ударил **Петю**; **Ученика** похвалил учитель;

3) *экспериенсера* (от лат. *experiens* ‘захватывающий’), т.е. партиципant, на чье внутренне состояние ситуация оказывает воздействие, например:

Сестра радуется подарку; **Погода** огорчает лыжников;

4) *стимул* – партиципant, который является источником воздействия, оказываемого на внутреннее состояние другого участника ситуации: **Картина** радует зрителя;

5) *инструмент* – партиципant, используемый одним из участников для изменения физического состояния другого участника: *Я открываю дверь **ключом***;

6) *реципиент* (от лат. *recipiens* ‘получающий’), т. е. партиципant, приобретающий что-то в ходе реализации ситуации: *Отец подарил **сыну** магнитофон; **Сын** получил в подарок часы*.

По мнению У. Чейфа, не падежные отношения определяют тип предиката, а семантический тип предиката определяет те отношения, в которые предикат может вступать со своими аргументами [337]. В своей таксономии ученый выделяет шесть типов глагольных значений (состояния, процессы, действия, глобальные состояния, глобальные процессы и процессы-действия) и дополняет эту таксономию классификацией аргумента глаголов, в которой выделяются агенс, пациенс, бенефициант, инструмент и др.

Заслуживает внимание семантическая классификация детерминативных композитов, предложенная В. С. Вашуниным [60]. Исследователь выделяет около 30 видов логических отношений между компонентами детерминативных композитов (значение объекта, агентивное, локальное, темпоральное, инструментальное, посессивное, партитивное значение и др.).

Заметный вклад в исследование семантики немецких композитов вносит работа Л. Ортнер «Substantivkomposita», в которой представлена детальная формально-семантическая классификация данных языковых единиц. В основе этой классификации лежит принцип определения семантических ролей непосредственно составляющих сложных слов. В работе представлены структурные типы композитов, подробно анализируется их морфологическая структура, выявляются основные формы выражения конститuentов сложных слов, а также детально описывается их семантическая структура. Исследователь подробно анализирует детерминативные, копулятивные, экзоцентричные и эндоцентричные композиты [397, с. 112, 115]. Компоненты композита рассматриваются автором как носители определенных семантических ролей [397, с. 120]. Изучение семантических связей между НС композитов позволило автору выявить 34 типа композитов [397, с. 119].

Исследование словообразовательной семантики композитов производится ученым путем анализа синтаксических отношений их НС, в ходе которого устанавливаются структурно-семантические, лексико-семантические и ономаσιологические свойства компонентов сложного слова и строятся формулы толкования (ФТ). У СТК-композитов и СТК-словосочетаний выявляются т. о. семантические типы.

Опираясь на изложенную выше методику семантического анализа немецких композитов (Ornter [397]), в настоящей главе делается попытка описать семантику ТК в германских (немецком, английском) и славянских (русском, украинском) языках. При этом в поле нашего зрения попадают СТК различной структуры и длины (компози́ты, сложнопроизводные слова, сращения, словосочетания).

Алгоритм семантического описания ТК заключается в последовательном и поэтапном анализе: 1) лексической семантики их НС базового (или стержневого, основного) и детерминативного (или зависимого) компонентов; 2) синтаксической структуры данных терминов; 3) словообразовательной семантики ТК с учетом принципов падежной грамматики.

3.1 Тематическая классификация СТК

В теории лингвистики понятия «лексико-семантическая» и «тематическая» группа четко дифференцированы. Так, по мнению некоторых исследователей, «отношение между словами в тематических группах построены только на внешних отношениях между понятиями, [...] тогда как лексико-семантические группы слов является внутренним, специфическим явлением языка, которое обусловлено ходом его исторического развития» [324, с. 217]. Исходя из этого, можно заключить, что тематическая группа является более обширной, поскольку слова этой группы объединены индифферентной семантической связью и формируются на основе прямой взаимосвязи предметов, явлений, процессов и т. д.

Термины, входящие в тематическую группу, классифицированы в соответствии с системой логических понятий, что позволяет систематизировать анализируемый

материал на понятийной основе, выявить взаимосвязь компонентов и происходящие в системе различные лексико-семантические процессы, а также проследить основные тенденции развития данной терминологии.

Таким образом, в сопоставляемых ТК выделено 12 тематических групп (см. Приложение Б, табл. 1.). Как видно из таблицы 1, продуктивность выявленных тематических групп ТК в сопоставляемых языках неодинаковая.

Во всех четырех языках наибольшую продуктивность обнаруживают термины, обозначающие предметы и понятия, связанные с корпусом судна (англ. – 917 ед.; нем. – 614 ед.; укр. – 500 ед.; рус. – 529 ед.). В этой группе выделяются следующие три подгруппы ТК, называющих:

– **части корпуса судна**, ср: нем. *Achterschiffanhang* ‘кормовая выступающая часть’, *Schiffsende* ‘оконечность судна’; англ. *hull* ‘корпус’, *spoon stern* ‘ложкообразная корма’; укр. *днище*, *обводи корпусу судна*; рус. *голый корпус*, *борт судна*, *палуба главная*;

– **составные элементы корпуса**, ср: нем. *Antennenmast* ‘антенна-мачта’; англ. *flat (plate) keel* ‘горизонтальный киль’, *flying passage* ‘переходной мостик (напр., на танкере)’; укр. *щогла*, *бімс консольний*; рус. *мачта двуногая*, *киль-блок*;

– **конструкции корпуса**: нем. *Containerstau* ‘подпор контейнера’, *Back* ‘бак; носовая надстройка’; англ. *bedplate* ‘фундаментная или опорная плита’, *superstructure* ‘надстройка (судна)’; укр. *кінгстонний ящик*, *димохід*; рус. *иллюминатор*, *опора баллера руля*, *клюз швартовный с рогами*.

Второе место по продуктивности в германских языках занимают СТК обозначающие *разные типы и виды судов* (нем. – 440 ед.; англ. – 467 ед.), например: нем. *Kielschiff* ‘килевое судно’, *Lustboot n* ‘прогулочное судно’, *Motorfrachter* ‘грузовой теплоход’; англ. *deep-draft boat* ‘судно с большой осадкой’, *ore freighter* ‘судно-рудовоз’, *trawler* ‘траулер’.

В украинском и русском языках эта тематическая группа занимает пятое и шестое место соответственно (укр. – 189 ед.; рус. – 135 ед.): укр. *теплохід*, *нафторудовоз*, *залізобетонне судно*; рус. *военный корабль*, *судно полнопалубное*, *торпедный катер*.

Среди СТК данной тематической группы часто встречаются синонимичные ТК, которые, по мнению некоторых терминоведов, являются вообще нежелательными для терминосистемы любого языка [175; 319]. Так, в английском и немецком языках для обозначения понятия «судно» существует большое количество лексических единиц (англ. – *boat, vessel, ship, craft*; нем. – *Schiff, Boot, Fahrzeug, Läufer*), которые передают сходное понятие (плавательное транспортное средство), но по-разному обозначают, например, способ и скорость их передвижения (например, в немецком: *Fahrzeug* и *Läufer*). Можно согласиться с мнением ряда специалистов в области терминологии (В. П. Даниленко [114], В. М. Лейчик [211], Д. С. Лотте [219] и др.) о том, что синонимия и полисемия являются одним из важных способов развития лексического состава языка, в том числе и терминологии. Заметим, что в данной тематической группе синонимия в славянских языках выражена слабее, чем в германских языках, что вызывает у них меньшую продуктивность по сравнению с германскими СТК.

Второе место по продуктивности в славянских языках занимают СТК, номинирующие различные процессы кораблестроения (укр. – 340 ед.; рус. – 372 ед.). Добавим, что в немецком языке эта группа занимает третье место по продуктивности (438 ед.), в то время как в английском языке количество аналогичных СТК более чем в 2 раза меньше (142 ед.). В рассматриваемой группе выделяются три подгруппы ТК, обозначающих:

– **проектирование судна**, ср.: нем. *Entwerfung* ‘проектирование’, *Schiffbaukonzept* ‘концепция кораблестроения’; англ. *profile* ‘бок (проекция теоретического чертежа судна); продольный разрез (чертеж общего расположения судна)’, *designing* ‘конструирование; проектирование; разработка; расчет’; рус. *эскизный проект, метод проектирования судов*; укр. *варіант проектування, креслення-шаблон*;

– **производственные процессы**, ср.: нем. *Bisektionsbauweise* ‘постройка (судна) стыкованием двух секций’, *Elektro-Gassschweißung* ‘электрогазовая сварка’; англ. *masting* ‘размещение мачт, установка мачт или рангоута’, *keel-laying* ‘закладка (судна)’; рус. *компоновка судна, сварка автоматическая, клепка*;

укр. закріплення, судокорпусобудування;

– *строительное оборудование и помещения*, ср.: нем. *Baudock* ‘судостроительный док’, *Hallenanlage* ‘эллинг’; англ. *yard* ‘верфь’, *block assembly shop* ‘цех сборки блоков’; рус. *леса судостроительные башенные, станель горизонтальный*; укр. *риштування суднобудівні, док передавальний*.

В русском языке третье место по продуктивности занимают СТК, обозначающие различные характеристики судна (331 ед.): *обтекаемость, водоизмещение, мореходность, мощность буксировочная, размер линейный*. В близкородственном украинском языке на третье место выходят, однако, СТК, номинирующие судовое и палубное оборудование (309 ед.): *ехолот; якір кормовий; конденсатор, лебідка вантажна, насос заборотної води*. В английской ТК третью позицию занимают термины, входящие в группу секций и помещений судна (374 ед.): *control compartment* ‘отсек (кабина) управления’, *superstructure deck* ‘палуба надстройки’, *poop spaces* ‘помещения юта или полуюта’, *forehatch* ‘носовой люк’.

Низкую продуктивность в большинстве анализируемых языков проявляют терминологические единицы, обозначающие процессы и явления, связанные с испытаниями судна (англ. – 4 ед.; укр. – 10 ед.; рус. – 13 ед.): англ. *anchor test* ‘испытание якорного устройства’, *compartment test* ‘испытание отсеков (на непроницаемость)’; рус. *проверка прочности, определение мореходных качеств, освидетельствование судна*; укр. *перевірка міцності, швидкість судна на випробуваннях*. В германских языках малочисленной оказалась тематическая группа “судовые системы” (нем. – 24 ед.; англ. – 37 ед.): нем. *das Kraftstoffsystem* ‘топливная система’, *Umlaufkühlung* ‘циркуляционная система охлаждения’, *Rohrleitungssystem* ‘система трубопроводов’; англ. *ballast (pumping) arrangement* ‘балластная система’, *gas-extracting system* ‘газоотводная система’, *tankage* ‘система [комплекс] цистерн или танков’. Напротив, в славянских языках данные СТК в 2,5 раза преобладают над германскими (рус. – 86 ед.; укр. – 94 ед.): рус. *система паротушения, радионавигационная система*; укр. *система пожежогасіння, система побутової заборотної води*.

3.2. Лексико-семантические связи компонентов в структуре сложносоставных СТК

С точки зрения формально-смыслового типа сложносоставные СТК распадаются на: 1) *СТК-компози́ты*, образованные путем объединения в одном слове двух или нескольких основ (нем. *Arbeitsdeck* ‘рабочая палуба’, англ. *hawsehole* ‘клюз; отверстие для клюза (в обшивке)’, укр. *радіорубка*; рус. *контейнеровместимость*); 2) *многокомпонентные* ТК со структурой свободного словосочетания, среди которых чаще встречаются двухкомпонентные СТК-словосочетания (нем. *stumpfer Mast* ‘короткая мачта’, англ. *mast base* ‘основание мачты’, рус. *якорь многолапный*, укр. *скуловий кіль*), реже трех- (рус. *рабочие машины и оборудование*) и четырехкомпонентные СТК-словосочетания (рус. *якорь повышенной держащей силы*).

Многокомпонентные СТК образуются обычно на основе подчинительной связи – согласования, управления (нем. *Zuschärfung der Schiffsform* ‘заострение оконечности судна’; англ. *ship's performance* ‘ходовые качества судна’; укр. *місткість судна*; рус. *площадь ватерлинии*), иногда – на основе сочинения и примыкания (нем. *Schiff für flüssige Ladungen* ‘судно для жидких грузов наливом’; *nicht klassifiziertes Schiff* ‘судно, не имеющее класса’; англ. *bow and buttock line* ‘батоск’, *deck depth at side* ‘высота палубы у борта’, укр. *добудова на плаву, гак з механічним затвором*; рус. *силовые машины и оборудования, клюз швартовный с роульсами*).

Добавим, что в немецкой ТК выявлены также многокомпонентные СТК-компози́ты, состоящие из более чем двух основ (см. выше п. 2.5.2), в то время как в остальных сопоставляемых языках в аналогичной номинативной функции выступают термины-словосочетания.

По своей формальной организации СТК-словосочетания в определенной мере сходны со структурой композитов. В составе СТК-словосочетаний также выделяются *базовый* (или *стержневой/основной*) компонент В и *зависимый* компонент А (или зависимые компоненты А₁, А₂ [431, с. 79]. Стержневой

компонент, представляя собой грамматически главное слово, обуславливает своими лексико-грамматическими свойствами тип формальной связи с грамматически зависимым компонентом. В категориальном отношении базовое слово СТК-словосочетаний является именем существительным, а в качестве зависимого компонента могут выступать различные части речи (существительное, прилагательное, глагол, числительное, имя собственное).

В настоящем разделе устанавливаются лексико-семантические связи компонентов в структуре 2159 СТК-композиций (англ. – 131, нем. – 1853, рус. – 109, укр. – 66) и 4807 СТК-словосочетаний (англ. – 1997, нем. – 83, рус. – 1358, укр. – 1369).

Для лучшей обозримости иллюстративного материала семантические роли базового (В) и зависимого (А) компонентов в структуре анализируемых единиц приводятся в скобках, а рядом с ними (в ряде случаев через косую черту) указывается их лексическое наполнение. Пропущенный в формальной структуре сложных СТК элемент (но эксплицитно выраженный в его описании) условно передается в парафразах знаком [ø]. В некоторых случаях для большей прозрачности семантических связей компонентов анализируемые СТК снабжаются специальными дефинициями в скобках.

В ТК немецкого, английского, русского и украинского языка выявлено в целом 17 семантических типов (см. Приложение Б, табл. 11).

3.2.1 Акциональные СТК

Акциональные СТК характеризуются наличием в их парафразах предикации «делать / совершать действие» [397, с. 574]. Данный семантический тип включает три подтипа, в каждом из которых непосредственные компоненты (А и В) выполняют определенные семантические роли (см. Приложение Б, табл. 3).

3.2.1.1 К *первому* семантическому подтипу акциональных СТК относятся термины, в которых базовый компонент В выступает в качестве субъекта действия (агенса), а зависимый компонент А выступает в роли аффицируемого объекта. Типичными парафразами данного типа являются:

1) '**В** осуществляет действие, которое направлено на **А**', где **А** – объект, который номинирует среду / продукт, а **В** – агент действия. В семантической роли агенса обычно выступают определенные механизмы / устройства / приборы и т. п., а в функции объекта – наименования среды (воздух, вода, пар и т.п.), различные вещества и предметы (груз, химикаты), транспортные средства (лебедка, автомобиль и т.п.), ср.:

нем. *Chemikalien-tanker* 'танкер-химовоз' → *Tanker* (В), *der die Chemikalien* (А) *transportiert*, аналогично: *Autofähre* 'автомобильный паром'; *Thunfischfänger* *m* 'тунцеловное судно';

англ. *automobile-carrier* 'судно для перевозки автомобилей' → *a carrier* (В), *which transports automobiles* (А), аналогично: *air collector* 'воздухосборник; воздухозаборник'; *heat accumulator* 'тепловой аккумулятор';

рус. *водяной трубопровод* → *трубопровод* (В), который перемещает *воду* (А), аналогично: *воздушный эжектор*, *теплообменный аппарат*;

укр. *судно вантажне* → *судно* (В), *яке транспортує вантаж* (А), аналогично: *світловий люк*, *силовий трансформатор*.

В качестве базового компонента рассматриваемых СТК-словосочетаний и СТК-композигов анализируемого типа выступают также конструктивные элементы механизмов, устройств, приборов (*стрела*, *аккумулятор*, *трубопровод* и т. п.), способные выполнять различные действия, ср.:

нем. *Feuerklappe* 'противопожарная заслонка' → *Klappe* (В), *die vor Feuer* (А) *schützt*; англ. *heat accumulator* 'тепловой аккумулятор' → *an accumulator* (В) *which accumulates heat* (А); рус. *грузовая стрела* → *стрела* (В), которая служит для *груза* (А); укр. *котел паровий* → *котел* (В), *призначений для пара* (А).

Для акциональных СТК рассматриваемого подтипа характерны также парафразы, образованные при участии различных предлогов с локативным, темпоральным или модальным значениями. В терминологических единицах подобного типа стержневой компонент В выступает либо в семантической функции «место, в котором совершается действие», либо в функции «условие совершения действие». Следует отметить, что некоторые СТК

рассматриваемого типа обнаруживают семантическую близость с локативными СТК. Типовыми трансформациями акциональных СТК в этом случае являются парафразы двух видов:

2) **‘В, в котором находится А / совершается действие над А’, где А – аффицируемый объект, В – место, где совершается действие.** Например:

нем. *Fischraum* ‘рыбный трюм’ → *Raum (B), in dem Fisch (A) bewahrt werden kann*, аналогично: *Vorratstank* ‘запасная цистерна’, *Schiffswerft* ‘судостроительный завод, верфь’;

англ. *fishroom* ‘рыбный трюм’ → *a room (B) in which fish (A) is situated*, аналогично: *cargo deck* ‘грузовая палуба’, *coal hold* ‘угольный трюм’;

рус. *пищеблок* → *блок (В)*, где хранится/приготавливается *пища (А)*, аналогично: *машинное отделение*, *рефрижераторный трюм*;

укр. *харчоблок* (→ *блок (В)*), в якому зберігають або готують *харчі (А)*, аналогично: *бункер вантажний*, *палуба шлюпкова*;

3) **‘В, согласно которому осуществляется действие над объектом А’, где А – аффицируемый объект, В – условие осуществления действия.** Для СТК с данной парафразой характерным является употребление глагола в пассивном залоге, обозначающим действие, направленное на объект и наличие предлогов, что позволяет данную парафразу представить в таком виде: ‘схема / план / система (В), согласно которой (в соответствии с которой) осуществляется действие над (А)’, ср.:

нем. *Sektionsplan* ‘схема разбивки (корпуса) на секции’ → *Plan (B), nach dem Sektionen (A) gestellt werden*, аналогично: *Leitungssystem* ‘система трубопровода’, *Tankerentwurf* ‘проект танкера’;

англ. *fuel system* ‘топливная система’ → *a system (B) according to which fuel (A) is supplied*, аналогично: *frame system* ‘система набора (корпуса судна)’, *plating system* ‘способ соединения листов наружной обшивки’.

3.2.1.2 Второй подтип акциональных СТК характеризуется тем, что их зависимый компонент А называет продукт, возникающий в результате действия агенса, а стержневой компонент В – прибор / устройство, реже вещество, с

помощью которого создается данный продукт. Рассматриваемые СТК допускают следующие парафразы:

1) **‘В, который используется для производства А’, где А – продукт, В – прибор / устройство, с помощью которого производится этот продукт:**

нем. *Schwerkraftdavit* ‘гравитационная шлюпбалка’ → *Davit* (В), *das etwas* (Ø) *mit Schwerkraft* (А) *versorgt*, аналогично: *Kraftanlage* ‘энергетическая установка, силовая установка’;

англ. *powerplant* ‘силовая установка; электростанция’ → *a plant* (В) *by means of which the ship is supplied with power* (А), аналогично: *power equipment* ‘энергооборудование’;

рус. *парогенератор* → *генератор* (В), предназначенный для производства *пара* (А), аналогично: *установка* (В) *парогенераторная* (А), *установка* (В) *паропроизводительная* (А);

укр. *енергоустаткування* → *устаткування* (В), яке виробляє *енергію* (А).

Данный подтип проявляет семантическую близость с орнативным типом, т.к. семантические отношения «продукт – производитель (создатель) продукта» можно также рассматривать как «часть – целое» [397], ср.: рус. *парогенератор* → *генератор* (В – целое), который содержит *пар* (А – часть), аналогично: укр. *парогенератор* → *генератор* (В), який має *пар* (А), англ. *powerplant* ‘силовая установка; электростанция’ → *plant* (В), *which has power* (А), нем. *Schwerkraftdavit* ‘гравитационная шлюпбалка’ → *Davit* (В), *das Schwerkraft* (А) *hat*.

2) **‘В, из которого производится А’, где А – продукт, В – вещество, из которого изготавливается продукт, например:**

нем. *das Konstruktionswerkstoff* ‘конструктивный материал’ → *Werkstoff* (В), *aus dem die Konstruktion* (А) *hergestellt wird*, *Schiffbauholz* ‘корабельный лес’ → *Holz* (В), *das zum Schiffbau* (А) *dient*.

3.2.1.3 К третьему подтипу акциональных СТК относятся термины, в которых зависимый компонент А обозначает действие, а базовый компонент В может выступать в функциях аналогичных вышеуказанным (агенса действия / место совершения действия / образ действия), устройство / вещество / предмет, на

которые направлено действие). Добавим, что зависимый компонент данных СТК-словосочетаний и СТК-композигов мотивируется глаголом и выражается его производными формами, иногда в сочетании с другими категориальными основами. Анализируемый семантический подтип акциональных СТК допускает такие парафразы:

1) ‘В, в котором осуществляется действие А’, где А – действие, В – место осуществления действия

Отличительной особенностью данного подтипа в славянских языках является тот факт, что зависимый компонент (А) выражается преимущественно сложными по структуре двухкомпонентными прилагательными (рус. *механосборочный, судостроительный*; укр. *складально-зварювальний, суднобудівний*), составляющие элементы которых имеют смысловые отношения ‘аффицируемый объект (А) – действие (В)’ (*механосборочный* (цех) → (цех, где) *собирают* (В) *механику* (А)). Аналогичную структуру и соответствующие смысловые связи имеют также и трехкомпонентные композиты немецкого языка (*Schiffbauhalle* ‘корпусный цех’ → *Bau* (В) *des Schiffes* (А)). В английской ТК этот подтип реализуется чаще двухкомпонентными словосочетаниями с односложной структурой НС:

нем. *Ausrüstungshalle* ‘достроечный цех’ → *Halle* (В), *in der* (Ø – *das Schiff*) *ausgerüstet wird* (А), аналогично: *Ladungsraum* ‘грузовой трюм’, *Eßsalon* ‘салон-ресторан; столовая (на судне), кают-компания’;

англ. *cookroom* ‘камбуз’ → *a room* (В) *in which something is cooked* (А), аналогично: *assembly* (А) *area* (В) ‘сборочная площадь, *building basin* ‘судостроительный док (бассейн);

рус. *достроечная набережная* → *набережная* (В), на которой *достраиваются* (А) (Ø *судна*), аналогично: *механосборочный* (А) *цех* (В), *турбомонтажный* (А) *цех* (В), *судостроительный* (А) *завод* (В);

укр. *суднобудівний завод* → *завод* (В), на якому *будуються суда* (А), аналогично: *складальна* (А) *площадка* (В), *добудовний цех* (В), *складально-зварювальний* (А) *цех* (В);

2) **‘В, который осуществляет А’, где А – действие, В – агент действия:**

нем. *Tragflügel* ‘подводное крыло’ → *Flügel* (В), *der das [Schiff - ø] trägt* (А),
аналогично: *Hebeschiffen* ‘килаторное судно’, *Sammelbrunnen* ‘сточный колодец’;

англ. *flyboat* ‘быстроходное судно’ → *a boat* (В) *which flies* (А), аналогично:
accumulator tank ‘сборник’, *catching trawler* ‘рыболовный траулер (без обработки улова на борту)’;

рус. *судно буксировочное* → *судно* (В), *которое буксирует* (А) (ø – другие суда), аналогично: *база* (В) *плавучая* (А), *судно* (В) *китобойное* (А);

укр. *стоп-анкер* → *анкер* (В), *який стопорить* (А) *щось* (ø – *корабель*),
аналогично: *судно* (В) *бурове* (А), *вентиляція* (В) *витяжна* (А).

3) **‘А – действие, В – предмет, на который (может быть) направлено действие’.** Многие анализируемые СТК выражают также модальность действия, которая в славянских и немецких парафразах передается через соответствующие модальные глаголы. В семантической структуре рассматриваемых СТК агент эксплицитно не выражается, поэтому в таких парафразах предикация обычно носит пассивно-модальный характер. Добавим, что данный подтип обнаруживает семантическую близость с инструментальным типом, в котором «А – действие, В – средство осуществления действия» (см. ниже п. 3.3.8):

нем. *Rollbalken* ‘сдвижной [съёмный] бимс’ → *Balken* (В), *der gerollt werden kann* (А), аналогично: *Schlagschott* ‘отбойная переборка’, *Steckkiel* ‘выдвижной киль’, *Stellwand* ‘съёмная переборка’;

англ. *payload* ‘чистая грузоподъемность’ → *the load* (В) *which is paid for* (А),
аналогично: *washboarding* ‘образование волнистости (обшивки судна)’;

рус. *трап складной* → *трап* (В), *который может быть сложен* (А),
аналогично: *ватерлиния* (В) *расчетная* (А), *руль* (В) *подвесной* (А);

укр. *настил знімний* → *настил* (В), *який можна знімати* (А), аналогично:
рудерност (В) *знімний* (А), *ілюмінатор* (В) *опускний* (А).

Следует отметить, что в немецком языке данный подтип представлен не только СТК-композициями (это характерно для выше перечисленных подтипов), но и двухкомпонентными СТК-словосочетаниями (9 ед.): *bewegliches Deck*

‘перемещаемая палуба’ → *das Deck* (B), *das bewegt werden kann* (A), *abnehmbarer Mast* ‘съемная мачта’ → *der Mast* (B), *der abgenommen werden kann* (A).

4) ‘**А – действие, В – прибор / устройство, с помощью которого производится действие А**’, ср.:

нем. *die Verholeinrichtung* ‘швартовое устройство’ → *Einrichtung* (B), *die zur Verholung* (A) *verwendet wird*, аналогично: *Abgassammelrohr* ‘газовыхлопной коллектор’, *Feuerschutztür* f ‘противопожарные двери’;

англ. *loadline* ‘грузовая ватерлиния’ → *a line* (B) *with the help of which ship is loaded* (A), аналогично: *access panel* ‘люк (съемный)’; *lifting beam* ‘грузовая траверса’; *launching ramp* ‘спусковая аппарель’;

рус. *спусковой полоз* → *полоз* (B), при помощи которого /по которому спускается (A) (ø - судно), аналогично: *клюз буксирный*, *кран грузоподъемный*, *мачта сигнальная*;

укр. *шлюпка рятувальна* → *шлюпка* (B), за допомогою якої *рятуються* (A) (ø – люди), аналогично: *колодязь стічний*, *лебідка буксирна*.

5) ‘**А – действие, В – образ действия**’, ср.:

нем. *Zusammenbaumethode* ‘метод составления’ → *Methode* (B), *nach der etwas* (ø) *zusammen gebaut wird* (A), аналогично: *Verlegungsart* ‘способ укладки’, *Vermessungsregeln* ‘правила обмера (судов)’;

англ. *docking plan* ‘доковый чертеж (судна)’ → *a plan* (B) *according to which the ship is docked* (A), аналогично: *framing plan* ‘схема набора корпуса судна’, *assembly work* ‘сборка’;

рус. *рабочий проект* → *проект* (В – образ действия), согласно с которым осуществляются *работы* (А – действие), аналогично: *технология* (В) *судостроения* (А), *система* (В) *набора* (А);

укр. *система спуску* → *система* (В), згідно з якої *спускається* (А) судно, аналогично: *спосіб з'єднання*, *технологія суднобудування*.

Среди акциональных СТК немецкого и английского языков обнаружены также СТК-компози́ты с непря́мой связью с адъективным или адвербиальным зависимым компонентом (А). В их парафразах появляются дополнительные

лексические средства, например:

нем. *Vollwerft* ‘судостроительная верфь полного профиля’ → *Werft* (B),
in der ein Vollprozess (A) durchgeführt wird;

англ. *coolroom* ‘холодильная камера; рефрижераторный трюм’ → *a room* (B)
for keeping something cool (A).

3.2.1.4 Акциональные СТК комбинированного вида. Под акциональными СТК комбинированного вида (далее комбинированные СТК) понимаются СТК, компоненты которых обнаруживают несколько возможных семантических связей. Как правило, это многокомпонентные словосочетания, в которых базовый компонент (B) и зависимый компонент (A) имеют один тип семантических взаимоотношений, при этом в роли зависимого (реже базового) компонента обычно выступает двухкомпонентное слово, НС которого объединены другим типов смысловых связей.

В акциональном типе СТК-словосочетаний встречается ряд образований, построенных комбинированным способом, которые выявлены только в славянских языках, в частности:

1) **Акционально-орнативные СТК**, главный и зависимый компоненты которых имеют акциональный тип связи, а НС зависимого компонента (A) – орнативный, например:

рус. *опорно-транспортное⁴ устройство*, т.е. *устройство* (B) для *транспортировки* груза (A₁ – действие), снабженное *опорой* (A₂ – часть целого), аналогично: укр. *опорно-транспортний пристрій*, т.е. *пристрій* (B – средство) для *транспортування* (A₁ – действие) забезпечене *опорою* (A₂ – часть целого);

2) **Акционально-инструментальные СТК**, базовый и зависимый компоненты которых имеют акциональный тип связи, а НС зависимого компонента (A) – инструментальный, например:

рус. *электро²/отопительное¹ средство*, т. е. *средство* (B – аффицируемый объект) для *отопления* (A₁ – действие), приводимое в действие *электричеством* (A₂ – средство), аналогично: укр. *електроосвітлювальні засоби*, т. е. *засоби* (B – аффицируемый объект) для *освітлення* (A₁ – действие), які приводиться в дію

электрикою (A₂ – средство);

3) **Акционально-фигуративные СТК**, в которых акциональные отношения имеют НС главного компонента (В), который, в свою очередь, связан с зависимым компонентом (А) при помощи фигуративного типа связи:

рус. *трубчатый² воздухо¹/подогреватель*, т.е. *подогреватель* (В – механизм / средство) для *воздуха* (А₁ – аффицируемый объект) в виде *трубы* (А₂ – форма механизма / средства).

3.2.2 Партитивные СТК

Партитивные СТК описывают ситуацию родо-видовых отношений: «целое – часть целого». Типичной парафразой данных СТК является генитивная конструкция, в которой компонент В является синтаксическим ядром [397, с. 333]. В английском языке, из-за отсутствия падежной системы, данная парафраза выражается предложной группой «of + имя существительное». В партитивном семантическом типе выделяются два смысловых подтипа.

3.2.2.1 К первому подтипу относятся СТК-композицы и словосочетания общего вида '[В] имеет часть [А]' или '[А] является частью [В]' Смысловые связи компонентов этого подтипа строятся на гиперо-гипонимичных отношениях, т. е. компонент А выступает родовым (собирательным) понятием, а компонент В – видовым (составным конституентом А). Зависимый компонент А номинирует, как правило, конструктивные элементы судна (*корпус, борт, нос, обшивку, палубу* и т. д.), а главный компонент В – составные элементы этих конструкций (*секция, стрингер, бимс, часть, выступ, ребро, лист* и т. д.), например:

нем. *Schiffsaufbau* 'надстройка судна' → *Aufbau* (В) *des Schiffs* (А), аналогично: *Schottenbeplattung* f 'обшивка переборки', *Schattendeckstringer* 'стрингер тентовой палубы', *Ankerarm* 'лапа якоря';

англ. *bullnose* 'носовая киповая планка' → *a nose* (В) *of a bull* (А), *hull appurtenances* 'выступающие части (корпуса судна)' → *appurtenances* (В) *of the hull* (А), аналогично: *counterplate* 'лист обшивки кормового подзора', *deck beam* 'палубный бимс', *deep-tank bulkhead* 'диптаноксовая переборка';

рус. *скуловой киль*, т.е. киль (В), который является частью скулы (А), аналогично: *скуловой стрингер, бортовой стрингер, якорь многолапый*;

укр. *перебірка коробчата*, т. е. *перебірка* (А), яка має (гофри – Ø) у [вигляді] *коробки* (В), аналогично: *шлюпбалка чотиришарнірна, якір штоковий, конструкція багатопарова*.

3.2.2.2 Второй подтип образуют партитивные СТК с парафразой общего вида ‘А является носителем признака В’, например:

нем. *Tanklänge* ‘протяженность [длина] цистерны’ → *Länge* (В – признак), *die der Tanker* (А – носитель признака) *hat*, аналогично: *Schiffbaukonstruktion* ‘корпусная конструкция’; *Schiffsgewicht* ‘масса судна’, *Sektionsmasse f* ‘масса секций’;

англ. *hold capacity* ‘вместимость трюма’ → *capacity* (В – признак) *of a hold* (А – носитель признака), аналогично: *hull height* ‘высота борта’, *ship rigidity* ‘жесткость корпуса судна’, *vessel's form* ‘форма корпуса судна’;

рус. *корма эллиптическая*, т. е. *корма* (А), которая имеет *эллиптическую* (Ø форму) (В), аналогично: *судно стандартное, двигатель быстроходный, дизель высокооборотный*;

укр. *антена довгохвильова*, т. е. *антена* (А), яка має *дві хвилі* (В), аналогично: *генератор високочастотний, скула ламана, руль обтічний*.

Из приведенных примеров видно, что смысловыми парафразами партитивных СТК выступают придаточные определительные предложения с глаголом «иметь / *haben* / *have* / *мати*». По мнению Л. Ортнер, подобные парафразы более свойственны для орнативного типа [397, с. 319]. Однако, в парафразах СТК партитивного типа с аналогичными глаголами, зависимый конституент А выступает в позиции субъекта-подлежащего, а главный компонент В – в позиции объекта-дополнения.

Поскольку немецкие СТК-композиции с адъективным или адвербиальным зависимым компонентом являются эллиптическими конструкциями, то в их парафразах появляются дополнительные лексемы, обычно номены со значением «судно / корабль», например:

нем. *Leertonnage* ‘тоннаж судна в эксплуатации’ → *Tonnage* (В – признак),

die das leere [ø Schiff] (А – носитель признака) hat, *Leermasse* ‘водотоннажность (судна) порожнем; масса порожнем (напр., контейнера)’ → *Masse* (В – признак), *die das leere* [ø Schiff] (А – носитель признака) hat.

Рассмотренные партитивные подтипы обнаруживают семантическую близость с орнативными СТК предикации ‘А является частью/признаком понятия, выраженным компонентом В’.

3.2.2.3 Комбинированные партитивные СТК. Некоторые СТК партитивного типа комбинируются с СТК другого смыслового типа, образуя комбинированный подтип, в частности *партитивно-фигуративный подтип*. Так, в русском языке двухсловный СТК *козловой кран* имеет в специальных словарях следующее толкование: «кран, у которого несущие элементы конструкции опираются на крановый путь при помощи двух опорных стоек». Приведенная дефиниция подъемного устройства позволяет построить следующую парафразу: *козловой кран* → *кран* (В – целое / подъемное устройство), *который имеет «козла»* (А – часть целого/две опорные стойки, напоминающие ноги животного (козла)) .

3.2.3 Орнативные СТК

Орнативные СТК образуют предикацию следующего вида: «В имеет А» с некоторыми вариациями. Парафразы орнативных СТК-конструкций строятся в основном при участии глагола со значением ‘иметь’, при этом базовый компонент В в этих трансформациях является их синтаксическим ядром [397, с. 274], ср.:

нем. *Stufenboden* ‘реданное днище’ → *Boden* (В), *der die Stufen* (А) hat; аналогично: *Segelschiff* ‘парусное судно, парусник’; *Teilschott* ‘полупереборка’; *Feuerrohrkessel* ‘огнетрубный котел’;

англ. *foilcraft* ‘судно на подводных крыльях’ → *craft* (В), *which has foil* (А), аналогично: *stock anchor* ‘якорь со штоком; штоковый якорь’, *twin-hull boat* ‘двухкорпусное судно, катамаран’; *membrane tank* ‘мембранный танк’;

рус. *топенант* (А – часть / снасть, поддерживающая конец реи, мачты, стенки в нужном положении) *стрелы* (В – целое), аналогично: *установка одновальная*; *крышка клюза*; *судно* (В) *двухкорпусное* (А);

укр. *вітка* (А – часть) *шпангоута* (В – целое), аналогично: *дизель високооборотний, ніс судна, лебідка двобарабанна* (В).

Базовые компоненты (В) орнативных СТК номинируют, как правило, различные транспортные средства, механизмы, устройства, конструкции (*судно, борт, установка, лебедка, стрела* и т. п.), а зависимые компоненты (А) – их составные элементы (*кран, корпус, клюз, бимс, секция, установка* и т. п.), обнаруживая, т. о., близость с партитивными СТК, ср.: нем. *Triplexwinde* ‘трехбарабанная лебедка’ → *Winde* (В), *die Triplex* –[(ø) *Zylinder*] (А) *hat*; англ. *blower pump* ‘воздуходувка’ → *a pump* (В), *which has blower* (А); рус. *кран* (В) *мостовой* (А); укр. *лебідка* (В) *шкентельна* (А).

Семантическая близость партитивных и орнативных СТК проявляется также в наличии подтипа «В – носитель свойства, А – свойство», например:

нем. *Festigkeitsschott* ‘прочная переборка’ → *Schott* (В), *das die Festigkeit* (А) *hat*; *Nullschiff* ‘головное судно (серии)’ → *Schiff* (В), *das [ø Nummer] Null* (А) *hat*, аналогично: *Halbvolumensektion* ‘полуобъемная секция’; *Festigkeitstiefgang* ‘конструктивная осадка’;

англ. *arcform hull* ‘корпус со шпангоутами аркообразной формы (без резко выраженной скулы)’ → *a hull* (В), *which has an arcform* (А); аналогично: *stumpy ship* ‘судно с тупыми обводами’; *sharpness of lines* ‘острота обводов (корпуса судна)’;

рус. *мощность двигателя* → *мощность* (А – признак), которую имеет *двигатель* (В – носитель признака); аналогично: *площадь ватерлинии*; *размеры судна*; *толщина обшивки*;

укр. *динаміка судна*, т. е. *динаміка* (А), яку має *судно* (В), аналогично: *міцність конструкцій*; *конструкція днища*.

В парафразах некоторых немецких орнативных СТК-композигов и английских СТК- словосочетаний появляются уточняющие слова, например: нем. *Qualitätstahl* ‘высококачественная сталь’ → *Stahl* (В), *der die [ø - hohe] Qualität* (А) *hat*; англ. *double bulkhead* ‘сдвоенная переборка’ → *a bulkhead* (В), *which has double [ø – skin]* (А).

К рассматриваемому типу примыкают 3-хкомпонентные СТК-словосочетания и трехкомпонентные СТК-композицы, в которых зависимый компонент А, обозначающий «часть целого», выражен сочетанием двух слов, одно из которых выступает в функции относительного базового компонента, а второе – в функции собственно зависимого. Схематически данные отношения можно выразить следующим образом: «В – А[ab]», где В – целое, [ab] – часть целого. Элементы [ab] зависимого компонента А могут обозначать следующее:

1) а – свойство (целого); b – часть целого / средство, например:

нем. *Krummbordschiff* ‘судно с криволинейным бортом’ → *Schiff* (В), *das einen krummen* (а) *Bord* (b) *hat*; англ. *round bottom hull* *корпус* ‘с закругленными днищевыми обводами’ → *a hull* (В), *which has a round* (а) *bottom* (b); рус. *сплошная надстройка судна* → *судно* (В), которое имеет *надстройку* (b), являющуюся *сплошной* (а); укр. *гвинт фіксованого кроку* → *гвинт* (В), який має *крок* (b), що є *фіксований* (а);

2) а – действие; b – часть целого / средство, например:

рус. *якорь* (В) *с поворотными* (а) *лапами* (b) → *якорь* (В), который имеет *лапы* (b), способные поворачиваться (а); аналогично: укр. *якір* (В) *з поворотними* (а) *лапами* (b).

3.2.3.1 Орнативные СТК комбинированного вида. Среди орнативных СТК выявлены комбинированные образования двух подтипов:

1) *орнативно-модальные СТК*. Сюда относится, в частности, СТК-словосочетание *кран с горизонтальными стрелами* с его парафразой «кран (В), стрелы (b) которого направлены горизонтально (а)». В этой парафразе определительный компонент (*горизонтальными*), отвечает на вопрос «как?», и выступает, т.о. в функции «направление» [397, с. 752]. Добавим, что данный СТК допускает, очевидно, и орнативно-модификативную интерпретацию в силу определительной связи ее компонентов (а) и (b) [397, с. 702];

2) *орнативно-локативные СТК*, ср.: рус. *башенный* (А – часть / место, где закрепляется стрела) *кран* (В – целое) → *кран* (В) [со стрелой – *оа* – невыраженная в наименовании конструктивная часть крана, закреплённая в верхней части вертикально

расположенной] *башины* (А / Loc), аналогично: *кран* (В) *башенный* (А / Loc).

3.2.4 Локативные СТК

Для СТК данного семантического типа характерным является наличие в их парафразе предикации «находиться / быть (на / в)». Базовый компонент В номинирует, как правило, локализованный предмет, агенса действия или само действие. Зависимый компонент А указывает на место, где находится данный одушевленный/неодушевленный предмет или совершается действие.

В зависимости от семантической роли А-конституента локативные СТК распадаются на два подтипа:

- 1) *локативно-ситуативные* (или *локативно-акциональные*) СТК, в которых компонент А указывает на место нахождения/совершение действия В;
- 2) *локативно-директивные* СТК, в которых компонент А указывает на место происхождения / направления В.

3.2.4.1 Подавляющее большинство локативных СТК относятся к первому подтипу со следующими типичными парафразами:

- 1) **‘А – место, в котором локализован предмет В’**, ср.:

нем. *Heckabteilung* ‘кормовой отсек’ → *Abteilung* (В), *die auf dem Heck* (А) *liegt*; аналогично: *Vorderpiektank* ‘форпиковая цистерна’, *Bodentank* ‘днищевая цистерна’, *Bordseitenöffnung* ‘вырез в борту’;

англ. *bowthruster* ‘носовое подрулевающее устройство’ → *a thruster* (В), *which is situated on the bow* (А); аналогично: *poop anchor* ‘кормовой якорь’, *deck housing* ‘палубная надстройка, станде’; *front bulkhead* ‘фронтальная стенка (напр. мостика)’;

рус. *румпель-тали* → *тали* (В), которые находятся на *румпеле* (А); аналогично: *анарель кормовая*, *клюз бортовой*; *носовой трюм*;

укр. *мідель-шпангоут* → *шпангоут* (В), який розташований на *міделі* (А), аналогично: *анарель бортова*; *кран щогловий*; *руль кормовий*;

- 2) **‘А – место, в котором действует агент В’**, ср.:

нем. *Seedampfer* ‘морской пароход’ → *Dampfer* (В), *der in der See* (А) *verkehrt*; аналогично: *Seemotorfrachter* ‘морской грузовой теплоход’; *Hochseetrawler* ‘океанский траулер’;

англ. *sea-craft* ‘морское судно’ → *a craft* (B), which sails in *the sea* (A);
аналогично: *ocean tug* ‘морской буксир; *middle-water trawler* ‘траулер средней дальности лова; траулер ограниченного морского плавания’;

рус. *морское судно* → *судно* (B), которое осуществляет рейсы в *море* (A – место), аналогично: *транспорт речной, подводная лодка*;

укр. *судно озерне* → *судно* (B), яке курсує *по озеру* (A), аналогично: *судно річкове, човен підводний*.

В русской ТК выявлены локативные СТК, в которых зависимый компонент А обозначает место пребывания / действия агенса:

рус. *кают-компания* → *каюта* (A), в которой собирается *компания* (Ø экипаж) (B – агенс); *трап лоцманский* → *трап* (A), по которому перемещается *лоцман* (B);

3) ‘**А – место, в котором осуществляется действие В**’, ср.:

нем. *Werfterprobungsfahrt* ‘заводские ходовые испытания’ → *Erprobungsfahrt* (B), die in der *Werft* (A) stattfindet;

англ. *dry-dock launching* ‘вывод судна из строительного дока (для достройки)’ → *launching* (B) [(Ø) of a ship] out of a *dry-dock* (A);

рус. *сварка подводная* → *сварка* (B), которая производится *под водой* (A), аналогично: *док спусковой; верфь* (A) *судноборочная* (B);

укр. *бюро конструкторське* → *бюро* (B), в якому здійснюються *конструкторські* [(Ø) роботи] (A) (будівлі судна), аналогично: *цех корпусообробний, місток перехідний, верфь суднобудівна*.

К рассматриваемому виду парафраз примыкает русский СТК *цехозтап* с имплицитным наименованием действия: *цехозтап* → *этап* (B) [*строительства судна* – Ø] в *цеху* (A), аналогично: укр. *цехоетап*.

В отдельных случаях локализация предмета маркируется структурными элементами СТК (например, в немецком полупрефиксами *ober-*, *über-*), указывающими на расположение предмета над / под чем-л., поверх чего-л., между чем-л. и т. п., например:

нем. *Überwasserdisplacement* ‘надводная водотоннажность’ → *Displacement*

(B), *das über Wasser* (A) bemessen wird; аналогично: *Oberbrücke* ‘верхний мостик’; *Mittelmast* ‘средняя мачта’;

англ. *between-deck stanchion* ‘междупалубный пиллерс’ → *a stanchion* (B), which is located *between decks* (A); аналогично: *underdeck accommodation* ‘подпалубное жилое помещение’; *above-water body* ‘надводная часть корпуса судна’;

рус. *межлюковая перемичка* → *перемичка* (B), которая находится *между люками* (A), аналогично: *надводный борт*, *междубортное пространство*;

укр. *апарель внутрішньосуднова* → *апарель* (B), яка розташована *усередині судна* (A), аналогично: *місткість підпалубна* (A), *міждонний лист*.

Добавим, что в рассматриваемых парафразах в германских языках особенно распространены СТК с зависимым субстантивным компонентом в функции «место» (нем. – 160 ед., англ. – 154 ед.). В славянских языках в такой роли выступают, как правило, адъективные или адвербиальные производные (рус. – 43 ед., укр. – 39 ед.):

нем. *Bilgekiel* ‘скуловой киль’ → *Kiel* (B), der im *Bilge* liegt; аналогично: *Bugspant* ‘носовой шпангоут’, *Decksbalken* m ‘подпалубная балка’; *Heckbrücke* ‘кормовой мостик’;

англ. *deckhouse* ‘(палубная) рубка’ → *a house* (B), which is situated *on the deck* (A), аналогично: *mast ladder* ‘мачтовый трап, скоб-трап на мачте’ *stern room* ‘кормовой отсек’;

рус. *клюз палубный* → *клюз* (B), который находится *на палубе* (A), аналогично: *якорь кормовой*, *бугель мачтовый*, *носовой трюм*;

укр. *апарель кормова* → *апарель* (B), що знаходиться *на кормі* (A), аналогично: *руль носовий*, *кран щогловий*.

3.2.4.2 *Локативно-директивные* СТК являются немногочисленными во всех рассматриваемых терминосистемах. В СТК данного семантического подтипа зависимый компонент А называет место и/или направление предмета, обозначаемого базовым компонентом (B). В рассматриваемых СТК иногда содержатся структурные элементы с директивным значением:

нем. *Linkspropeller* ‘гребной винт левого вращения’ → *Propeller* ‘(B –

механизм), *der nach links* (А – направление, в котором производит действие механизм В) *rotiert*; аналогично: *Promenadengang* ‘коридор прогулочной палубы’; *Niedergang* ‘трап; сходни; сходный люк’;

англ. *bilge* ‘скуловая часть корпуса судна’ → *way* (В), *which in the bilge* (А) *leads*, аналогично: *bridge ladder* ‘трап на мостик’.

В славянских СТК базовый компонент с директивным предлогом указывают на действие (В), совершаемое в направлении (А), ср.:

рус. *посадка* (В) *на воду* (А), *диферент* (В) *на корму* (А), аналогично:

укр. *диферент* (В) *на ніс* (А), *посадка* (В) *на воду* (А).

3.2.5 Эквативные СТК

Конституенты А и В эквативных СТК находятся в логических отношениях включения в класс схожих предметов / понятий, иначе говоря, семантические отношения непосредственных компонентов определяются как «А / В идентифицирует или квалифицирует В / А» [397, с. 158].

Исходным пунктом для дальнейшего выделения в них подтипов являются описанные в традиционных грамматиках функции глаголов-связок *sein / darstelllen / dienen / verwendet wird (als)* (нем.); *to be / to serve / to get / to become / to turn* (англ.); *быть / являться / стать / считаться* (рус.); *бути / являтися / стати / вважатися* (укр.) как квалифицирующих, классифицирующих и идентифицирующих слов [23; 58; 269; 397].

В анализируемом материале выявлены германские СТК (нем. – 37 ед.; англ. – 59 ед.) *квалифицирующего* подтипа, в которых зависимый компонент (А) является квалифицирующим элементом, а основной (В) – квалифицируемым. Что касается их тема-рематической структуры, то в германских языках стержневой компонент (В) выступает в парафразах синтаксическим ядром и одновременно является носителем «темы», а зависимый компонент А – «ремой» [397, с. 162]. В данных парафразах часто появляется копулятивный глагол *sein* (нем.) / *to be* (англ.) / *быть* (рус.) / *бути* (укр.), ср.:

нем. *der Fabriktrawler* ‘траулер-завод’ → *Trawler* (В), *der eine Fabrik* (А)

ist, аналогично: *Standardcontainer* ‘стандартный контейнер’; *Stengewantblock* ‘комель-блок’; *Tafelfreibord* ‘базисный надводный борт’;

англ. *base-ship* ‘судно-база’ → *a ship* (В), *which is a base* (А), аналогично: *ferrycraft* ‘паром’, *forecastle erection* ‘баковая надстройка’, *trawl(er) ship* ‘траулер’; *blower set* ‘компрессор’.

В славянских языках компоненты сложных СТК имеют, по сравнению с германскими терминами, диаметрально противоположную тема-рематическую структуру, а именно: компонент А функционирует как тема, а компонент В – как рема, т. о. «А – квалифицируемый компонент, а В – квалифицирующий» (рус. – 14 ед., укр. – 16), например:

рус. *контейнер-цистерна* → *контейнер* (А – квалифицирующий компонент), который является *цистерной* (В – квалифицируемый компонент) аналогично: *блок* (А) – *модель* (В); *контейнер* (А) – *платформа* (В); *док* (А) – *камера* (В); *мачта* (А) – *полумачта* (В); *сейнер*(А) – *траулер* (В);

укр. *креслення-шаблон* → *креслення* (А – квалифицирующий компонент), яке є *шаблоном* (В – квалифицируемый компонент), аналогично: *буксир* (А) – *штовкач* (В); *вал* (А) – *шестірня* (В); *вал* (А) – *триб* (В).

3.2.6 Модальные СТК

В модальных СТК зависимый компонент А выступает в семантической роли «способ (метод/образ) действия или существования» базового компонента В. Композитам и словосочетаниям этого смыслового типа соответствует предикация общего вида ‘В является / осуществляется способом (образом) А’. В зависимости от семантической роли конституента В выделяется несколько семантических подтипов.

3.2.6.1 ‘А является способом расположения В’, где А – способ, а В – величина, расположенная данным способом. В функции базового компонента В в рассматриваемых СТК обычно выступают определенные конструктивные элементы и составные части судна (*переборка, крыло, борт, мачта* и т. п.). В позиции конституента А появляются адъективные и адverbиальные слова, обозначающие, как правило, различное расположение предмета, названного

базовым компонентом В, по отношению к горизонту (*вертикальный, поперечный, прямой* и т. п.). Например:

нем. *Senkrechtuder* ‘вертикальный руль’ → *Ruder* (В), *das senkrecht* (А) *steht*; аналогично: *Vertikalruder* ‘вертикальный руль’; *Hochspant* ‘ветвь шпангоута, расположенная выше главной палубы’;

англ. *distance bar* ‘распорка’ → *a bar* (В), *which is situated at distance* (А); аналогично: *cross bunker* ‘поперечный бункер’; *pair masts* ‘парные мачты’; *horizontal stiffener* ‘горизонтальное ребро жесткости’;

рус. *борт вертикальный* → *борт* (В – существующая величина), который расположен *вертикальным образом* (А), аналогично: *переборка поперечная; диагональная обшивка; горизонтальное перекрытие*;

укр. *відсік окремий* → *відсік* (В), який розташований *окремо* (А), аналогично: *стапель горизонтальний; згин поперечний; крило пряме*.

3.2.6.2 ‘А является способом действия агента В’, где А – способ действия, а В – производитель действия (агент). В данный подтип входят лишь СТК германских языков. Базовый компонент В в СТК данного подтипа номинирует суда и механизмы, а зависимый – способы их функционирования, ср.:

нем. *Schnellläufer* ‘быстроходное судно’ → *Läufer* (В), *der schnell* (А) *läuft*; аналогично: *Synchronmotor* ‘синхронный мотор’; *Portalkran* ‘портальный кран’;

англ. *bulkcarrier [bulker]* ‘балкер (навалочное судно)’ → *a carrier* (В), *which transports cargo in bulk* (А); аналогично: *line boat* ‘рейсовое судно, лайнер’; *cold-storage boat* ‘рефрижераторное судно’.

3.2.6.3 ‘А – метод (способ), в соответствии с которым производится действие В’. В функции главного компонента выступают субстантивы, обозначающие обычно процессы производства и испытания судна (*спуск, достройка, набор, соединение, сварка, монтаж, насыщение, испытание*), а в функции зависимого компонента – способы их совершения, ср.:

нем. *Punktschweißung* ‘сварка точечным швом’ → *Schweißung* (В), *die mit Punkten* (А) *ausgeführt wird*; аналогично: *Schraubverbindung* ‘резьбовое соединение’; *Blockmontage* ‘блочный метод монтажа’; *Blockbauweise* ‘блочный

метод строительства’;

англ. *accelerated test* ‘экспресс-испытание’ → *test* (B), which is carried out in an *accelerated* (A) way; аналогично: *electric welding* ‘электросварка’; *electric brazing* ‘электропайка (твердым припоем)’; *advance outfitting* ‘предварительное насыщение (блоков судна при постройке)’.

рус. *спуск поперечный* → *спуск* (B – действие), который осуществляется *поперечным образом* (A – способ действия), аналогично: *соединение внапуск*; *кондиционирование неполное*; *достройка (судна) на плаву*;

укр. *з’єднання паралельне* → *з’єднання* (B), яке виконується *паралельно* (A), аналогично: *набір перехресний*; *серійне виробництво*; *кондиціювання повне*; *з’єднання внакрив*; *зварювання в середовище*.

3.2.6.4 ‘А – метод (способ) производства продукта В’. Данный подтип охватывает лишь СТК английского и русского языков, ср.:

англ. *serial (-built) vessel* ‘судно серийной постройки’ → *a vessel* (B), which is built in *a series* (A); аналогично: *low-built ship* ‘низкобортное судно’; *series-built ship* судно ‘серийной постройки’;

рус. *модульное судостроение* → строительство судов (B) с использованием *модульного принципа* (A).

3.2.6.5. ‘А – способ / метод действия, В – аффицируемый объект’. Сюда входят лишь СТК немецкого и славянских языков, ср.:

нем. *Wasserlinienmodell* ‘модель (судна), разрезанная по ватерлинии’ → *Modell* (B), *das nach den Wasserlinien* (A) *geschnitten wird*, аналогично: *Spezialschiff* ‘специальное судно’, *Genausschnitt* ‘точный рез’;

рус. *сигнализация автоматическая* → *сигнализация* (B), которая включается *автоматически* (A), аналогично: *трап телескопический*; *шов* (B) *непрерывный*;

укр. *розмір по висоті* → *розмір* (B), який вимірюється *по висоті* (A), аналогично: *розмір по ширині*.

3.2.7 Кондициональные СТК

Терминологическим единицам данного типа соответствует предикация такого вида: ‘В существует / осуществляет деятельность / происходит / используется при условии / в случае А’ [397, с. 509]. Зависимый компонент (А) выступает в семантических ролях «условие» и «повод», которые, как правило, взаимосвязаны, но не во всех подтипах находят четкое выражение. Данный тип обнаруживает семантическую близость с темпоральными СТК (см. ниже п. 3.3.16), так как условие часто связано с определенным моментом времени [397, с. 509–510]. В английском языке данный смысловой тип реализуется исключительно двухкомпонентными СТК-словосочетаниями, в славянских языках также доминирует этот структурный тип, а в немецком языке отмечены чаще двух-, реже трехкомпонентные СТК-компози́ты.

У кондициональных СТК германских языков в позиции зависимого компонента А чаще появляются отглагольные субстантивы, обозначающие процесс производства или эксплуатацию судна, а в славянских языках (иногда и в английском) – имена существительные либо отыменные прилагательные, называющие условия эксплуатации, природные стихии, внештатные ситуации в работе определенных механизмов.

Кондициональные СТК распадаются на три подтипа.

3.3.7.1 А – условие, при котором существует величина В. С точки зрения лексического наполнения, базовый компонент В называет обычно технические свойства судна, его узлов и конструкций, а зависимый компонент А – технические или природные условия их эксплуатации. В славянских ТК рассматриваемый тип актуализируется как СТК-компози́тами, так и СТК-словосочетаниями, в немецкой – исключительно компози́тами, а в английской – словосочетаниями. В целом, СТК этого подтипа выявляют среднюю продуктивность (нем. – 11 ед, англ. – 33 ед., рус. – 30 ед., укр. – 5 ед.), ср.:

нем. *Dienstgeschwindigkeit* ‘эксплуатационная скорость’ → *Geschwindigkeit* (В), *die das Schiff im Dienst / Betrieb* (А) *hat*; аналогично: *Betriebseigenschaften* ‘эксплуатационно-технические качества’; *Fertigungszustand* ‘окончательная

стадия сооружения (судна)';

англ. *launching mass* (В) 'спусковая масса (судна)' → *a mass* (В), which has a vessel by being *launched* (А); аналогично: *stillwater performance* 'ходовые качества (судна) на тихой воде', *service draft* 'эксплуатационная осадка';

рус. *ветростойкость* → *стойкость* (В – величина) судна *при* (Ø *сильном*) *ветре* (А – условие); аналогично: *ударостойкость*, *водотоннажность*, *балласт аварийный*, *ватерлиния аварийная*;

укр. *водотоннажність (судна) при спуску зі стапеля* → *водотонажність* (В), яку має судно *при спуску зі стапеля* (А); аналогично: *водотоннажність (судна) в баласті*, *вібростійкість*, *потужність пускова*, *осадка вантажна*.

3.2.7.2 А – условие, при котором производится действие В. Данный подтип в большинстве ТК является малопродуктивным (нем. – 15 ед., англ. – 4 ед., рус. – 3 ед., укр. – 3 ед.) и обнаруживает семантическую близость с темпоральным типом, допуская два варианта предикации, ср.: нем. *Abnahmefahrt* 'ходовые испытания' → *Fahrt* (В), *die bei einer Abnahme* (А) *stattfindet (geschieht)* (**условие**) / *die Fahrt während der Abnahme* (**время**), аналогично: англ. *launching displacement* 'водоизмещение при спуске' → *a displacement* (В), which a ship has by being *launched/when the ship is being launched*; рус. *сдаточные испытания* → *испытания* (В), которые проводятся *при сдаче судна* (Ø – *в эксплуатацию*) / *когда судно сдается в эксплуатацию*; укр. *здавальні випробування* → *випробування під час здачі судна*.

В рассматриваемый подтип входят также следующие СТК:

нем. *Probebelastung* 'пробная нагрузка' → *Belastung* (В) *im Fall einer Probe* (А), аналогично: *Übergabeerprobung* 'сдаточные испытания', *Stappellaufverdrängung* 'водотоннажность (судна) при спуске со стапеля';

англ. *ballast displacement* 'водоизмещение (судна) в балласте' → *a displacement* (В), which a ship *in ballast* (А) has; аналогично: *storm shutter* 'штормовая крышка иллюминатора, крышка штормового порта';

рус. *штормтрап* → *трап* (В), который используется *при шторме* (А); аналогично: *ходовые испытания*;

укр. *штормтрап* → (*мотузковий*) *трап* (В), яким користуються під час сильного *шторму/хвилювання моря* (А), аналогічно: *ходові випробування*.

3.2.7.3 А – условие, при котором используется В, где А – условие, а В – устройство / прибор. Рассматриваемый подтип является в большинстве языков малочисленным (нем. – 3, рус. – 1; укр. – 2), а в английской ТК он не отмечен. Анализируемый кондициональный подтип пересекается с темпоральным типом и допускает двоякую интерпретацию. Главный компонент А называет технические приборы и устройства и части судна, а базовый компонент – условие их эксплуатации:

нем. *Notluke* ‘аварийный люк’ → *Luke* (В), *die im Notfall (A) verwendet (betätigt) wird*; аналогічно: *Notmast* ‘временная [фальшивая] мачта’; *Notfunkraum* ‘аварийная радиорубка’;

рус. *генератор аварийный* → *генератор* (В), который используется *при аварии* (А);

укр. *сигналізація авральна* → *сигналізація* (В), яка використовується в *авральній ситуації* (А).

3.2.8 Инструментальные СТК

В парафразах *инструментального типа* базовый компонент В выступает преимущественно в функции аффицируемого объекта и называет обычно механизмы, устройства, их узлы, а зависимый компонент А – в функции инструмента, с помощью которого приводится в действие / функционирует В [397, с. 540]. В качестве инструмента употребляются слова, называющие энергоносители, приборы и их части, части тела, ср.:

нем. *Dieselmotor* ‘дизельный двигатель’ → *Motor* (В), *der mit Diesel (A) betrieben wird*; аналогічно: *Kernenergie-Antrieb* ‘атомный приводной механизм’; *Dampfwinde* ‘паровая лебедка, лебедка с паровым приводом’;

англ. *motorship* ‘дизельное судно; теплоход’ → *a ship* (В), *which is operated by the motor* (А); аналогічно: *air engine* ‘пневматический двигатель’, *diesel tug* ‘дизельный буксир’; *oil engine* ‘нефтяной двигатель’;

рус. *двигатель электрический* → *двигатель* (В), который приводится в движение *электричеством* (А), аналогично: *дизель-генератор; установка электроэнергетическая; лаг индукционный*;

укр. *лебідка парова* → *лебідка* (В), яка приводиться в рух *парою* (А), аналогично: *насос паливний; стріла механізована; кранець гідравлічний*.

В немецком и славянских языках выявлены также инструментальные СТК с предикацией 'А – средство / инструмент, с помощью которого осуществляется действие В', которая выражается придаточным определительным предложением с пассивными формами глаголов 'сделать / производить / совершать действие', например:

нем. *Handschweißen* 'ручная дуговая сварка' → *Schweißen* (В), *das mit der Hand* (А) *durchgeführt wird*; аналогично: *Bordelverschraubung* 'резьбовое соединение с отбортовкой' → *Verschraubung* (В), *bei der Bördel* (А) *verwendet wird*; *Handrad* 'маховик; штурвал' → *Rad* (В), *das mit der Hand* (А) *betätigt wird*;

рус. *сварка ручная* → *сварка* (В), которая производится *вручную* (А), аналогично: *отопление водяное; отопление воздушное*;

укр. *зварювання газове* → *зварювання* (В), яке здійснюється *газом* (А), аналогично: *опалення парове; опалення електричне*.

Отдельные СТК-словосочетания рассматриваемого типа проявляют семантическую связь с партитивным и / или орнативным типами. Так, в русских СТК *паротурбинная установка* базовый конституент В (*установка*) называет прибор и выступает в функции неодушевленного *агента*, а зависимый компонент А (*паровая турбина*) в функции *инструмента*, с помощью которой данная установка приводится в действие.

Инструментально-орнативные отношения отмечены у русского СТК-словосочетания *гидравлический брашпиль*, т. е. механизм (В – средство / целое) с гидравлическим приводом (А – часть целого), аналогично: укр. *установка* (В) *парогазотурбінна* (А).

СТК подобного типа отмечены также в ТК английского языка: *water(driven) turbine fan* 'вентилятор с приводом от водяной турбинки (для танкеров)' → *a fan*

(В – средство / целое) *which is driven by water turbine* (А – часть целого), аналогично: *steam turbine-driven windlass* ‘паротрубный брашпиль’.

3.2.9 Субстанциональные СТК

Типичной парафразой субстанциональных СТК является конструкция, в которой базовый компонент (В) обозначает продукт, который изготовлен из вещества, называемым зависимым компонентом (А) [397, с. 261]. Субстанциональные СТК распадаются на два подтипа.

3.2.9.1 К первому подтипу относятся СТК-компози́ты и СТК-слово́соче́тания, в которых зависимый компонент А называет вещество, из которого состоит главный компонент В (англ. – 4 ед., рус. – 2 ед., укр. – 2 ед.). Их парафразой является определительное предложение с копулятивной связью или с глаголом, означающим ‘состоять из (чего-л.)’, ср.:

англ. *batten ceiling* ‘деревянный настил из реек’ → *a ceiling, which consists of batten*, аналогично: *batten wall* ‘дощатая перегородка’; *plate(d) stem* ‘листовой форштевень’; *plate stiffener* ‘накладка из листовой стали’;

рус. *киль брусковый* → *киль* (В), состоящий из *брусков* (А) [толстых стальных полос, соединяющихся в замок]; *изоляция плиточная* → *изоляция* (В), состоящая из *плиток* (А);

укр. *кіль* (В) *брусковий* (А), *теплоізоляція волокниста*, т.е. *ізоляція* (В), яка складається з *волокон*.

В немецкой ТК данный подтип не выявлен.

3.2.9.2 Второй подтип субстанциональных СТК характеризуется тем, что их зависимый компонент (А) номинирует материал, из которого производится (изготавливается) продукт (В) (нем. – 62 ед., англ. – 13 ед., рус. – 15 ед., укр. – 18 ед.). Парафразы СТК данного подтипа выражаются обычно определительным предложением, включающим пассивные формы глагола:

нем. *Stahlbeplattung* ‘стальной настил’ → *Beplattung* (В), *die aus Stahl* (А) *hergestellt ist*; аналогично: *eisernes Schiff* ‘стальное судно’; *Metallschutzgitter* ‘металлическая решетка’; *Aluminiummast* ‘алюминевая мачта’;

англ. *boardwalk* ‘дощатый настил’ → *a walkway* (B), which is made of *boards* (A), аналогично: *steel grating* ‘стальной решетчатый настил’; *nonmagnetic ship* ‘судно из немагнитных материалов’, *grating deck* ‘решетчатая палуба’;

рус. *деревянный настил* → *настил* (B), который изготавливается из *дерева* (A), аналогично: *железобетонное судно*; *планишпир деревянный*;

укр. *сталеві трубопроводи* → *трубопроводи* (B), які виготовлені зі *сталі* (A), аналогично: *сталевий трап*; *покриття лакофарбове*.

3.2.10 Агентивные СТК

Агентивные СТК распадаются в сопоставляемых языках на два подтипа.

3.2.10.1 В СТК первого подтипа зависимый компонент (A) называет производителя действия (агенса), которое совершается в месте, названном базовым компонентом (B) (нем. – 4 ед., англ. – 30 ед., рус. – 15 ед., укр. – 8 ед.). Данный подтип преобладает в английской ТК, которая отличается наличием большого числа синонимов, обозначающих различные виды помещений (*room* ‘комната’; *accommodation* ‘жилое помещение’; *cabin* ‘каюта’; *space* ‘пространство’ и др.). Парафразы агентивных СТК представляют собой обычно определительные предложения с обобщенным предикатом действия (жить, ходить, находиться и т. п.)». Компонент B или относительное местоимение сочетаются с локативным предлогом (часто с предлогами «в», «на») [397, с. 568], ср.:

нем. *Lotsenbrücke* ‘(передний) ходовой мостик’ → *Brücke* (B), *auf der sich Lotse* (A) *befindet und das Schiff führt*; аналогично: *Passagierdeck* ‘пассажирская палуба’; *Lotsendeck* ‘верхний мостик’;

англ. *pilot room* ‘ходовая / рулевая рубка; лоцманская каюта’ → *a room* (B), in which *a pilot* (A) *steers or guides a ship*; аналогично: *captain's accommodation* ‘каюта капитана’, *passenger cabin* ‘пассажирская каюта’; *crew spaces* ‘жилые помещения экипажа’;

рус. *помещение экипажа* → *помещение* (B), в котором проводит время / проживает *экипаж* (A), аналогично: *штурманская рубка*; *лоцманское судно*; *помещения гражданские*;

укр. *місток капітанський* → *місток* (В), на якому знаходиться *капітан* та керує судном (А), аналогічно: *приміщення громадське*; *капітанська частина*, *штурманська рубка*.

3.2.10.2 В славянских языках отмечены агентивные СТК, зависимый компонент А которых выступает в функции агенса действия, а базовый компонент В обозначает само действие. При этом агентивным именем является метафорически употребленное существительное «судно», ср.:

рус. *судно-снабженец* → *судно* (А), которое осуществляет действие (В) (букв. снабжает чем-л.), аналогично: *судно-носитель*;

укр. *судно-носій* → *судно* (А), яке виконує дію (В) (букв. «носить щось»), аналогічно: *судно-снабженець*.

Добавим, что действие, совершаемое агенсом в месте В, во всех германских и в большинстве славянских СТК производится, как правило, одушевленным агенсом (*капитан, пассажиры, лоцман, команда* и т.д.).

3.2.11 Компаративные СТК

В компаративных СТК непосредственные компоненты связаны между собой отношением сходства / (подобия), которое можно представить в виде такой предикации: «В подобно / является таким как А» или «А подобно / является таким как В» [397, с. 194]. Таким образом, между конституентами А и В существует метафорическая связь. В немецкой ТК компаративные СТК значительно преобладают над аналогичными образованиями в русском и английском языках (нем. – 40 ед., англ. – 8 ед., рус. – 3 ед.), ср.:

нем. *Tulpennaht* ‘U-образный шов’ → *Naht* (В), *die einer Tulpe* (А) *ähnelt / gleicht*; аналогично: *Ring-Elemente* ‘кольцевые элементы’, *Schlittenheck* ‘корма санной формы’; *Tellerboden* ‘тарельчатое судно’;

англ. *mushroom anchor* ‘грибовидный якорь’ → *an anchor* (В), *which looks like a mushroom* (А), аналогично: *plow anchor* ‘однорогий плугообразный якорь’; *tower bridge* ‘башеноподобный мостик’;

рус. *якорь грибовидный* → *якорь* (В), который подобен / выглядит как *гриб*

(А), аналогично: *коленчатый вал, переборка коробчатая*.

Базовый компонент (В) номинирует водные транспортные средства, предметы и понятия, связанные с судном, а зависимый компонент (А) – обычно предметы окружающей действительности.

Компаративный тип СТК проявляет семантическое сходство с эквативным типом (см. выше п. 3.2.5). Так, английское СТК-словосочетание *plow anchor* ‘однорогий плугообразный якорь’ наряду с компаративной трактовкой (*anchor* (В), *which looks like plow* (А)) допускает также трансформацию эквативного типа: *anchor* (В), *which is a plow* (А), т. е. ‘якорь, который является плугом’.

В русском языке компаративный тип СТК реализуется субстантивно-адъективными словосочетаниями, а в германских – бисубстантивными композитами и словосочетаниями.

3.2.12 Фигуративные СТК

С компаративными СТК (см. выше п. 3.2.11) семантически пересекаются фигуративные СТК, в которых зависимый компонент (А) называет форму предмета, выраженного компонентом (В) [397, с. 224], и имеет следующую предикацию: ‘В подобно / является таким, как А’. Фигуративные СТК количественно преобладают в английской ТК (20 ед.), в остальных сопоставляемых языках они малочисленные (нем. – 6 ед., рус. – 1 ед., укр. – 1 ед.):

рус. *киль тунельный* → *киль* (В), имеющий форму *туннеля* (А);

укр. *кіль коробчастий* → *кіль* (В), який має форму *коробки* (А);

англ. *angle bearer* ‘кронштейн’ → *a bearer* (В) *of angled* (А) *shape*; аналогично: *tunnel stern* ‘туннельная корма’; *spoon stern* ‘ложкообразная корма’; *arch stern* ‘туннельная корма’;

нем. *Tunnelheck* ‘туннельная корма’ → *Heck* (В) *in Form von Tunnel* (А); аналогично: *Stab-Element* ‘стержневой элемент’; *Blocksektion* ‘блок-секция’; *Birnbalken* ‘бульбовый бимс’.

В английском и немецком языках фигуративный тип СТК представлен бисубстантивными моделями, в немецком языке также трикомпонентными

композитами: *Dickplattenstahl* ‘толстолистовая сталь’ → *Stahl* (B), *der in Form von Dickplatte* (A), аналогично: *Halbkugelboden* f ‘днище в форме полусферы’.

3.2.13 Референциальные СТК

Референциальные СТК, обладая в целом низкой продуктивностью, более многочисленны в немецкой ТК (нем. – 27 ед., рус. – 6 ед., укр. – 4 ед.) и не отмечены в английском языке. Референциальные СТК характеризуются следующим смысловым отношением своих компонентов: А – область / сфера, к которой имеет отношение базовый компонент В [397, с. 383]. В парафразе референциальных СТК присутствуют обычно референциальные маркеры: «по отношению к», «относительно», «касающийся». Базовый компонент (В) выступает обычно в семантической роли «форма документирования», а зависимый компонент (А) – «содержание документа» [397, с. 395], ср.:

рус. *акт испытаний* → *акт* (В), *касающийся испытаний (ø судна)* (А), аналогично: *акт проверки, акт сдаточный*;

укр. *акт випробувань* → *акт* (В), *що стосується випробувань (øсудна)* (А), аналогично: *акт перевірки*;

нем. *Generalplan* ‘план общего расположения судна’ → *Plan* (В), *der Generalanordnung* (А) *des Schiffes verzeichnet*.

Отдельным референциальным СТК немецкого языка соответствуют парафразы с предлогом *über* или глаголами *sich befassen / beschäftigen* с предлогом *mit*. Между их компонентами существуют логические отношения «объект – предметная область» (А – тема / содержание; В – форма выражения) [397, с. 386–388], ср.:

нем. *Schiffskunde* ‘наука о корабле’ → *Kunde* (В) *über die Schiffe* (А); *Werftindustrie* f ‘судостроительная промышленность’ → *Industrie* (В), *die sich mit Bauen und Reparieren von Wasserfahrzeugen / Werften* (А) *beschäftigt*.

3.2.14 Посессивные СТК

В посессивных СТК непосредственные конституенты строятся на предикации обобщенного типа: ‘А является владельцем В (предмет / объект обладания)’. Сюда вошли только два немецких СТК:

нем. *Staatswerft* ‘государственная верфь’ → *Werft* (В), *die dem Staat* (А) *gehört*; *Werfteinrichtungen* ‘оборудование верфи’ → *Einrichtungen* (В), *die dem Werft* (А) *gehören*.

3.2.15 Конституциональные СТК

В основе конституциональных СТК лежит предикация ‘[А] формирует [В]’, непосредственно составляющие компоненты (А и В) которой находятся в отношениях ‘А является составной частью (элементом) собирательной величины В’ [397, с. 248]. Конституент А обозначает неопределенную совокупность однородных предметов В. Данный семантический тип является малопродуктивным (нем. – 5 ед., рус. и укр. – по 1 СТК в каждом языке) и не отмечен в английской ТК:

нем. *die Schiffgruppe* ‘класс судов’ → *Gruppe* (В) *von Schiffen* (А) / *Gruppe, die sich aus Schiffen zusammensetzt*; *Raumgruppe* f ‘группа помещений’ → *die Gruppe* (В) *von Räumen* (А), аналогично: *Stapelreihe* ‘киль-блоки’; *Werkstoffgruppe* ‘категория материала’; рус. *серия* (В) *судов* (А), аналогично: укр. *серія* (В) *суден* (А).

3.2.16 Темпоральные СТК

Для конституентов А и В темпоральных СТК характерно семантическое отношение ‘А – время использования предмета В’. Данные СТК обнаружены лишь в германских языках (англ. – 3; нем. – 2). Базовый компонент (В) темпоральных СТК обозначает аффицируемый объект, а зависимый (А) – время использования этого объекта. Парафразы содержат обычно предикаты со значением ‘использоваться/быть рассчитанным (пригодным)’, которые употребляются чаще с предлогами в темпоральном значении: *during* (англ.), *in / für* (нем), ср.:

нем. *Sommerdeck* 'летняя (открытая) палуба' → *Deck* (B), *das im Sommer* (A) *verwendet wird*; *Tagestank* 'дополнительная [суточная] цистерна' → *Tank* (B), *der für einen Tag* (A) *bestimmt ist*;

англ. *day room* 'салон (на пассажирском судне)' → *a room* (B), *which is used during the day* (A); аналогично: *summer tank* 'летняя цистерна (на танкере)'; *summer waterline* 'летняя грузовая ватерлиния'.

3.2.17 Семантические типы СТК с зависимым адъективным компонентом

В большинстве сопоставляемых языков (за исключением, немецкого) СТК-компози́ты и СТК-слово́соче́тания с зависимым адъективным компонентом являются многочисленными (англ. – 240 ед., рус. – 128 ед., укр. – 166 ед., нем. – 68 ед.). Взаимосвязь компонентов в СТК данного типа реализуется посредством нулевой и прямой связи [397, с. 669].

3.2.17.1 В СТК с «нулевой» связью компонентов непосредственно составляющие примыкают друг к другу без формального выражения своих отношений [397, с. 669], ср.:

нем. *Gesamtbreite* 'суммарная ширина' → *die gesamte Breite*; англ. *bare hull* 'голый корпус'; рус. *масса удельная*; укр. *конструкція ідеалізована*.

Типичной парафразой для лексических единиц данного типа служат эквивалентные синтагмы с адъективным зависимым прилагательным и субстантивным ядром: 'А является приблизительно как / видимо / прежде всего / ничто иное, как В' [397, с. 693].

В исследуемых ТК выявлены, в частности, СТК "чисто-модификативного" типа, в которых адъективный компонент используется в качестве модификатора и ограничителя [397, с. 698]. По мнению Л. Ортнер, детерминатив (= зависимый компонент А) не может рассматриваться как эксплицитно выраженное в парафразе определение, которое сообщает что-то о референте основного компонента [397, с. 698]. Отличительной чертой СТК данного вида является использование в их парафразах синтагмы «адъективное определение + существительное» типа нем. *Gesamtverdrängung* 'полное водоизмещение' →

gesamte Verdrängung, в то время как для других семантических типов (см. ниже п. 3.2.17.2) типичной является парафраза с придаточным определительным предложением. Анализируемый тип СТК-композитов и СТК-словосочетаний является малопродуктивным в сопоставляемых языках (нем. – 46 ед., англ. – 36 ед., рус. – 13 ед., укр. – 32 ед.). Добавим, что в славянских языках и в английском «чисто-модификативные» термины представлены лишь СТК, построенными по модели атрибутивного словосочетания, а в немецкой ТК к «чисто-модификативному» типу относятся как СТК-композиты (24 ед.), так и СТК-словосочетания (22 ед.).

По наблюдениям немецких лингвистов, зависимый компонент (А) в «чисто-модификативных» композитах и словосочетаниях выступает в качестве слова-ориентира, устанавливая связь с категориями, первоначально служившими для выделения внутреннего признака объекта или для определения объекта, выраженного главным компонентом [368, с. 118; 397, с. 701]. Иными словами, зависимый компонент выделяет предмет или величину из класса предметов:

нем. *doppelte* (А) *Außenhaut* (В) ‘двойная наружная обшивка’; *einfache* (А) *Bordwand* (В) ‘одинарный борт’; *volles* (А) *Schiff* (В) ‘судно с полными обводами’; *Doppelboden* ‘двойное дно’ → *doppelter* (А) *Boden* (В); *Doppeldichtung* f ‘двойное уплотнение’ → *doppelte* (А) *Dichtung* (В);

англ. *bare* (А) *hull* (В) ‘голый корпус’, *gastight* (А) *door* (В) ‘газонепроницаемая дверь или крышка’, *blunt* (А) *form* (В) ‘тупые [плохообтекаемые] обводы корпуса’;

рус. *строительство* (В) *капитальное* (А), *генеральный* (А) *план* (В), *иллюминатор* (В) *глухой* (А), *голый* (А) *корпус* (В);

укр. *швидкість* (В) *відносна* (А), *валова* (А) *місткість* (В), *гранична* (А) *осадка* (В), *математична* (А) *модель* (В).

3.2.17.2 К «чисто модификативному» типу приближаются *аскриптивные* СТК, которые, однако, характеризуются «непосредственным (прямым) отношением» [397, с. 718]. В СТК этого типа детерминатив (А) обозначает свойства предмета или явления, называемого базовым компонентом (В). Существенным отличием аскриптивных СТК от выше рассмотренного типа

с «нулевой связью» является наличие в их базовых парафразах предикатива с копулятивной связью 'быть'. Семантические отношения между компонентами аскриптивных СТК можно представить так: «Признак (А) – носитель признака (В)». Рассматриваемый тип СТК является более продуктивным в английском языке (204 ед.) и в славянских языках (рус. – 115 ед., укр. – 134 ед.) и мало продуктивным в немецком языке (22 ед.), ср.:

нем. *Glattdack* 'гладкая [сплошная] палуба (без вырезов)' → *Deck* (В), *das glatt* (А) *ist/glattes Deck*; аналогично: *Kurzbalken* 'полубимс'; *Rundhaus* 'рубка', *Typschiff* 'судно-прототип';

англ. *flush deck* 'гладкая палуба (без полубака и полуюта)' → *a deck* (В), *which is flush* (А); аналогично: *main engine* 'главный двигатель'; *long hold* 'длинный трюм (на рудовозе)'; *fine lines* 'острые обводы';

рус. *котел главный* → *котел* (В), который является *главным* (А), аналогично: *переборка легкая*; *судно новое*; *рама простая*;

укр. *устаткування стандартне* → *устакування* (В), яке є *стандартним* (А), аналогично: *ватерлінія випукла*; *конструкція полегшена*; *опора вільна*.

Выводы к главе 3

Исследование семантики СТК в английском, немецком, русском и украинском языках позволяет сделать следующие выводы.

1. В семантической организации СТК сопоставляемых языков обнаруживаются сходные и отличительные свойства.

2. *Сходство* заключается в том, что ТК во всех языках включает как *собственно термины кораблестроения*, так и *термины из смежных отраслей знания* (машиностроения, приборостроение, инженерия, проектирование, химия и др.).

2.1. В тематическом отношении СТК во всех языках распадаются на 12 тематических групп, некоторые из которых обнаруживают сходство в своей продуктивности, в частности СТК, обозначающие: а) предметы и понятия корпуса

судна (во всех языках); б) предметы и процессы, связанные с испытанием судна (в английском, русском и украинском); в) процессы кораблестроения, типы и виды судов, технические средства судна (в русском и украинском).

2.2. Черты сходства объясняются, с одной стороны, тем, что терминология кораблестроения представляет собой четкую, стандартизированную и строго упорядоченную систему, включающую ряд единых специальных понятий, без которых невозможно осуществление судостроительной деятельности. Кроме того, сходные черты вызываются универсальностью человеческого мышления, в частности в процессах вторичной номинации ТК (метафоризация и метонимизация). С другой стороны, изоморфные свойства в сопоставляемых ТК обуславливаются степенью родства языков (в большей мере, русского и украинского, в меньшей мере, немецкого и английского), а также действием ареальных факторов (контактированием языков), что особенно наглядно проявляется в процессах активного заимствования, в особенности в ТК славянских языков.

3. *Отличительные черты* в семантической организации СТК сопоставляемых языков проявляются в различной степени продуктивности большинства тематических групп и подгрупп, в их неодинаковом лексическом наполнении и в различном распределении формальных типов (моделей), участвующих в реализации СТК одной и той же тематической группы и/или семантического типа. Эти и другие расхождения обуславливаются действием в сопоставляемых языках различных факторов языкового и внеязыкового характера (особенности грамматического строя и словообразования; уровень развития кораблестроения; влияние заимствований и др.).

4. Семантические связи между компонентами сложносоставных СТК (композигов, словосочетаний) носят системный (регулярный) характер, которые можно описать по правилам трансформации.

5. Базовый (В) и зависимый (А) компоненты СТК-композигов и СТК-словосочетаний сопоставляемых языков в целом образуют 17 семантических типов, которые реализуются с разной степенью продуктивности (в немецком – 17,

в русском – 15, в английском и украинском – по 14).

6. Наиболее продуктивным семантическим типом во всех ТК является *акциональный тип*, характеризующийся наличием в их парафразах предикации «делать/совершать действие». Высокая продуктивность данного смыслового типа объясняется, в частности: а) наличием большого набора подтипов (11); б) большим репертуаром семантических ролей, которые выполняет зависимый компонент А в их семантической структуре (аффицированный объект, эффицированный объект (продукт), действие); в) широким лексико-семантическим наполнением базового и зависимого компонентов.

7. Высокую продуктивность в сопоставляемых языках проявляют *партитивные* СТК и *орнативные* СТК (см. Приложение Б, табл. 11). В данных семантических типах непосредственные составляющие СТК проявляют часто сходные семантические связи и строятся на родо-видовых (или гиперогипонимичных) отношениях, отражающих конструктивные элементы судна.

8. *Локативные* СТК являются более продуктивными в германских языках по сравнению со славянскими языками (нем. – 13,6% или 264 ед.; англ. – 10,6% или 227 ед.; рус. – 5,9% или 86 ед.; укр. – 7% или 101 ед.) (см. Приложение Б, табл. 6). Данные расхождения в продуктивности объясняются, в частности, категориальными и словообразовательными свойствами зависимого компонента (А), который в германских языках выражается обычно различными частями речи (чаще существительными, реже прилагательными и наречиями) и разными структурными типами производных (корневые, суффиксальные, сложные слова), а в славянских – прилагательными (корневыми или суффиксальными словами).

9. *Модальный* семантический тип реализуется в сопоставляемых языках в целом в пяти подтипах и охватывает приблизительно одинаковое количество СТК (см. Приложение В, табл. 7). Во всех языках (кроме, украинского) отмечено по четыре подтипа, которые в целом проявляют различную продуктивность. Вместе с тем, в английской и украинской ТК самым многочисленным является подтип «А является способом расположения В», а в ТК русского и немецкого языков подтип «А номинирует способ / метод действия В». В германских и славянских языках

модальный семантический тип выражается преимущественно СТК-композидами и СТК-словосочетаниями с адъективным зависимым компонентом (А).

10. *Инструментальные* СТК в славянских языках почти в 5 раз преобладают, по сравнению, с германскими (см. Приложение В, табл. 9). Во всех языках (кроме английского) представлены два подтипа инструментальных СТК. Преобладающим подтипом во всех языках являются инструментальные СТК «А – инструмент, при помощи которого воздействуют на объект (В)». Инструментальные СТК пересекаются с партитивными и орнативными образованиями, так как зависимый компонент (инструмент / средство) имплицитно содержит указание на производителя действия (агенса / агента).

11. Невысокую продуктивность в германских и славянских языках обнаруживают кондициональные, субстанциональные, агентивные, компаративные и референциальные типы СТК, продуктивность которых не превышает 3,2% (см. Приложение В, табл. 11).

12. Низкую продуктивность обнаруживают посессивные, конституциональные и темпоральные СТК, отмеченные лишь в отдельных языках и представленные единичными образованиями (см. Приложение В, табл. 11).

13. СТК-композиды и СТК-словосочетания с адъективным зависимым компонентом распадаются в сопоставляемых языках на два подтипа – аскриптивные и модификативные. В славянских языках и в английском более многочисленными являются аскриптивные СТК, напротив, в немецком – модификативные СТК (см. Приложение В, табл. 11).

14. Выявленные семантические СТК типы реализуются в сопоставляемых языках определенным набором структурных типов. Для немецкого языка, в котором наблюдается бóльшая, по сравнению с другими сопоставляемыми языками, тенденция к словосложению, семантические типы представлены преимущественно композидами (83,8%). Напротив, в английской и славянских ТК смысловые типы СТК актуализируются чаще двукомпонентными словосочетаниями (англ. – 85,1%; рус. – 78,9%; укр. – 78%). При этом в английской ТК наиболее продуктивным структурным типом являются

бисубстантивные СТК-словосочетания, а в славянских языках – двухкомпонентное СТК-словосочетания с адъективным зависимым компонентом.

15. Существуют семантические типы и подтипы СТК, которые преимущественно выражаются определенными структурными типами.

15.1. Акциональные СТК, в которых зависимый компонент А выражает «действие», а базовый компонент В номинирует объект / средство / агент / способ, реализуются в немецком языке преимущественно двухкомпонентными композитами, а в английском – словосочетаниями.

15.2. Локативные и модальные СТК в английском и немецком языках представлены главным образом композитами и словосочетаниями с адвербиальным зависимым компонентом.

15.3. «Чисто-модификативный» и аскриптивный типы реализуются исключительно двухкомпонентными словосочетаниями с адъективным зависимым компонентом в английском и славянских языках и композитами с адъективным зависимым компонентом в немецком языке.

15.4. Комбинированные подтипы СТК (акционально-орнативные, акционально-инструментальные, акционально-фигуративные, партитивно-фигуративные, орнативно-модальные, модификативные, орнативно-локальные, инструментально-орнативные) в английском и славянском языках выражаются обычно трех- и четырехкомпонентными словосочетаниями.

16. Анализ лексико-семантических связей компонентов в структуре СТК выявил следующие, наиболее частые случаи пересечения семантических типов и подтипов:

16.1. Акциональный тип – с орнативным, локативным и инструментальным типами;

16.2. Инструментальный тип – с партитивным, орнативным типами;

16.3. Компаративный тип – с эквативным и фигуративным типами.

16.4. Данные и другие случаи смысловой близости семантических типов и/или подтипов СТК обуславливаются рядом факторов, в частности: сложностью и неоднозначностью логических отношений (связей) между базовым и зависимым

компонентами; различным лексическим наполнением зависимого компонента (А) в их структуре; варьированием их трансформаций (парафраз).

17. Наличие формальных и семантических особенностей СТК в германских и славянских языках позволяет сформулировать ряд вероятностных межъязыковых обобщений имплицативного характера для ТК:

17.1. Если в ТК есть СТК-компози́ты и СТК-словосочетания, то один из их компонентов является базовым (главным), а другой зависимым;

17.2. Если в ТК есть СТК-компози́ты и СТК-словосочетания, то между их базовым и зависимым компонентами, с большой долей вероятности, будут существовать семантические отношения акционального, партитивного, орнативного, локативного, модального, инструментального, агентивного, субстанционального, кондиционального типов;

17.3. Если в ТК есть СТК-компо́зит или СТК-словосочетание с зависимым компонентом, выраженным глагольной основой, то велика вероятность того, что зависимый компонент (А) будет выражать действие, а данный СТК будет акциональным типом;

17.4. Если в ТК имеются партитивные СТК, то с большой долей вероятности в ней будут существовать и орнативные СТК (что обусловлено вариациями семантических ролей у их компонентов: зависимого компонента А (целое / часть целого или носитель признака / признак) и базового компонента В (целое / часть целого или носитель признака / признак);

17.5. Если в ТК есть СТК-компози́ты и СТК-словосочетания с адъективным зависимым компонентом, то с большой долей вероятности можно прогнозировать наличие в ней СТК «чисто модификативного» и/или аскриптивного типов;

17.6. Если в ТК есть многокомпонентные СТК-словосочетания, то велика вероятность наличия среди них комбинированных семантических типов;

17.7. Если СТК-компо́зит или СТК-словосочетание допускают двоякую трансформацию, то возможно их отнесение к нескольким (обычно двум) семантическим типам.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [37; 38; 39; 49; 42].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Терминология кораблестроения (ТК) как наиболее значимый и информативный пласт лексической системы литературного языка является сложной иерархичной, неоднородной, открытой и динамично развивающейся структурой.

2. Как неотъемлемая часть общей языковой системы, ТК подчиняется в целом законам, свойственным общелитературному языку. Вместе с тем данная терминосистема обладает рядом специфических признаков, отражающих различные пути становления, развития, особенности исторических процессов, происходящих в соответствующих странах, а также глобализационные процессы во всех сферах общественной жизни, углубляющие международное сотрудничество, что закономерным образом влияют на терминологию судостроения. В терминологическую систему кораблестроения каждого языка входят, таким образом, лексические единицы, номинирующие понятия, объекты, явления, технологические процессы и виды деятельности, которые выполняются на различных этапах строительства, ремонта и эксплуатации судов. Данные лексические единицы распадаются в макросистеме кораблестроения на четыре более узкие микросистемы: устройство судна, характеристика судна, проектирование судна, назначение судна.

3. Терминология кораблестроения является сложной стандартизированной системой, в которую помимо собственно терминов кораблестроения входят также термины смежных наук (математики, физики, химии и др.).

4. Терминология кораблестроения сопоставляемых языков характеризуются неодинаковым уровнем своего развития. Более развитая английская ТК характеризуется наибольшим количеством СТК и бóльшим количеством однокоренных терминов, появившихся в результате специализации слов общеупотребительного языка. ТК славянских языков, ощутили на себе наибольшее влияние других языков, в особенности английского и голландского языков.

5. Гетерогенность ТК заключается в разноструктурности ее составных элементов. В немецких ТК проявляется общая тенденция языка к образованию

терминов путем словосложения. Напротив, в английском и славянских языках преобладают многокомпонентные термины, отражающие, с одной стороны, аналитические черты языка, а с другой стороны, общую тенденцию терминологии к детальному, дифференцированному и точному выражению специальных понятий.

6. Заметную роль в ТК сопоставляемых языков играют заимствования, многие из которых являются буквальными (точными кальками), возникшие путем транслитерации или транскрипции английских, голландских, латинских, французских слов.

7. Для современного этапа развития ТК характерно широкое распространение синтаксического способа терминообразования. В английском и славянских языках данный способ занимает первое место по продуктивности, а в немецкой ТК высокую степень продуктивности обнаруживает словосложение. Английская ТК проявляет, по сравнению с ТК других языков, большее разнообразие структурных типов СТК-словосочетаний, так как в роли детерминатива в английских СТК-словосочетаниях выступают почти все части речи: существительные, прилагательные, глаголы, наречия, имена собственные. Напротив, в славянских языках – прилагательные, существительные, наречия, а в немецком языке – только существительные и прилагательные. К отличительным свойствам ТК в славянских языках относится преимущественное расположение детерминатива в постпозиции к определяемому слову, а в германских языках, напротив – в препозиции.

8. Отличительным признаком ТК в английском и славянских языках является частое использование многокомпонентных аналитических терминов для реализации референциальной функции. Многокомпонентные СТК-словосочетания могут иметь в своей структуре до пяти компонентов, однако наиболее продуктивными являются трех- и четырехкомпонентные словосочетания. Наличие громоздких, описательных многокомпонентных конструкции в ТК сопоставляемых языков объективно обусловлено сложным характером терминологических референтов.

8.1. Многокомпонентные СТК-словосочетания реализуются в целом

28 структурными типами с разной степенью продуктивности в каждом языке.

8.2. Трехкомпонентные словосочетания в английском и в славянских языках образуются чаще путем расширения бисубстантивных и атрибутивно-субстантивных моделей (N+N+N, N+A+N, A+N+N, A+A+N, N+A+A, N+N+A).

8.3. Четырехкомпонентные СТК-словосочетания более продуктивны в славянских и английском (англ. – 64 ед., рус. – 65 ед., укр. – 49 ед.), чем в немецком (2 ед.). В целом четырехкомпонентные СТК-словосочетания реализуются в сопоставляемых языках 13 структурными типами.

8.4. Пятикомпонентные СТК-словосочетания обнаружены лишь в английском и славянских языках и представлены единичными примерами.

9. Наиболее продуктивно в немецком языке СТК образуются путем словосложения (1853 ед.). Им заметно уступают СТК-компози́ты других языков (англ. – 131 ед., рус. – 109 ед., укр. – 66 ед.).

9.1. В немецкой ТК отмечены двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестикомпонентные детерминативные композиты с преобладанием существительного в позиции детерминатива. В английской, русской и украинской ТК выявлены только двухкомпонентные СТК-компози́ты. Во всех сопоставляемых языках бисубстантивная модель является наиболее продуктивной.

9.2. В немецкой и английской ТК преобладают полносложные детерминативные композиты, напротив, в русском и украинском языках доминируют неполносложные композиты с сочинительной связью.

10. Высокую активность в образовании СТК во всех сопоставляемых языках занимает семантическая деривация (метафоризация, метонимизация) (II-е место в каждом языке).

11. Продуктивным способом образования СТК является аффиксальный (германские языки – III-е место, славянские – IV-е место). Наибольшее количество СТК образуется путем суффиксации, реже – посредством префиксального и суффиксально-префиксального способов.

12. СТК, образованные путем аббревиации, обладают в сопоставляемых языках низкой продуктивностью (до 2% в общем объеме СТК каждого языка).

СТК-аббревиатуры в германских языках представлены тремя типами (составные, сложносоставные и инициальные), а славянские – двумя (кроме, составных). Наиболее распространенным типом аббревиатур в немецкой и славянских ТК является сложносоставные сокращения с редуцированной начальной частью производящего слова и словосочетания, а в английской ТК – инициальные аббревиатуры.

13. Низкую продуктивность в ТК сопоставляемых языков обнаруживают сращения (около 20 ед. в каждом языке) и имплицитная деривация, отмеченная в славянских и в немецком языках.

14. Только в германских языках обнаружены СТК, образованные путем конверсии, при этом в английской ТК конверсия происходит путем перехода глаголов, прилагательных и наречий в разряд существительных, а в немецкой ТК она ограничивается лишь глаголами.

15. В тематическом отношении СТК во всех языках распадаются на 12 групп, некоторые из которых обнаруживают сходство в своей продуктивности, в частности СТК, обозначающие: а) предметы и понятия корпуса судна (во всех языках); б) предметы и процессы, связанные с испытанием судна (в английском, русском и украинском); в) процессы кораблестроения, типы и виды судов, технические средства судна (в русском и украинском).

16. Анализ лексико-семантических связей между базовым и зависимым компонентами СТК-композиций и СТК-словосочетаний позволил выявить 17 семантических типов (нем. – 17; англ. – 14; рус. – 15; укр. – 15) и 37 семантических подтипов (нем. – 33; англ. – 29; рус. – 32; укр. – 31) и установить степень их продуктивности.

16.1. Самым продуктивным семантическим типом во всех ТК является акциональный, характеризующийся наличием в их парафразах предикации «делать / совершать действие». Высокая продуктивность данного типа объясняется, в частности: а) наличием большого набора подтипов (11); б) разнообразием семантических ролей, в которых выступает зависимый компонент (аффицированный объект, эффицированный объект (продукт),

действие); в) широким лексико-семантическим наполнением базового и зависимого компонентов.

16.2. Высокую продуктивность в сопоставляемых языках проявляют *партитивные* и *орнативные* СТК, компоненты которых обнаруживают сходные семантические связи и строятся на родо-видовых (гиперо-гипонимичных) отношениях.

16.3. *Локативные* СТК являются более продуктивными в германских языках по сравнению со славянскими (нем. – 13,6%; англ. – 10,6%; рус. – 5,9%; укр. – 7%). Данные расхождения в продуктивности объясняются, в частности, категориальными и словообразовательными свойствами зависимого компонента (А), который в германских языках выражается обычно различными частями речи (чаще существительными, реже прилагательными и наречиями) и разными структурными типами производных (корневые, суффиксальные, сложные слова), а в славянских – прилагательными (корневыми или суффиксальными словами).

16.4. Многие СТК обнаруживает связь с несколькими семантическими типами. Наибольшее количество семантических пересечений наблюдается у акциональных (с орнативным, инструментальным и локативным), инструментальных (с партитивным, орнативным, акциональным) и компаративных (с эквативным и фигуративным) типов. Данные и другие случаи близости семантических типов и/или подтипов СТК обуславливаются рядом факторов, в частности: сложностью и неоднозначностью логических отношений (связей) между базовым и зависимым компонентами; различным лексическим наполнением зависимого компонента (А) в их структуре; варьированием их трансформаций (парафраз).

17. Существуют семантические типы и подтипы СТК, которые выражаются в том или ином языке преимущественно определенными структурными типами.

17.1. Немецкие акциональные СТК, в которых зависимый компонент А выражает «действие», а базовый компонент В номинирует объект / средство / агенс / способ, реализуются обычно двухкомпонентными композитами, а в английском – словосочетаниями.

17.2. Локативные и модальные СТК в английском и немецком языках представлены, главным образом, композитами и словосочетаниями с адвербиальным зависимым компонентом.

17.3. «Чисто-модификативный» и аскриптивный типы реализуются в английском и славянских языках исключительно двухкомпонентными словосочетаниями с адъективным зависимым компонентом, а в немецком языке — композитами с адъективным зависимым компонентом.

18. Наличие формальных и семантических особенностей СТК в германских и славянских языках позволяет сформулировать ряд вероятностных межъязыковых обобщений имплицативного характера.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. Сокращения и обозначение терминов

- ЛСГ – лексико-семантическая группа
НС – непосредственно составляющая
СТК – субстантивный термины кораблестроения
ТК – термин/терминология кораблестроения
ФТ – формула толкования
ЯСЦ – язык для специальных целей
Adj – прилагательное
Adv – наречие
В – базовый (стержневой, основной, определяемый компонент)
N – существительное
Num – числительное
О.Е. – древне-английский
Part I – причастие первое
pl – множественное число
PN – имя собственное
Преп – предлог
SW – сокращение
V – глагол

2. Сокращения названий языков

- англ. – английский язык
голл. – голландский язык
греч. – греческий язык
ирланд. – ирландский язык
испан. – испанский язык
лат. – латинский язык
нем. – немецкий язык
норв. – норвежский язык

польск. – польский язык

порт. – португальский язык

рус. – русский язык

укр. – украинский язык

фр. – французский язык

3. Символы

* – неграмматичность (неправильность) лингвистического знака, конструкции и т. д.

| – знак, служащий для выделения словообразовательных формантов (в аффиксальных образованиях) и компонентов композитных образований

← / → –направление производности

≠ – отсутствие синонимии

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Авербух, К. Я. Проблема вариантности терминологии и неполные термины [Текст] / К. Я. Авербух // Лексика. Терминология. Стили. – Горький, 1977. – № 6. – С. 5 – 9.
2. Авербух, К. Я. Общая теория термина [Текст] / К. Я. Авербух. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2004. – 252 с.
3. Азарова, Л.Є. Складні слова в українській мові: структура, семантика, концепція "золотої" пропорції [Текст] / Л. Є. Азарова – Вінниця: УНІВЕРСУМ-Вінниця, 2000. – 222 с.
4. Акуленко, В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка [Текст] / В. В. Акуленко. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1972. – 216 с.
5. Александровская, Л. В. Семантика термина как члена общелитературной лексики (на материале английской морской терминологии) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. В. Александровская. – М., 1973. – 231 с.
6. Алексеева, Л. М. Проблемы термина и терминообразования [Текст] / Л. М. Алексеева – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1998. – 120 с.
7. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
8. Алимуратов, О. А. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий) [Текст] / О. А. Алимуратов, М. Н. Лату, А. В. Раздубов. – Пятигорск, 2012. – 128 с.
9. Андреев, В. С. Языковая модель развития индивидуального стиля (на материале стихотворных текстов американских поэтов-романтиков) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / В. С. Андреев. – Смоленск, 2012. – 42 с.
10. Антипов, Н. Н. Основные проблемы терминообразования в современной лингвистики [Текст] / Н. Н. Антипов // Актуальные проблемы теории языка и межкультурной коммуникации. К юбилею Г. Т. Хухуни. – М., 2011. – С. 40–45.
11. Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка [Текст]: учеб. пособие для студ. / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. – 5-е изд.,

стереотип. – М.: Дрофа, 2001. – 288 с.

12. Апресян, Ю. Д. Избранные труды [Текст] / Ю. Д. Апресян. – 2-изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. I. Лексическая семантика (синонимические средства языка). – 464 с.

13. Апресян, Ю. Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании / [Текст] / Ю. Д. Апресян // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – С. 302–306.

14. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков [Текст]: учеб. пособ. для студ. пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» / В. Д. Аракин. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1989. – 256 с.

15. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка [Текст] / И. В. Арнольд. – М.: Наука, 1990. – 342 с.

16. Арнольд, И. В. Комбинирующиеся формы и полуаффиксы английского языка [Текст] / И. В. Арнольд // Морфемология и морфемография. – Владивосток, 1993. – С. 3–11.

17. Арнольд, И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования: На материале имени существительного [Текст] / И. В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1966. – 192 с.

18. Арутюнян, В. Н. О необходимости выделения нового способа словообразования [Текст] / В. Н. Арутюнян // Русский язык за рубежом. – 2007. – № 5. – С. 15–17.

19. Арутюнов, А. Р. Лексические и семантические классы глаголов в немецком языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04 / А. Р. Арутюнов. – М., 1966. – 22 с.

20. Бабаева, Г. И. Простые и сложные субстантивные словосочетания в азербайджанском и русском языках [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Г. И. Бабаева. – Махачкала, 2016. – 176 с.

21. Багиян, А. Ю. Детерминологизация английской технической терминологии в научно-популярном дискурсе [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. Ю. Багиян. – Пятигорск, 2014. – 173 с.

22. Банщикова, А. П. К вопросу об основных этапах влияния английского языка на немецкий язык [Текст] / А. П. Банщикова // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 2 (45). – С.182–183.

23. Бархударов, Л. С. Грамматика английского языка [Текст] / Л. С. Бархударов, Д. А. Штелинг. – М.: Высшая школа, 1965. – 425 с.

24. Баскаков, Н. А. Введение в изучение тюркских языков [Текст] / Н. А. Баскаков. – М.: Высш.шк., 1969. – 383 с.

25. Басыров, Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.17 / Ш.Р. Басыров. – Киев. 2006. – 34 с.

26. Басыров, Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении [Текст]: монография / Ш. Р. Басыров. – Донецк: Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2014. – 562 с.

27. Басыров, Ш. Р. Номинация транспортных средств в немецком, английском и украинском разговорном языках [Текст] / Ш. Р. Басыров // Филологические чтения: Материалы Международной научно-практической конференции. – Оренбург, 2013. – С. 22–25.

28. Белодед, И. К. Интернациональные элементы в лексике и терминологии [Текст] / И. К. Белодед. – Харьков: Вища школа, 1980. – 208 с.

29. Белявская, Е. Г. Когнитивные основания изучения семантики слова [Текст] / Е. Г. Белявская // Структуры представления знаний в языке. М.: ИНИОН Рос. АН, 1994. – С. 87–110.

30. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист – М.: Прогресс, 1974. – 448 с

31. Березин, Ф. М. Общее языкознание [Текст] /Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.

32. Беспам'ятна, Л. В. Порівняльна характеристика способів утворення термінів кораблебудування в німецькій та англійській мовах [Текст] / Л. В. Беспам'ятна // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: науч. журнал* / отв. ред. В. Д. Каліущенко. – Донецьк: ДонНУ, 2011. –

Т. 8. – № 3 (24). – С. 27–42.

33. Беспам'ятна, Л. В. Структурно-семантична характеристика субстантивних термінів кораблебудування в німецькій, англійській, українській та російській мовах [Текст] / Л. В. Беспам'ятна // Вісник Дніпропетровського університету: Мовознавство. – Дніпропетровськ: Дніпропетровський національний університет, 2013. – Т. 19. – № 3. – С. 9–15.

34. Беспам'ятна, Л. В. Семантична та структурна організація терміносистеми кораблебудування в німецькій, англійській та українській мовах [Текст] / Л. В. Беспам'ятна // Проблеми зіставної семантики: зб. наук. ст. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2013. – Вип. 11. – С. 177–182.

35. Беспам'ятна, Л. В. Запозичені терміни кораблебудування в германських і слов'янських мовах [Текст] / Л. В. Беспам'ятна // Наукові записки. Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. – Вип. 129. – С. 453–458.

36. Беспам'ятная, Л. В. Типы аббревиатур в терминосистемах кораблестроения в немецком, английском, русском и украинском языках [Текст] / Л. В. Беспам'ятная // Известия Южного федерального университета. Филологические науки: сб. науч. ст. – Ростов-на-Дону, 2015. – № 2. – С. 48–56.

37. Беспам'ятная, Л. В. Семантика субстантивных терминов кораблестроения в английском, немецком, русском и украинском языках [Текст] / Л. В. Беспам'ятная // Инновационные технологии и креативность в исследовании и преподавании языков и культур: Международ. научно-практич. конф., 27–28 апр. 2016 г.: материалы. – Пятигорск: ПГЛУ, 2016 – С. 38–45.

38. Беспам'ятная, Л. В. Семантические типы терминов кораблестроения в германских и славянских языках (на материале композитов) [Текст] / Л. В. Беспам'ятная // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: науч. журнал / отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2016. – Т. 12. – Вып. 2. – С. 36–46.

39. Беспам'ятная, Л. В. Вероятностные универсалии в сфере терминов кораблестроения [Текст] / Л. В. Беспам'ятная // Человек в информационном пространстве: сб. науч. Тр. / под. общ. ред. Т. П. Курановой. – Ярославль: РИО

ЯГПУ, 2016. – С. 30–38

40. Беспмятная, Л.В. Смысловая близость семантических типов и субтипов СТК в немецком, английском, русском и украинском языках [Текст] / Л. В. Беспмятная // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Международная науч. конф. студентов и молодых ученых, 17-20 окт. 2017 г.: материалы. – Донецк: Изд-во ДонНУ 2017. – Т. 4: Филологические науки. – Ч. 1: Иностранная филология. – С. 12–14.

41. Беспмятная, Л. В. Сопоставительный анализ заимствованных терминов кораблестроения в английском, немецком, русском и украинском языках [Текст] / Л. В. Беспмятная // Язык и культура в условиях глобализации: сб. материалов II Международной научно-практ. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2018. – С. 106–116.

42. Беспмятная, Л. В. Продуктивность семантических типов в терминологии кораблестроения в разноструктурных языках [Текст] / Л. В. Беспмятная // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике / гл. ред. М. В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2015. – Вып. 6. – С. 26–29

43. Білецька, О. В. Інновації в оформленні трикомполітів у сучасній німецькій мові [Текст] / О. В. Білецька // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання.* – 2010. – Т. 7 – № 1 (19). – С. 5–16.

44. Білецька, О. В. Семантика трикомполітів на позначення особи у середньовісній німецькій мові [Текст] / О. В. Білецька // *Компаративістика і типологія в сучасній лінгвістичній науці: здобутки і проблеми: матеріали семінару.* – Донецьк, 2011. – С. 15–17.

45. Білецька, О. В. Іменникові трикомполіти в середньовісній німецькій мові [Текст]: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / О. В. Білецька. – Донецьк, 2012. – 218 с.

46. Блумфілд, Л. Язык [Текст] / Л. Блумфілд – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.

47. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные работы по общему языкознанию [Текст]: в 2-х т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ; сост. В. П. Григорьев, А. А. Леонтьев;

отв. ред. С. Г. Бархударов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.; Т. 2. – 392 с.

48. Бодуэн де Куртэне, И.А. О смешанном характере всех языков [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртэне // Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во акад. Наук СССР, 1963. – Т. 2. – С. 342 – 347.

49. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность [Текст] / А. В. Бондарко. – СПб., 1996. – 229 с.

50. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия: военные и научно-технические сокращения в иностранных языках [Текст] / В. В. Борисов. – Москва: Воениздат, 1972. – 320 с.

51. Бородина, М. А. К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка) [Текст] / М. А. Бородина, В. Г. Гак. – Л.: Наука, 1979. – 232 с.

52. Борхвальдт, О. В. Историческое терминоведение русского языка [Текст] / О. В. Борхвальдт. – Красноярск, 2000. – 199 с.

53. Будагов, Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования (Романские языки) [Текст] / Р. А. Будагов. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1963. – 302 с.

54. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке [Текст] / Р. А. Будагов. – М.: Просвещение, 1965. – 492 с.

55. Будагов, Р. А. Терминология и семиотика [Текст] / Р. А. Будагов // Человек и его язык. – 20-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – С. 245–252.

56. Буянов, А. П. К вопросу о полусуффиксах существительных в современном немецком языке [Текст] / А. П. Буянов // Проблемы теории и методики преподавания иностранных языков и литературоведения. – Алма-Ата, 1978. – С. 151–164.

57. Буянов, А. П. Полуаффиксы как проблема переходных категорий в словообразовании (на материале немецкого языка) [Текст] / А. П. Буянов // Словообразование и проблемы номинации в германских языках. – Горький, 1985. – С. 16–21.

58. Валиева, Д. М. Система связочных глаголов (на материале немецкого языка)

[Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Д. М. Валиева. – Пермь, 2005. – 154 с.

59. Василевская, Е. А. О русском словосложении (Словосочетание, словосложение и аффиксация) [Текст] / Е. А. Василевская – М.: Учпедгиз, 1968. – 35 с.

60. Вашунин, В. С. Субстантивные сложные слова в немецком языке [Текст] / В.С. Вашунин. – М.: Высшая школа, 1990. – 158 с.

61. Величко, О. В. Англо-французские заимствования в русской медицинской терминологии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. В. Величко. – Астрахань, 2010. – 21 с.

62. Виноградов, В. В. Вступительное слово [Текст] / В. В. Виноградов // Вопросы терминологии. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1961. – С. 3–10.

63. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

64. Виноградов, С. Н. Термин как средство и объект описания (на материале русской лингвистической терминологии) [Текст] / С. Н. Виноградов. – Нижний Новгород: ННГУ, 2005. – 265 с.

65. Винокур, Г. О. Грамматические наблюдения в области технической терминологии [Текст] / Г.О. Винокур // Труды МИИФЛИ. – М., 1939. – Т. 5. – С. 37.

66. Винокур, Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии [Текст] / Г.О. Винокур // Труды Московского института истории, философии и литературы: сб. ст. по языкознанию. – М.: Высшая школа, 1981. – 120 с.

67. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Г. О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492с.

68. Вихованець, І. Р. Граматика української мови. Синтаксис [Текст] / І. Р. Вихованець. – К.: Либідь, 1993. – 368 с.

69. Войцева, Е. А. Общие тенденции терминологической номинации в развитии лексики водного хозяйства (на материале русского и польского языков) [Текст] / Е. А. Войцева // Мова. – 2012. – № 18. – С. 162–166.

70. Волкова, И. Н. Стандартизация научно-технической терминологии

[Текст] / И. Н. Волкова – М.: Наука, 1984. – 206 с.

71. Волкова, Н. В. Словотвірна продуктивність питомих і запозичених слів в англійській, українській та російській мовах [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.17 / Н. В. Волкова. – Донецьк, 2010. – 22 с.

72. Володина, М. Н. Информационная природа термина [Текст] / М. Н. Володина // НДВШ. Филологические науки. – М., 1996. – № 1. – С. 90–94.

73. Володина, М. Н. К вопросу о трактовке понятия «терминология» в немецкой и отечественной лингвистике [Текст] / М. Н. Володина // Общие проблемы немецкого языкознания. – М., 2012. – С. 7–13.

74. Володина, М. Н. О специфике терминологической номинации [Текст] / М. Н. Володина // Вестник Московского университета. Филология. – М., 1986. – Сер. 9 – № 5. – С. 38–47.

75. Володина, М. Н. Интернациональное и национальное в процессе терминологической номинации [Текст] / М. Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 112 с.

76. Володина, М. Н. Теория терминологической номинации [Текст] / М. Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 180с.

77. Володина, М. Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / М. Н. Володина. – М., 1998. – 345 с.

78. Володина, М. Н. Когнитивно-информационная природа термина [Текст] / М. Н. Володина. – М.: Изд-во Московского университета, 2000. – 128 с.

79. Володькова, С. А. Проблемы сокращений терминологических единиц в подязыке информатики [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. А. Володькова. – М., 2011. – 15 с.

80. Волошин, Е. П. Аббревиатуры в лексической системе английского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. П. Волошин. – М., 1967. – 26 с.

81. Габриэлян, О. А. Сложносуффиксальные образования в современном английском языке [Текст]: дис. ... канд филол. наук: 10.02.04 / О. А. Габриэлян. –

Киев, 1981. – 199 с.

82. Гак, В. Г. Асимметрия лингвистического знака и некоторые общие проблемы терминологии [Текст] / В. Г. Гак // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Научный симпозиум. – М: Изд-во МГУ, 1971. – Ч. 1. – С. 68–71.

83. Гак, В. Г. К вопросу о семантической типологии словосочетаний [Текст] / В. Г. Гак // Сборник научных трудов Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореца. – М., 1979. – Вып. 145. – С. 44–53.

84. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология [Текст] / В. Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.

85. Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике [Текст] / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1989. – Вып. 25. – С. 5–17.

86. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка [Текст] / В. Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832с.

87. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис [Текст] / В. Г. Гак. – М.: Высшая школа, 1986. – 219 с.

88. Гаращенко, Л. Аналітичні терміни загальнотехнічної галузі [Текст] / Л. Гаращенко // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Серія «Проблеми української термінології». – 2012. – № 733. – С. 96–100.

89. Генюшене, Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.15, 10.02.20 / Э. Ш. Генюшене. – Вильнюс, 1983. – 393 с.

90. Герд, А. С. Значение термина и научное знание [Текст] / А. С. Герд // Научно-техническая информация. – 1991. – Сер. 2. – № 10. – С. 1–4.

91. Герд, А. С. Проблемы становления и унификации научной терминологии [Текст] / А. С. Герд // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1971 – № 1. – С. 14–32.

92. Голованова, Е. И. Когнитивное терминоведение [Текст] / Е. И. Голованова. – Челябинск, 2008. – 180 с.

93. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах [Текст] /

Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – М.: Высш. школа, 1987. – 104 с.

94. Головин, Б. Н. О некоторых проблемах изучения терминов [Текст] / Б. Н. Головин // Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». – М. : Из-во Московского ун-та. – 1971. – Ч. 1. – С. 64–67.

95. Голодов, А. Г. Проблемы разговорности в специальной лексики (на материале немецкого языка футбола [Текст]: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. 10.02.04 / А. Г. Голодов. – М., 2007. – 48 с.

96. Гончаренко, Л. О. З історії вивчення запозичень у німецьку мову [Текст] / Л. О. Гончаренко // Наукові праці: зб. наук. пр. Сер. Філологія. Літературознавство. – Миколаїв: ЧДУ імені Петра Могили, 2007. – Т. 70. – Вип. 57. – С. 79–85.

97. Гончаров, Б. А. К вопросу о типологии и переводе сокращений в англоязычной научно-технической литературе [Текст] / Б. А. Гончаров // Теория и практика перевода. – Киев: Дніпро, 1991. – № 17. – С. 143–151.

98. Горбань, Л. В. Военно-морская лексика русского языка в синхронии и диахронии [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Л.В. Горбань. – Мурманск, 2008. – 26 с.

99. Горбач, О. Українська морська й судноплавна термінологія [Текст] / О. Горбач // Лексикографія й лексикологія. – Мюнхен, 1993. – Вип. VI – С. 30–56.

100. Городенська, К. Г. Префікси і префіксоїди в українській мові [Текст] / К. Г. Городенська // Мовознавство. – 1986. – № 1. – С. 36–41.

101. Городенская, Е. Г. Аффиксоиды украинского языка [Текст] / Е. Г. Городенская // Проблема статуса деривационных формантов. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. – С. 86–94.

102. Городенська, К. Г. Структура складних іменників у контексті синтаксичного синтезу [Текст] / К. Г. Городенська // Мовознавство. – 1988. – № 3. – С. 27–34.

103. Горпинич, В. О. Будова слова і словотвір [Текст] / В. О. Горпинич. – К.: Рад. школа, 1971. – 118 с.

104. Граб, Д. І. Семантичні процеси в юридичній термінології французької та

української мов [Текст]/ Д. І. Граб // Проблеми романо-германської філології. – Ужгород, 1998. – С. 71–74.

105. Гребінник, Л. В. Німецькі запозичення у російській мові [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.02 / Л. В. Гребінник. – Київ, 2007. – 21 с.

106. Грибіник, Ю. І. Основні види та функціональні моделі термінів-словосполучень сфери геодезії та кадастру [Текст] / Ю. І. Грибіник // Вісник Житомирського державного університету. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2011. – № 58. – С. 24–26.

107. Григорьев, В. П. О границах между словосложением и аффиксацией [Текст] / В. П. Григорьев // Вопросы языкознания. – 1956. – № 4. – С. 38–52.

108. Гринев-Гриневич, С. В. Введение в терминоведение [Текст] / С. В. Гринев-Гриневич. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 304 с.

109. Гринёв, С. В. Введение в терминоведение [Текст] / С. В. Гринев. – М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.

110. Гришин, Ю. А. История мореплавания [Текст]: учеб. пособ. / Ю. А. Гришин. – М.: Транспорт, 1972. – 160 с.

111. Гулыга, Е. В. О компонентном анализе значимых единиц языка [Текст] / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1976. – С. 291–314.

112. Гутиряк, О. І. Англійська термінологія маркетингу: структура та семантичні характеристики [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / О. І. Гутиряк. – Київ, 1999. – 12 с.

113. Даниленко, В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов [Текст] / В. П. Даниленко // Исследования по русской терминологии. – М.: Наука, 1971. – С. 7–78.

114. Даниленко, В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания [Текст] / В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.

115. Даниленко, В. П. О терминологическом словообразовании [Текст] / В. П. Даниленко // Вопросы языкознания. – 1973. – № 4. – С. 76–85.

116. Деева, А. И. Лингвокогнитивная специфика метафорического

моделирования русской нефтегазовой терминологии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. И. Деева. – Томск, 2015. – 23 с.

117. Денисенко, С. Н. Формування в українській науково-технічній термінології термінів з дієприкметниками та віддієслівними прикметниками [Текст] / С. Н. Денисенко, Б. С. Кінаш // Українська термінологія і сучасність: зб. наук. пр. – К.: КНЕУ, 2003. – Вип. V – 324 с.

118. Дзидзария, О. П. Морская лексика в абхазском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.09 / О. П. Дзидзария. – М., 2006. – 172 с.

119. Динес, Л. А. Функционирование многокомпонентного составного термина в частноотраслевой терминосистеме [Текст] / Л. А. Динес // Функционирование языковых единиц. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. – С. 3–10.

120. Дмитриев, Н. Г. Грамматика башкирского языка [Текст] / Н. Г. Дмитриев. – Л., 1948. – 203 с.

121. Дьяков, А. С. Основи термінотворення: Семантичні та соціолінгвістичні аспекти [Текст] / А. С. Дьяков, Т. Р. Кияк, З. Б. Куделько. – К.: Вид. дім «КМ Academia», 2000. – 218 с.

122. Дроздова, Т. В. Типы и особенности многокомпонентных терминов в современном английском языке: на материале терминологии производства искусственного холода [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. В. Дроздова. – М., 1989. – 24 с.

123. Дружб'як, С. В. Термінотворча динаміка фахової економіки: структурно-семантичний та функціональний аспекти (на матеріалі лексикографічних джерел і сучасної періодики Німеччини) [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / С. В. Дружб'як. – Київ, 2010. – 20 с.

124. Дубенец, Э. М. Лексикология современного английского языка: лекции и семинары. Пособие для студентов гуманитарных вузов [Текст] / Э. М. Дубенец. – М.: Глосса-Пресс, 2002. – 192 с.

125. Дюжикова, Е. А. Аббревация сравнительно со словосложением: структура и семантика (на материале современного английского языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. А. Дюжикова. – М., 1997. – 47 с.

126. Ермакова, О. П. Лексическое значение производных слов в русском языке [Текст] / О. П. Ермакова. – М., 1984. – 151 с.

127. Ермоленко, Ю. А. К вопросу о статусе аббревиатур современного русского языка [Текст] / Ю. А. Ермоленко // Вісник Дніпропетровського університету. – Дніпропетровськ: Дніпропетровський національний університет, 2011. – Т. 2. Сер. Мовознавство. – Вип. 17. – С. 36–41.

128. Ершова, Е. Б. Семантические особенности юридических терминов: (на материале терминологии уголовного права) [Текст] / Е. Б. Ершова // Лингвистические исследования. – М., 1989. – С. 104–110.

129. Ефремова, Е. М. Структурно-функциональное разнообразие многокомпонентных слов-композиций [Текст] / Е. М. Ефремова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. – М.: Национальный книжный центр, 2010. – Вып. 9. – С. 28–31.

130. Ефремова, Е. М. Сложные слова тематической группы «Дорога, транспорт» (британский вариант английского языка) [Текст] / Е. М. Ефремова // Сборник материалов научной сессии МПГУ за 2010–2011 год. – М.: Национальный книжный центр, 2011. – С. 44–47.

131. Жилюк, С. А. Использование заимствований в системе немецкого словообразования [Текст] / С. А. Жилюк. – СПб, 2015. – 231 с.

132. Жирмунский, В. М. История немецкого языка [Текст] / В. М. Жирмунский. – М.: Высшая школа, 1965. – 408 с.

133. Жлутченко, Ю. А. Словообразование в современном английском языке [Текст] / Ю. А. Жлутченко. – Киев: Вища школа, 1988. – 263 с.

134. Жлуктенко, Ю. О. Контрастивна лінгвістика: Проблеми і перспективи [Текст] / Ю. О. Жлуктенко, В. Н. Бублик // Мовознавство. – 1976. – № 4. – С. 3–15.

135. Жлуктенко, Ю. О. Контрастивний аналіз як прийом мовного дослідження [Текст] / Ю. О. Жлуктенко // Нариси з контрастивної лінгвістики: зб. наук. пр. / за ред. Ю. О. Жлуктенко та ін. – К.: Наукова думка, 1979. – С. 5–11.

136. Жовтобрюх, М. А. Язык украинской прессы (до середины 90-х годов XIX в.) [Текст] / М. А. Жовтобрюх. – М.: Изд-во Академии наук Украинской ССР,

1963. – 415 с.

137. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка [Текст] / В. И. Заботкина. – М.: Высшая школа, 1989. – 126 с.

138. Зарипова, А. Н. Экономическая терминология в немецком, русском и татарском языках [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А. Н. Зарипова. – Казань, 2004. – 208 с.

139. Зеленцова, М. Г. Особливості відображення іншомовної термінології в мовах-реципієнтах (на матеріалі термінології менеджменту російської та української мов) [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.15 / М. Г. Зеленцова. – Донецьк, 2006. – 20 с.

140. Зеленецкий, А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков [Текст] / А. Л. Зеленецкий. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 252 с.

141. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е. А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 221 с.

142. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование [Текст]: учеб. пособ. / Е. А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с.

143. Зятковская, Р. Г. О словообразовательном статусе комбинирующей формы [Текст] / Р. Г. Зятковская // Аффиксы и комбинирующиеся формы в научной терминологии и норме. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1982. – С. 117–123.

144. Иванова, И. П. О характеристике сложного слова в английском языке [Текст] / И. П. Иванов, П. В. Царев // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. – Л., 1967. – Вып. I. – 95 с.

145. Ищенко, Н. Г. Синонимия однокоренных производных имен существительных современного немецкого языка [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Н. Г. Ищенко. – К., 2001. – 466 с.

146. Каліущенко, В. Д. Дисертаційні дослідження в Україні за 2003–2004 рр. зі спеціальностей 10.02.04 – германські мови, 10.02.05 – романські мови, 10.02.16 – перекладознавство, 10.02.17 – порівняльно-історичне і типологічне мовознавство [Текст] / В. Д. Каліущенко, О. В. Материнська // Studia Germanica et

Romanica. Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / ред. кол. В. Д. Калиущенко (голов. ред.) та ін. – Донецьк: ДонНУ, 2005. – Т. 2. – № 3 (6). – С. 114–136.

147. Калиущенко, В. Д. Типология отыменных глаголов [Текст] / В. Д. Калиущенко. – Донецьк: Донеччина, 1994. – 420 с.

148. Канделаки, Т. Л. Семантика и мотивированность терминов [Текст] / Т. Л. Канделаки. – М.: Наука, 1977. – 168 с.

149. Канделаки, Т. Л. Семантика терминов категории процессов (термины-имена действия, включающие именные основы) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. Л. Канделаки. – М., 1970. – 28 с.

150. Капанадзе, Л. А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики [Текст] / Л. А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965. – С. 86–104.

151. Капанадзе, Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» [Текст] / Л. А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965. – С. 75–85.

152. Карабан, В. І. Переклад англійської наукової і технічної літератури: Граматичні труднощі, лексичні, термінологічні та жанрово-стилістичні проблеми [Текст] / В. І. Карабан. – Вінниця: Нова книга, 2002. – 564 с.

153. Карашук, П. М. Словообразование английского языка [Текст] / П. М. Карашук – М.: Высш.шк., 1977. – 30с.

154. Карашук, П. М. О природе сложнопроизводных и формально совпадающих с ними слов в английском языке [Текст] / П. М. Карашук, Г. О. Кириченко // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. – Владивосток, 1977. – Вып. 4. – С. 94–97.

155. Карашук, П. М. Сращение словосочетаний как способ образования лексических единиц в англ. языке [Текст] / П. М. Карашук // Словосочетания и сложные слова в терминосистемах и литературной норме. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. – С. 3–5.

156. Карашук, П. М. Суффиксальное словообразование в английском языке

[Текст] / П. М. Каращук. – М.: ВШ, 1965. – 173 с.

157. Касьянов, В. В. Сопоставительный анализ современной терминологии финансовой деятельности в английском и русском языках [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / В. В. Касьянов. – М., 2001. – 29 с.

158. Квитко, И. С. Термин в научном документе [Текст] / И. С. Квитко. – Львов: Вища школа, 1976. – 125 с.

159. Кияк, Т. Р. Оценка степени мотивированности терминологической лексики (на материале немецких научно-технических терминов) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.17 / Т. Р. Кияк. – Львов, 1977. – 22 с.

160. Кияк, Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения [Текст] / Т. Р. Кияк. – К.: УМКВО, 1989. – 104 с.

161. Кияк, Т. Р. Фахові мови та проблеми термінознавства [Текст] / Т. Р. Кияк // Нова філологія: зб. наук. пр. – Запоріжжя: ЗНУ, 2007. – № 27. – С. 203–208.

162. Кияк, Т. Р. Прагматичні аспекти стандартизації української термінології [Текст] / Т. Р. Кияк // Мовознавство. – 1993. – № 1. – С. 35–38.

163. Кияк, Т. Р. Мотивированность лексических единиц (количественная и качественная характеристика) [Текст] / Т. Р. Кияк. – Львов, 1988. – 164 с.

164. Клепиковская, Н. В. Семантические переносы как средство формирования англоязычного научно-технического терминологического пространства (на материале терминологии судостроения) [Текст]: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Н. В. Клепиковская. – Нижний Новгород, 2011. – 21 с.

165. Клепиковская, Н. В. Системная организация английского судостроительной терминологии [Текст] / Н. В. Клепиковская // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – Архангельск, 2010. – № 4. – С. 70–74.

166. Клименко, Н. Ф. Як народжується слово [Текст] / Н. Ф. Клименко. – К.: Рад. школа, 1991. – 288 с.

167. Клименко, Н. Ф. Словоскладання. Абревіація [Текст] / Н. Ф. Клименко // Словотвір сучасної української літературної мови / за ред. М. А. Жовтобрюх. – К.: Наук. думка, 1979. – С. 314–402.

168. Клименко, Н. Ф. Словотворча структура й семантика складних слів

сучасної української літературної мови [Текст] / Н. Ф. Клименко. – К.: Наук. думка, 1984. – 254 с.

169. Клименко, Н. Ф. Юкстапозит [Текст] / Н. Ф. Клименко // Українська мова. Енциклопедія / ред-кол. В. М. Русанівський, О. О. Тараненко (співголови), М. П. Зяблюк та ін. – К.: Вид-во «Українська енциклопедія» імені М. П. Бажана, 2000. – С. 742.

170. Климович, С. М. Структурно-семантичні типи аброутворень в українській мові [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / С. М. Климович. – Запоріжжя, 2008. – 18 с.

171. Кобрин, Р. Ю. Лингвистический анализ употребления терминов и нормативных словарей и ГОСТов в реальных научно-технических текстах [Текст]/ Р. Ю. Кобрин, Л. А. Пекарская // Языковая норма и статистика. – М.: Наука, 1977. – С. 265–279.

172. Коваленко, Н. В. Структурно-семантичні особливості термінології маркетингу німецької та української мов [Текст]: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.17 / Н. В. Коваленко. – Кіровоград, 2013. – 219 с.

173. Ковалик, І. І. 3 методики дослідження слов'янського словотвору. [Текст]/ І. І. Ковалик. – Львів: Вид-во Львівського університету, 1958. – 24 с.

174. Ковалик, І. І. Словотвір іменників у серболужицьких мовах [Текст] / І. І. Ковалик. – Львів, 1964. – 94 с.

175. Коваль, А. П. Синоніміка в термінології [Текст] / А. П. Коваль // Дослідження з лексикології й лексикографії. – К.: Наук. думка, 1965. – С. 157–169.

176. Кованцева, Л. Ю. Семантические особенности детерминативных субстантивных композитов [Текст] / Л. Ю. Кованцева // Вестник РГУ им. Есенина. – 2012. – № 2 (35). – С. 105–116.

177. Козак, Л. В. Українська електротехнічна термінологія (словотворчий аспект) [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Л. В. Козак. – К., 2002. – 19 с.

178. Козловская, О. Г. Когнитивные и структурно-семантические особенности морской терминологии: На материале английского и русского

языков [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О.Г. Козловская. – Санкт-Петербург, 2005. – 468 с.

179. Комарова, З. И. О сущности термина [Текст] / З. И. Комарова // Термин и слово. – Горький: Изд-во ГГУ, 1979. – С. 3–13.

180. Комолова, З. П. К вопросу о морфемах со словарной пометкой combining form [Текст] / З. П. Комолова // Словообразование и его место в курсе обучения иностранного языка. – Владивосток, 1978. – Вып. 6. – С. 14–87.

181. Комолова, З. П. Новый словоэлемент лексики американской технической рекламы -trol [Текст] / З. П. Комолова // Полуаффиксация в терминологии и литературной норме. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. – С. 81–87.

182. Коровушкин, В. П. Основы контрастивной социолектологии [Текст]: монография: в 2-х ч. / В. П. Коровушкин. – Череповец: ЧГУ, 2005. – Ч. II. – С. 223–224.

183. Котеленець, І. В. Лексико-семантична характеристика німецької терміносистеми тваринництва [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / І. В. Котеленець. – К., 2002. – 20 с.

184. Кочерган, М. П. Про семантичний принцип контрастивних семантичних досліджень [Текст] / М. П. Кочерган // Проблеми зіставної семантики. – К, 2003. – Вип. 6. – С. 3–7.

185. Кочерган, М. П. Зіставне мовознавство і проблеми мовних картин світу [Текст] / М. П. Кочерган // Мовознавство. – 2004. – № 5–6. – С. 12–22.

186. Кочетыгова, А. И. Образование терминов судостроения в английском языке [Текст] / А. И. Кочетыгова // Отраслевая терминология и ее терминообразовательное терминование: сб. ст. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – С. 93–96.

187. Кравцов, С. М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека») [Текст]: монография / С. М. Кравцов. – Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. – 311 с.

188. Кравченко, Т. П. Способи творення галузевих термінів на позначення понять економіки АПК [Текст] / Т. П. Кравченко // Вісник Національного

університету "Львів. політехніка". Пробл. укр. термінології. – 2011. – № 709. – С. 79–83.

189. Краснова, И. Е. К проблеме понимания английских многокомпонентных терминов (на материале терминов психологии) [Текст] / И. Е. Краснова // Лингводидактические исследования: сб. науч. тр. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 41–47.

190. Крашенинникова, Е. А. Новое в немецкой грамматике [Текст] / Е. А. Крашенинникова // Словообразование (обзор зарубежных работ по немецкому словообразованию). – М.: Просвещение, 1965. – Вып. IV. – 142 с.

191. Кришталь, С. М. Структурно-семантический анализ метафорических терминов подъязыка финансов в английском и украинском языках [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.17 / С. М. Кришталь. – Донецк, 2003. – 20 с.

192. Крючкова, Н. Н. Лексико-семантические, словообразовательные и структурные особенности эко-терминов в русском и немецком языках [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. Н. Крючкова. – Краснодар, 2006. – 24 с.

193. Крыжановская, А. В. Актуальные проблемы упорядочения научной терминологии [Текст] / А. В. Крыжановская. – Киев: Изд-во "Наукова Думка", 1987. – 160 с.

194. Крылов, А. И. Термин и контекст [Текст] / А. И. Крылов // Языковые единицы и контекст. – Л., 1973. – С. 89–96.

195. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке [Текст] / Л. П. Крысин. – М., 1968. – 209 с.

196. Кубрякова, Е. С. Что такое словообразование [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1965. – 327 с.

197. Кубрякова, Е. С. О нетривиальной семантике в сочетаемости прилагательных с существительными [Текст] / Е. С. Кубрякова // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 148–153.

198. Кубрякова, Е. С. Словосложение как процесс номинации и его

отличительные формальные и содержательные характеристики [Текст] / Е. С. Кубрякова // Теоретические основы словосложения и вопросы создания сложных лексических единиц. – Пятигорск, 1988. – С. 3–23.

199. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

200. Кубрякова, Е. С. Конверсия в современном английском языке [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. А. Гуреев // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 2 – С. 33–37.

201. Кудрявцева, И. Г. Особенности формальной структуры и семантические характеристики терминологических словосочетаний (на материале английской и русской специальной лексики научно-технической области «Интернет») [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / И. Г. Кудрявцева. – М., 2010. – 21 с.

202. Кучерова, Т. Н. Особенности семантической структуры терминов физической географии в русском и немецком языках [Текст] / Т. Н. Кучерова // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков. – Омск, 2000. – С. 46 – 49.

203. Левенкова, А. Ю. Структурно-функциональная модель терминологического словосочетания солнечной энергетики и ее лексикографическое описание [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / А. Ю. Левенкова. – Тюмень, 2016. – 26 с.

204. Левицкий, А. Э. Сравнительная типология английского, немецкого, русского и украинского языков [Текст] / А. Э. Левицкий, Н. Д. Борисенко, А. А. Борисов и др. – К.: Освита України, 2009. – 259 с.

205. Левковская, К. А. Именное словообразование в современной немецкой общественно-политической терминологии [Текст] / К. А. Левковская. – М.: АН СССР, 1960. – 164 с.

206. Левковская, К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала [Текст] / К. А. Левковская. – М.: Высшая школа, 1962. – 296 с.

207. Лейчик, В. М. Применение системного подхода для анализа

терминосистем [Текст] / В.М. Лейчик // Терминоведение. – М.: Московский лицей, 1993. – Вып. 1. – С. 19–30.

208. Лейчик, В. М. Основные проблемы теоретического терминоведения [Текст] / В. М. Лейчик // Терминология и перевод в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве. – Омск: Межвуз. типограф. ОМПИ, 1991. – С. 27–30.

209. Лейчик, В. М. Номенклатура – промежуточное звено между терминами и именами собственными [Текст] / В. М. Лейчик // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. – Воронеж, 1974. – 129 с.

210. Лейчик, В. М. К определению философских основ терминоведения [Текст] / В. М. Лейчик // Отраслевая терминология и её экстралингвистическая обусловленность: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1986. – С. 14–25.

211. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура [Текст] / В. М. Лейчик. – 2-е изд. исп. и доп. – М., 2006. – 256 с.

212. Лейчик, В. М. Проявление тенденции к аналитизму в языках для специальных целей [Текст] / В. М. Лейчик // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: IV Междунар. науч. конф., 9–10 апр. 2009 г.: материалы. – Днепропетровск: Пороги, 2009. – С. 107–110.

213. Лейчик, В. М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина [Текст] / В. М. Лейчик // Вопросы языкознания. – 1981. – № 2. – С. 63–73.

214. Лексикология английского языка [Текст]: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / Р. З. Гинзбург, С. С. Хидекель, Г. Ю. Князева, А. А. Санкин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1979. – 296 с.

215. Литвиненко, Г. И. Способы словообразования как фактор системности в терминологии (на материале терминов химического машиностроения) [Текст] / Г. И. Литвиненко, А. Н. Дядечко // Вестник СумГУ. Серия Филология. – 2007. – Т. 1. – № 1. – С. 142–150.

216. Литвиненко, О. А. Семантичні відношення в англійській терміносистемі галузі машинобудування [Текст] / О. А. Литвиненко // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 611 – С. 171–174.

217. Лопатин, В. В. Аффиксоид [Текст] / В. В. Лопатин // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 721 с.

218. Лотте, Д. С. Как работать над терминологией. Основы и методы [Текст] / Д. С. Лотте. – М.: Наука, 1968. – 75 с.

219. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики [Текст] / Д. С. Лотте. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 158 с.

220. Лотте, Д. С. Краткие формы научно-технических терминов [Текст] / Д. С. Лотте. – М.: Наука, 1971. – 84 с.

221. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и термиозлементов [Текст] / Д. С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 149 с.

222. Лотте, Д. С. Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов [Текст] / Д. С. Лотте. – М.: Наука, 1969. – 117 с.

223. Лунева, О. В. Лингвостатистическое исследование подъязыка специальности «Цифровые сигнальные процессоры» [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. В. Лунева. – Иваново, 1996. – 21 с.

224. Ляшук, А. М. Семантична структура юридичних термінів української та англійської мов [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.17 / А. М. Ляшук. – К., 2007. – 22 с.

225. Макова, М. И. О структурных особенностях специальных словосочетаний в английском языке [Текст] / М. И. Макова // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1972. – С. 32–41.

226. Макшанцева, Е. А. Специфика оценочного компонента в структуре значения юридического термина (на материале русского и английского языка) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. А. Макшанцева. – Саратов, 2001. – 162 с.

227. Манина, А. Р. Соматический аспект антропоморфной метафоризации (на материале английской нефтегазовой терминосистемы): автореф. дис. ... канд.

філол. наук: 10.02.04 [Текст] / А. Р. Манина. – Уфа, 2018. – 24 с.

228. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика [Текст] / Т. В. Матвеева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.

229. Матезиус, В. О так называемом актуальном членении предложения [Текст] / В. О. Матезиус // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. – М.: Прогресс, 1967. – С. 239–245.

230. Материнська, О. В. Система меронімів у німецькій та англійській мовах [Текст]: автореф. дис. ... д-ра філ. наук: 10.02.17 / О. В. Материнська. – Донецьк, 2013. – 40 с.

231. Мезит, А. Э. Подъязык и профессиональная языковая картина мира работников гидроэнергетической отрасли (функциональный и лексикографический аспекты) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. Э. Мезит. – Красноярск, 2018. – 23 с.

232. Мешков, О. Д. Семантические аспекты словосложения английского языка [Текст] / О. Д. Мешков. – М.: Наука, 1986. – 208 с.

233. Мешков, О. Д. Словосложение в современном английском языке: учеб. пособ. для институтов и факультета ин. языков [Текст] / О. Д. Мешков. – М.: Высшая школа, 1985. – 187 с.

234. Микульчик, Р. Б. Сучасні українські аббревіатури: перспективи і стан дослідження [Текст] / Р. Б. Микульчик // Вісник Національного університету "Львівська політехніка". – 2005. – № 538. – С. 12–15.

235. Мишланова, С. Л. Терминоведение XXI века: история, направления, перспективы [Текст] / С. Л. Мишланова // Филологические науки. – 2003. – Вып. 2. – С. 94–101.

236. Михайлишин, Б. П. Усталеність як неодмінний показник складених термінів [Текст] / Б. П. Михайлишин // Мовознавство. – 1999. – № 4–5. – С. 48–50.

237. Мисик, Л. В. Генезис та функціонування термінологічних словосполучень а англійській науковій юридичній літературі [Текст] / Л. В. Мисик // Іноземна філологія. – Львів, 1993. – Вип. 105. – С. 91–102.

238. Мистюк, Т. Л. Проблема интерпретации терминов языковой эволюции в

отечественной и зарубежной лингвистике XIX–XXI в. [Текст] / Т. Л. Мистюк // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2011. – № 2 – С. 119–122.

239. Моисеев, А. И. О языковой природе термина [Текст] / А. И. Моисеев // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 127–138.

240. Моисеев, А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке [Текст] / А. И. Моисеев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 204 с.

241. Морозов, Г. И. Системность терминов в аспекте биосферного подхода [Текст] / Г. И. Морозов // Научно-техническая терминология: науч.-техн. реф. сб. – М., 1989. – Вып. 8. – С 4 – 16.

242. Мостовий, М. І. Лексикологія англійської мови [Текст] / М. І. Мостовий. – Харків: Основа, 1993. – 256 с.

243. Мотузенко, Е. М. Морская рыболовецкая терминология северо-западного Причерноморья [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. М. Мотузенко. – Одесса, 1987. – 223 с.

244. Мякшин, К. А. Частеречный анализ терминосистемы английской фонетики в диахроническом аспекте [Текст] / К. А. Мякшин // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск, 2009. – № 2. – Серия: филология. – С. 127–132.

245. Мякшин, К. А. Основные подходы к исследованию лингвистической терминологии (на материале английских фонетических терминов) [Текст] / К. А. Мякшин // Вестник Поморского университета. – Архангельск, 2008. – № 2. – Серия: гуманитарные и социальные науки. – С. 48–54.

246. Невская, Л. Г. Балтийская географическая терминология [Текст] / Л. Г. Невская. – М.: Наука, 1977. – 227 с.

247. Недялков, В. П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании [Текст] / В. П. Недялков // Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М.: Наука, 1969. – С. 106–115.

248. Недялков, В. П. Типология каузативных конструкций [Текст] / В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. – Л.: Наука, 1969а. – С. 5–20.
249. Немец, Г. П. Семантика метаязыковых субстанций [Текст]: монография / Г. П. Немец. – М.: Наука, 1999. – 752 с.
250. Овчаренко, В. М. Термин, аналитическое наименование и номинативное определение [Текст] / В. М. Овчаренко // Современные проблемы терминологии в науке и технике. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – С. 91–121.
251. Огиенко, И. И. Иноземные элементы в русском языке: история проникновения заимствованных слов в русский язык [Текст] / И. И. Огиенко. – Москва: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2012. – 136 с.
252. Озигин, М. В. Роль метафоры в структурировании и функционировании медицинской терминологии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. В. Озигин. – Саратов: Саратовский госуд. ун-т им. Чернышева, 2010. – 22 с.
253. Орехова, Т. И. Формирование тематической группы названий водных средств передвижения в истории русского языка 17-20 веков [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. И. Орехова. – Барнаул, 2000. – 21 с.
254. Орлова, Н. М. Из истории морской терминологии: Отношение к заимствованиям [Текст] / Н. М. Орлова // Проблемы истории русской лексики и терминологии. – М.: МОПИ, 1985. – С. 86–93.
255. Осипенко, З. М. Номінативні словосполучення з термінологічним значенням в російській мові / З. М. Осипенко // Мовознавство. – 1971. – № 5. – С. 35–40.
256. Павлова, С. А. Классы слов и тематические группы лексики в английском подъязыке судостроения и судоремонта [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. А. Павлова. – Одесса, 1996. – 18 с.
257. Панов, М. В. О частях речи в русском языке [Текст] / М. В. Панов // Филологические науки. – М., 1960. – № 4. – С. 15–17.
258. Панкратова, С. А. Морская профессиональная лексика как метафорический базис в английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 /

С. А. Панкратова. – СПб, 2001. – 177 с.

259. Панько, Т. І. Українське термінознавство [Текст] / Т. І. Панько, І. М. Кочан, Г. П. Мацюк. – Львів: Світ, 1994. – 216 с.

260. Пауль, Г. Принципы истории языка [Текст] / Г. Пауль. – М.: Наука, 1960. – 500 с.

261. Пекарская, Л. А. Реализация требований к «идеальному» термину в процессе речевого функционирования терминологии [Текст] / Л. А. Пекарская // Термин и слово. – Горький, 1981. – С. 22–28.

262. Петренко, О. Д. Соціофонетична варіативність сучасної німецької мови у Німеччині [Текст]: автореф. дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.04 / О. Д. Петренко. – К.: Київський ун-т ім. Тараса Шевченка, 1999. – 432 с.

263. Петров, В. В. Семантика научных терминов [Текст] / В. В. Петров. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. – 127 с.

264. Петрова, З. М. Об образовании сложных слов в русском языке XVIII века [Текст] / З. М. Петрова // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века. Ломоносовские чтения. – Казань: Изд-во Казан, гос. ун-та, 1969. – Вып. 2–3. – С. 151–159.

265. Пиотровский, Р. Г. К вопросу об изучении термина [Текст] / Р. Г. Пиотровский // Ученые записки ЛГУ. – Л., 1952. – № 161. – С. 21–36.

266. Пономарів, О. Д. Сучасна українська мова. Підручник [Текст] / О. Д. Пономарів, В. В. Різун, Л. Ю. Шевченко та ін.; за ред. О. Д. Пономарева. – 2-ге вид., перероб. – К.: Либідь, 2001. – 400 с.

267. Попова, М. В. Германские заимствования в русской мореходной терминологии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. В. Попова. – Воронеж, 2000. – 18 с.

268. Попова, Н. О. Структурно-семантичні особливості новітніх лексичних запозичень з англійської в українську мову (90-і рр. XX ст. – початок XXI ст.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Н. О. Попова. – Харків, 2004. – 23 с.

269. Попова, Л. В. Роль связочного глагола в формировании сказуемого со

значением квалификации [Текст] / Л. В. Попова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 2. – С. 99–104.

270. Попова, Л. В. Позиция связки в структуре предложения [Текст] / Л. В. Попова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2011. – № 6 (2) – С. 531–535.

271. Потапова, И. А. Взаимодействие префиксов и корневых морфем в терминологических сложных словах английского языка [Текст] / И. А. Потапова // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. – Л., 1980. – С. 23–26.

272. Порівняльна грамати́ка української і російської мов [Текст] / М. А. Брицин, М. А. Жовтобрюх, А. В. Майборода. – 2-е изд., перероб. и доп. – Київ: Вища школа, 1978. – 269 с.

273. Прохорова, В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование) [Текст] / В. Н. Прохорова. – М.: Филологический факультет, 1996. – 125 с.

274. Пятросянц, Э. Г. Лингвистическое терминопле: структура, семантика, деривация (на материале английского языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Э. Г. Пятросянц. – Пятигорск, 2004. – 27 с.

275. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология / А. А. Реформатский // Вопросы терминологии. – М.: АН СССР, 1961. – С. 46–54.

276. Реформатский, А. А. О сопоставительном методе [Текст] / А. А. Реформатский // Русский язык в национальной школе. – 1962. – № 5. – С. 23–24.

277. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы языка [Текст] / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1967. – С. 103–126.

278. Реформатский, А. А. Терминология [Текст] / А. А. Реформатский // Введение в языкознание. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 536 с.

279. Реформатский, А. А. Лингвистика и поэтика [Текст] / А. А. Реформатский.

– М.: Наука, 1987. – С. 52–76.

280. Родзевич, Н. С. Про будову складних слів у сучасній українській мові [Текст] / Н. С. Родзевич // Українська мова в школі. – 1952. – № 6. – С. 10–25.

281. Розен, Е. В. Новое в лексике немецкого языка [Текст] / Е. В. Розен. – М.: Просвещение, 1976. – 176 с

282. Ружицкая, Э. А. Нидерландские заимствования в немецком языке [Текст] / Э. А. Ружицкая // Materiały X Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Perspektywiczne opracowania są nauką i technikami – 2014». – Przemysł. Nauka i studia. – Vol. 12. Filologiczne nauki. – С. 41–43.

283. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского литературного языка [Текст] / АН СССР: Ин-т рус. яз. Под ред. М. В. Панова. – М.: Наука, 1968. – 300 с.

284. Рябичкина, Г. В. Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Г. В. Рябичкина. – Пятигорск, 2009. – 45 с.

285. Рябов, А. Г. Перенос значений в терминообразовании (на материале английской военной терминологии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. Г. Рябов. – М., 2010. – 19 с.

286. Рядинская, С. В. Падежная грамматика Ч. Филлмора и современное понимание ролевой семантики глагола [Текст] / С. В. Рядинская, В. А. Мигачев // Иностранные языки в профессиональном образовании: лингвометод. контекст: межвузовской науч.-практич. конф., 17–18 мая 2006 г.: материалы. – Белгород, 2006. – С. 175–180.

287. Садыкова, А. Г. Система субстантивного словосложения в тюркских и германских языках в сравнительно-типологическом аспекте [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / А. Г. Садыкова. – Казань, 2002. – 492 с.

288. Самолисова, О. Поняття «термінологія» та деякі аспекти українського медичного термінотворення. [Текст] / О. Самолисова, А. Ніколаєва // Українська термінологія і сучасність. – Київ: КНЕУ, 2005. – Вип. VI. – С. 201–204.

289. Селіванова, О. О. Складне слово: мовні моделі світу (основи зіставної

композитології російської та української мов) [Текст] / О. О. Селіванова. – Черкаси, 1996. – 297с.

290. Сербиновская, Н. В. Терминологическое поле «Маркетинг» в русском языке [Текст] / Н. В. Сербиновская. – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009. – 234 с.

291. Симоненко, Л. О. Біологічна термінологія формування та функціонування: навч. посібник для природничих факультетів [Текст] / Л. О. Симоненко. – Умань: РВЦ «СОФІЯ», 2006. – 104 с.

292. Сифоров, В. И. Методические аспекты терминологической работы комитета научно-технической терминологии АН СССР [Текст] / В. И. Сифоров, Т. Л. Канделаки // Вопросы языкознания. – 1986. – № 2. – С. 3–8.

293. Скаличка, В. О современном состоянии типологии [Текст] / В. Скаличка // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. III. – С. 19–35.

294. Скаличка, В. Типология и сопоставительная лингвистика [Текст] / В. Скаличка // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – С. 27–31.

295. Скобликова, Е. С. Согласование и управление в русском языке [Текст] / Е. С. Скобликова. – М.: Просвещение, 1971. – 240 с.

296. Словотвір сучасної української літературної мови [Текст] / за ред. М. А. Жовтобрюха. – К.: Наук. думка, 1979. – 407 с.

297. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 323 с.

298. Смирницкий, А. Н. Лексикология современного английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. – 260 с.

299. Смирницкий, А. И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков [Текст] / А. И. Смирницкий. – М.: Высшая школа, 1970. – 396 с.

300. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий. – М.: изд-во лит-ры на ин.яз., 1957. – 286 с.

301. Смирницкий, А. И. Образования типа stone wall, speech sound в английском языке [Текст] / А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова // Доклады и

сообщения Ин-та языкознания АН СССР. 1952. – № 2. – С. 97–117.

302. Сморгонский, И. Кораблестроительные и некоторые морские термины нерусского происхождения [Текст] / И. Сморгонский // Труды ин-та истории науки и техники. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – Вып. 6. – Сер. 2. – С. 15–20.

303. Соотношение глагольных признаков различных уровней в английском языке / Г. Г. Сильницкий, С. Н. Андреев, Л. А. Кузьмин и др. – Минск: Навука і техника, 1990. – 181 с.

304. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков: научное издание [Текст] / Г. Д. Басова, А. В. Качура, А. В. Кихно и др.; отв. ред. Н. Г. Озерова; НАН Украины. Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. – К.: Наук. думка, 2003. – 534 с.

305. Степанова, М. Д., Чернышева, И. И. Лексикология современного немецкого языка: учеб. пособ. для ун-тов и фак. иностр. яз. вузов [Текст] / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – М.: Академия, 2003. – 256 с.

306. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка [Текст] / М. Д. Степанова. – М.: Изд-во лит. на ин.яз., 1953 – 371 с.

307. Степанова, М. Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке [Текст] / М. Д. Степанова, В. Фляйшер. – М.: Высшая школа, 1984. – 264 с.

308. Степанова, М. Д. Методы синхронного анализа лексики [Текст] / М. Д. Степанова. – М.: Высшая школа, 1968. – 200 с.

309. Стишов, О. А. Основні тенденції словотвору в мові українських засобів масової інформації [Текст] / О. А. Стишов // Українська лексика кінця ХХ століття: На матеріалі мови засобів мас. інформації. – 2-е вид., перероб. – К.: Пугач, 2005. – 388с.

310. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории [Текст] / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – 246 с.

311. Сучасна українська літературна мова: лексика і фразеологія [Текст] / за заг. ред. акад. АН УРСР І. К. Білодіда. – К.: Наук. думка, 1973. – 439 с.

312. Сятковский, С. Основные принципы сопоставительного анализа языков [Текст] / С. Сятковский // Русский язык за рубежом. – 1976. – № 4. – С. 69–74.

313. Табанакова, В. Д. Понятийная разновидность термина-слова и текста его дефиниций [Текст] / В. Д. Табанакова // Взаимодействие единиц и категорий языковых подсистем. – Тюмень: ТГУ, 2002. – С. 38–45.

314. Татаринов, В. А. У истоков теоретической терминологии [Текст] / В. А. Татаринов // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 81–98.

315. Татаринов, В. А. Терминоведение: указатель работ, опубликованных отечественными терминологами в XX веке [Текст] / В. А. Татаринов // Библиотека журнала «Русский филологический вестник». – М.: Московский лицей, 1998. – Т. 30. – 174 с.

316. Татаринов, В. А. Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминологии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В. А. Татаринов. – М.: МГУ, 1988. – 24 с.

317. Татаринов, В. А. Теория терминоведения [Текст]: в 3-х т. / В. А. Татаринов. – М.: Моск. лицей, 1996. – Т. 1. – 315 с.

318. Татаринов, В. А. Терминологическая лексика русского языка: Эволюция проблем и аспектов изучения [Текст] / В. А. Татаринов // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики. – ИНИОН РАН, Москва, 2006. – С. 133–164.

319. Теркулов, В. И. Еще раз об основной единице языка [Текст] / В. И. Теркулов // Вісник Луганського національного університету імені Т. Г. Шевченка. – Луганськ, 2006. – № 11 (106). – С. 127–136.

320. Теркулов, В. І. Композити російської мови в ономасіологічному аспекті [Текст]: автореф. дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.02 / В. І. Теркулов. – К., 2008. – 40 с.

321. Толикина, Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина [Текст] / Е. Н. Толикина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 53–67.

322. Труевцева, О. Н. Английский язык: особенности номинации [Текст] / О. Н. Труевцева. – Л.: Наука, 1986. – 247 с.

323. Тютюнник, В. Ю. Некоторые особенности синонимических отношений в

русской терминологии градостроительной акустики [Текст] / В. Ю. Тютюнник // Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. – 2011. – Т. 19. – Вип. 17(2). – С. 162–167.

324. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания [Текст] / И. С. Улуханов. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. – 264 с.

325. Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – Вып. 12. – С. 74–122.

326. Филлмор, Ч. Об организации семантической информации в словаре [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1983. – Вып. XIV. – С. 23–60.

327. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23 – С. 52–93.

328. Филлмор, Ч. Дело о падеже [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. X. – С. 369–495.

329. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология [Текст] / М. И. Фомина. – М.: Высшая школа, 1978. – 415 с.

330. Ханина, Л. Методы компаративистики [Электронный ресурс] / Л. Ханина // Сайт Интертекст онлайн. – Режим доступа: <http://www.homepages.ustu.ru/inter/ekh.htm/>.

331. Хаютин, Т. Д. Термин, терминология, номенклатура [Текст] / Т. Д. Хаютин. – Самарканд: Изд-во САГУ, 1971. – 129 с.

332. Хидекель, С. С. О сложнопроизводных словах в современном английском языке [Текст] / С. С. Хидекель // Труды ВИИЯ. – 1953. – № 2. – С. 46–64.

333. Хидекель, С. С. Сложные слова и словосочетания в современном английском языке [Текст] / С. С. Хидекель // Ученые записки Курского гос. пед. ин-та. – Орел, 1969. – Т. 63. – Вып. 3 – С. 251–265.

334. Хижняк, С. П. Социальные и языковые факторы формирования

терминообразовательных значений в системе правовых терминов: (на материале суффиксальных терминов русского и английского языков) [Текст] / С. П. Хижняк // Язык и общество. – Саратов, 1989. – С. 55–61.

335. Царев, П. В. Сложные слова в английском языке [Текст] / П. В. Царев. – М.: МГУ, 1980. – 241 с.

336. Чайников, К. Н. Общее устройство судов [Текст] / К. Н. Чайников. – Л.: Судостроение, 1971. – 208 с.

337. Чейф, У. Л. Значение и структура языка [Текст] / У. Л. Чейф. – М.: Либрикон, 2009. – 430 с.

338. Чельцова, Ю. А. Проблемы терминоведения с позиции комплексного подхода [Текст] / Ю. А. Чельцова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – Вып. 4-2. – С. 402–405.

339. Черепанов, В. М. О разграничении словосложения и префиксации [Текст] / В. М. Черепанов // Русский язык в школе. – 1968. – № 5. – С. 99–104.

340. Чипан, И. М. Специальная и терминологическая лексика подъязыка морских специальностей (подводный флот) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И. М. Чипан. – СПб, 2000. – 267 с.

341. Чистюхина, С. Н. Межотраслевая полисемия в терминологической системе современного английского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. Н. Чистюхина. – М., 2011. – 27 с.

342. Чунтомова, Ю. А. Английская транспортная терминология [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю. А. Чунтомова. – М: МПГУ, 2004. – 166 с.

343. Чуешкова, О. В. Аналітичні номінації в економічній терміносистемі (структурно-типологічний аспект) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.В. Чуешкова. – Х., 2002. – 200 с.

344. Шадурский, М. В. Тематическое изучение лексики [Текст] / М. В. Шадурский // Методы изучения лексики. – Минск: Изд-во БГУ, 1975. – С. 48–52.

345. Шанский, Н. М. Аффиксоиды в словообразовательной системе

современного русского литературного языка [Текст] / Н. М. Шанский // Исследования по современному русскому языку: сб. ст., посвященный памяти Е. М. Галкиной-Федорук. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – С. 257–271.

346. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию [Текст] / Н. М. Шанский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 309 с.

347. Шафилов, С. Г. Некоторые аспекты изучения тематических групп лексики [Текст] / С. Г. Шафилов // Семантические и прагматические аспекты анализа основных языковых единиц. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1982. – С. 90–101.

348. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка [Текст] / А. А. Шахматов. – Л.: Наркомпроса РСФСР, 1941. – 138 с.

349. Шевчук, В. Н. Производные военные термины в английском языке: Аффиксальное словопроизводство [Текст] / В. Н. Шевчук. – М.: Воениздат, 1983. – 231 с.

350. Шевчук, В. Н. Универбация как способ формального варьирования термина [Текст] / В. Н. Шевчук // Словосочетания и сложные слова в терминосистемах и литературной норме. – Владивосток: ДВКЦАН СССР, 1984. – С. 82–87.

351. Шеллов, С. Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы: К проблеме классификации специальной лексики [Текст] / С. Д. Шеллов // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 76–87.

352. Шеллов, С. Д. Об определении лингвистических терминов (Опыт типологии и интерпретации) [Текст] / С. Д. Шеллов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 21–31.

353. Шеллов, С. Д. Определение терминов и понятийная структура терминологии [Текст] / С. Д. Шеллов. – СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 1998. – 234 с.

354. Щеколдина, Л. В. Комплексный сопоставительный анализ английской и русской офтальмологической лексики [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Л. В. Щеколдина. – М., 2006. – 216 с.

355. Шмелёв, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале

русского языка) [Текст] / Д. Н. Шмелёв. – М. : Наука, 1973. – 280 с.

356. Шомахова, Т. М. Структурно-семантическая парадигма имени в разносистемных языках [Текст] / Т. М. Шомахова – Институт языкознания РАН, 2002. – 242 с.

357. Юдина, Н. В. Атрибутивная валентность релятивных существительных (на материале терминов родства) [Текст] / Н. В. Юдина. – Владимир: Посад, 2000. – 118 с.

358. Юшкова, С. О. Реципрокальні дієслова та їх конструкції у німецькій та українській мовах [Текст]: автореф. дис. ...канд. філол. наук: 10.02.17 / С. О. Юшкова. – Донецьк, 2013. – 22 с.

359. Яковлюк, А. Н. Семантические аспекты взаимодействия простых многозначных и сложных однозначных слов современного немецкого языка [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / А. Н. Яковлюк. – Уфа, 2010. – 54 с.

360. Яровая, Л. В. Русская морская терминология судовождения [Текст]: монография / Л. В. Яровая. – Одесса: Фенікс, 2005. – 200 с.

361. Яровая, Л. В. Шляхи формування російської морської термінології судноводіння [Текст] / Л. В. Яровая // Ономастика і апелятиви: зб. наук. пр. – Дніпропетровськ: ДДУ, 2000. – Вип. 10. – С. 181–194.

362. Яровая, Л. В. Терминосистема морского судовождения в научной и языковой модели мира [Текст] / Л. В. Яровая // Актуальні проблеми менталінгвістики: наук. зб. – Черкаси: Брама, 1999. – С. 236–238.

363. Ярцева, В. Н. О сопоставительном методе изучения языков [Текст] / В. Н. Ярцева // Филологические науки. – 1960. – № 1. – С. 3–14.

364. Antia, B. E. Agenda for fundamental research in terminology: bridging the east-west divide Text [Text] / B. E. Antia // Terminology science and research. – 2003. – Vol. 14. – P. 102–111.

365. Arntz, R. Einführung in die Terminologearbeit [Text] / R. Arntz, H. Picht. – Hildshum, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 1991. – Bd. 2. – 344 S.

366. Ball, A. M. Compounding in the English language [Text] / A.M. Ball. – New

York: H.W.Wilson Company, 1971. – 226 p.

367. Bauer, L. English word-formation [Text] / L. Bauer // Cambridge university press. – Cambridge, 1983. – 313 p.

368. Behaghel, O. Die deutsche Sprache [Text] / O. Behaghel. – Halle (Saale): Niemeyer, 1968. – 316 S.

369. Brekle, H. E. Reflektions on the Conditions for Coining, Use and Understanding on Nominal Compounds [Text] / H. E. Brekle // Proceedings of the 12-th International Congress of Linguists. – Innsbruck, 1978. – P. 68–77.

370. Brinkmann, H. Sprache-Schlüssel zur Welt [Text] / H. Brinkmann. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1959. – 118 S.

371. Cabré, M. T. Theories of Terminology. Their Description, Prescription and Explanation Text [Text] / M. T. Cabre // Terminology. 2003. – № 9 (2). – P. 163–200

372. Engel, U. Deutsche Grammatik [Text] / U. Engel. – Heidelberg: Groos; Tokyo: Sansyusya Publ., 1988. – 888 S.

373. Evans, V. Cognitive Linguistics: An Introduction [Text] / V. Evans, M. Green. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.

374. Faber, B. P. The Cognitive Shift in Terminology and Specialized Translation [Text] / B. P. Faber // MonTI. Monografas de Traduccin e Interpretacin. 2009. – № 1. – P. 107–134.

375. Felber, H. Terminology manual [Text] / H. Felber. – Paris: UNESCO, INFOTERM, 1984. – 426 p.

376. Fillmore, C. J. The Case for Case [Text] / C. J. Fillmore // Grammatical Relations. – N.Y. etc., 1977. – P. 59–81.

377. Fillmore, C. J. Verbs of Judging: An Exercise in Semantic Description [Text] / C. J. Fillmore // Studies in Linguistic Semantics. – N.Y.etc., 1971 – P. 273–290.

378. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache [Text] / W. Fleischer. – 2. Auflage. – Leipzig, 1971. – 318 S.

379. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache [Text] / W. Fleischer, I. Barz. – Tübingen, 1995. – 375 S.

380. Ginzburg, R. S. A Course in Modern English Lexicology [Text] /

R. S. Ginzburg, S. S. Khidekel, G. Y. Knyazeva, A. A. Sankin. – M.: Vysshaya shkola, 1979. – 269 p.

381. Grimm, J. Sprache. Wissenschaft. Leben [Text] / J. Grimm. – Stuttgart: Philipp Reclam, 1965 – 88 S.

382. Harris, Z. Structural Linguistics [Text] / Z. Harris. – Chicago – London: Phoenix Books, 1960. – 384 p.

383. Henzen, W. Deutsche Wortbildung [Text] / W. Henzen. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1965. – 314 S.

384. Herbst, T. Terminologie der Sprachbeschreibung [Text] / T. Herbst, R. Stoll, R. Westermayer. – Ismaning: Hueber Verlag, 1991. – 300 S.

385. Hoffmann, L. Kommunikationsmittel Fachsprache. Eine Einführung [Text] / L. Hoffmann. – Berlin: Akad. Verl., 1976. – 498 S.

386. Horst, H. Kulturelle Selbstbehauptung oder Wo bleibt die deutsche Sprache? [Text] / H. Horst // Deutsche Terminologie im internationalen Wettbewerb. Hrsg. von F. Mayer unter Mitarbeit von D. Egger. – Köln, 1999. – S. 67–80.

387. Hundt, M. Modellbildung in der Wirtschaftssprache: Zur Geschichte der Institutionen- und Theoriefachsprachen der Wirtschaft [Text] / M. Hundt. – Tübingen: Niemeyer Verlag, 1995. – 328 S.

388. Jespersen, O. A Modern English Grammar on historical principles. Part IV. Morphology [Text] / O. Jespersen. – London: G. Allen & Unwin. – Copenhagen: K. Munbesgaard, 1954. – 470 p.

389. Kaliuščenko, V. D. Typologie denominaler Verben [Text] / V. D. Kaliuščenko. – Tübingen: Niemeyer, 2000. – 253 S. (Linguistische Arbeiten; Bd. 419).

390. Kühnhold, I. Deutsche Wortbildung. Das Adjektiv [Text] / I. Kühnhold, O. Putzer, H. Wellman. – Düsseldorf, 1978. – 296 S.

391. Kürschner, W. Zur syntaktischen Beschreibung deutscher Nominalkomposita. Auf der Grundlage der generativen Transformationsgrammatiken [Text] / W. Kürschner. – Tübingen, 1974. – 116 S.

392. Leve, J. The Syntax and Semantics of Complex Nominals [Text] / J. Leve. – USA, 1978. – 301 p.

393. Marchand, H. The Categories and Types of Present-day English Wordformation. A Synchronic-Diachronic Approach [Text] / H. Marchand. – München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1969. – 156 p.

394. Marchand, H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation [Text] / H. Marchand. – Wiesbaden, 1960. – 379 p.

395. Maurais, J. Terminology and language planning [Text] / J. Maurais // Terminology: Applications in interdisciplinary communication. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. – P. 112–125.

396. Niederbäumer, A. German Terminology of banking: linguistic methods of description and implementation of a program for term extraction [Text] / A. Niederbäumer. – Zurich, 2000. – 84 S.

397. Ortner, L. Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen) [Text] / L. Ortner, E. Müller-Bollhagen. – Berlin; New York: de Gruyter, 1991. – 863 S.

398. Paul, H. Deutsche Grammatik. Wortbildungslehre [Text] / H. Paul. – VEB Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1957. – Bd. V. – 143 S.

399. Picht, H. Terminology: An Introduction [Text] / H. Picht, J. Drascau. – Surrey: University of Surrey, 1985. – 265 p.

400. Reinhart, S. Terminologie und Einzelsprache [Text] / S. Reinhart. – Frankfurt am Main: Verlag Peter Lang, 1996. – 230 S.

401. Sager, J. C. A Practical Course in Terminology Processing / J. C. Sager. Amsterdam: Benjamins, 1990. – 254 p.

402. Schippan, T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache [Text] / T. Schippan. – Tübingen: Max Niemeyer, 1992. – 307 S.

403. Schulz, M. Terminologie als wirtschaftlicher Faktor [Text] / M. Schulz. – Abtsgmünd: M. Schulz, 2003. – 64 S.

404. Schulze, E. Terminus, Eigenschaften und Wesen sowie Abgrenzung von anderen Lexemarten [Text] / E. Schulze // Sprache in Wissenschaft und Technik. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1978. – S. 173–189.

405. Sweet, H. New English Grammar. Logical and Historical [Text] / H. Sweet. –

London: Oxford University Press, 1930. – 499 p.

406. Vogel, R. Synonymy and polysemy in accounting terminology: fighting to avoid inaccuracy [Text] / R. Vogel // *Skase Journal of Translation and interpretation*, 2008. – № 1 (Vol. 3). – P. 91–102.

407. Walther, H. Namenkunde und geschichtliche Landeskunde [Text] / H. Walther. – Heft 2. Erläuterung namenkundlicher Fachbegriffe. – Leipzig, 1998. – 137 S.

408. Weigand, E. Contrastive Lexical Semantics [Text] / E. Weigand. – Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1998. – 270 p.

409. Wellmann, H. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache [Text] / H. Wellmann. – 2. Hauptteil. Das Substantiv. – Düsseldorf: Schwann, 1975. – 654 S.

410. Wilmanns, W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch [Text] / W. Wilmanns. – 2. unveränd. Aufl. – Berlin; Leipzig: de Gruyter, 1930. – 2. Abteilung: Wortbildung. – 671 S.

411. Wüster, E. Einführung in die Allgemeine Terminologielehre und terminologische Lexikographie [Text] / E. Wüster. – 3. Aufl. – Bonn: Romanistischer Verlag, 1991. – 239 S.

412. Wüster, E. International Activity in Terminology: 75 years of Research foundations and Challenge for the Rest of the Century [Text] / E. Wüster // *Infoterm*. Munich. – 1976. – Ser. 3. – P. 32–40.

413. Wüster, E. Internationale Sprachnormung in der Technik, besonders in der Elektronik [Text] / E. Wüster. – Berlin, 1931. – 431 S.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

414. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М.: Совет. энцикл., 1966. – 608 с.
415. Бабик, С. П. Словник іншомовних слів: тлумачення, словотворення та слововживання [Текст] / С. П. Бабик. – Харків: Прапор, 2012. – 623 с.
416. Большой энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. М. А. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклоп.; СПб.: Норинт, 2000. – 1456 с.
417. Большой немецко-русский словарь [Текст]: в 3-х т. / сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др.; под общ. ред. О. И. Москальской. – М.: Рус. яз., 1997. – Т. 1. – 760 с.; Т. 2. – 680 с.; Т. 3. – 365 с.
418. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М.: ЭКСМО, 2004. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/>.
419. Габдреева, Н. В. Словарь композитов русского языка новейшего периода [Текст] / Н. В. Габдреева, М. Т. Гурчиани. – М.: Флинта, Наука, 2012. – 280 с.
420. Ганич, Д. І. Словник лінгвістичних термінів [Текст] / Д. І. Ганич, І. С. Олійник. – К.: Вища шк., 1985. – 360 с.
421. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. [Текст] / В. И. Даль; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ; науч. ред. Л. В. Беловинский. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.
422. Етимологичний словник української мови [Текст]: у 7-х т. / уклад. О. С. Мельничук, І. К. Білодід та ін. – К.: Наукова думка, 1982. – Т. I. – 634 с.; 1985. – Т. II. – 573 с.; 1989. – Т. III. – 553 с.; 2003. – Т. IV. – 657 с.; 2006. – Т. V. – 705 с.
423. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – СПб., 2000. – Режим доступа: <http://slovari.gramota.ru/>.
424. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

425. Маковский, М. М. Историко-этимологический словарь современного английского языка [Текст] / М. М. Маковский. – М.: Издательский дом "Диалог", 1999. – 416 с.

426. Морской энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Словарь морских терминов: в 2-х т. / под ред. Академика Н. Н. Исанина. – Т. 2. – Режим доступа: <http://www.korabel.ru/dictionary/detail/1227.htm>.

427. Немченко, В. Н. Основные понятия словообразования в терминах: Крат, словарь-справочник [Текст] / В. Н. Немченко. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 204 с.

428. Новейшая философская энциклопедия [Текст]: в 4-х т. / Ин-т философии РАН; Нац. общественно-науч. фонд; Научно-ред. Совет; предс. В. С. Стёпин и др. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3. – 692 с.

429. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1990. – Режим доступа: <http://www.slovorod.ru/dicozhegov/index.html>.

430. Поваляев, Г. Н. Англо-русский толковый словарь морских терминов [Текст] / Г. Н. Поваляев. – М.: Космосинформ, 1997. – 214 с.

431. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

432. Русская грамматика [Текст]: в 2-х т. / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Ицкович и др. – Москва: Наука, 1982. – Т. 2: Синтаксис. – 709 с.

433. Русский язык. Энциклопедия [Текст] / под ред. Ф. П. Филина. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.

434. Словарь греко-латинских терминоэлементов (этимологический справочник) [Электронный ресурс] / А. М. Гордов. – 1998–2016. – Режим доступа: http://algor2csml.narod.ru/t_elem02.html#m/.

435. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка [Текст] / под рук. М. Д. Степановой. – М.: Русский язык, 1979. – 536 с.

436. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка [Текст]: в 2-х т. / А. Н. Тихонов. – М.: Русск. яз., 1985. – Т. I. – 855 с.; Т. 2. – 886 с.

437. Українська мова [Текст]: енциклопедія / редкол. В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін. – 2-ге вид., випр. і доп. – К.: вид-во «Укр. енцикл.» ім. М. П. Бажана, 2004. – 824 с.

438. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – Режим доступа: <http://www.vasmer.slovaronline.com/>.

439. Cambridge International Dictionary of English [Text] / P. Procter (ed.). – Cambridge University Press, 2001. – 1774 p.

440. Collins Cobuild English Language Dictionary [Text] / J. Sinclair (ed.). – London, Glasgow: The University of Birmingham, Collins Publishers, 1990. – 1703 p.

441. Duden. Das Fremdwörterbuch, 5., neu bearb. u. erw. Auflage. [Text] / hrsg. von der Dudenredaktion. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, Dudenverlag, 1990. – 832 S.

442. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache [Text]. – 4., neu bearbeitete Auflage. – Mannheim-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2007. – Bd. 7 – 960 S.

443. Duden. Das Bedeutungswörterbuch [Text]. – 4., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. – MannheimZürich: Dudenverlag, 2010. – Bd. 10 – 1151 S.

444. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache [Text] / F. Kluge. – Berlin, 1995. – 556 S.

445. Merriam-Webster: dictionary and thesaurus [Electronic resource]. – Available at: <http://www.merriam-webster.com/>.

446. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Available at: <http://www.etymonline.com>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

447. Водний транспорт України [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wikiwand.com>.
448. Лысенко, В. А. Современный англо-русский морской технический словарь [Текст] / В. А. Лысенко. – Киев: ООО «ИП Логос», 2005. – 608 с.
449. Морская биржа [Текст]. – 2011. – № 4 (38). – С. 4–47
450. Морская биржа [Текст]. – 2004. – № 9. – С. 3–51
451. Морський транспорт. Святове господарство [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.subject.com.ua/geographic/geo/823.html>.
452. Розвиток и розміщення суднобудування в світі [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.refine.org.ua/pageid-5705-8.html>.
453. Роль і місце суднобудування системі соціально- економічного розвитку України [Електронний ресурс]. –Режим доступа: <http://corporate.interlegal.com.ua/>.
454. Російсько-український словник термінів з суднобудування = Русско-украинский словарь терминов по судостроению [Текст] / В. І. Батовкін, Б. А. Бугаєнко, Л. М. Дихта, С. І. Жигуліна, Ю. П. Кондратенко. – Миколаїв: Український держ. морський технічний ун-т ім. Макарова, 1999. – 204 с.
455. Російсько-український словник морської термінології з англійськими відповідниками [Текст] / Л. М. Торшина [та ін.]; наук. ред. Н. М. Неровня. – К.: Видавничий дім "KM Academia", 2000. – 281 с.
456. Російсько-український словник термінів з суднобудування [Текст] / В. І. Батовкін [та ін.]; ред. О. И. Кротов. – Миколаїв: Український держ. морський технічний ун-т ім. Макарова, 1999. – 204 с.
457. Суднобудування в Україні (2007 р.) [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrexport.gov.ua/ukr/prom/ukr/28.html>.
458. Судостроение 2003 [Текст]. – Вып. 1 (746) – 30 с.
459. Судостроение 2005 [Текст]. – Вып. 5 (762). – 22 с.
460. Судостроение 2006 [Текст]. – Вып. 4 (767). – 22 с.
461. Судостроение 2007 [Текст]. – Вып. 3 (772). – 30 с.
462. Судостроение 2009 [Текст]. – Вып. 2 (783). – 32 с.

463. Тлумачний англо-російсько-український словник транспортних термінів: морський, річковий, інтермодальний, автодорожний, залізничний, трубопровідний транспорт [Текст]. – Одеса: Одеськ. нац. мор. ун-т, 2007. – 286 с.

464. Шарков, В. А. Немецко-русский словарь по судостроению и судоходству: Ок. 40 000 терминов [Текст] / В. А. Шарков, А. Е. Эдельберг. – М.: РУССО, 1995. – 640 с

465. Articles about Shipbuilding – Latimes [Electronic resource]. – Available at: <http://articles.latimes.com/keyword/shipbuilding>.

466. Boats, yard, pools, trading in UAE/ [Electronic resource]. – Available at: www.riviera.ae.

467. CAD-CAM Report [Text]. – 2003. – №1 – S. 1–5.

468. Meridian Marine Industries Inc. [Electronic resource]. – Available at: www.meridianmarine-inc.com.

469. Sea Technology, 2004 [Text]. – February. – S. 5–100.

470. Schiff &Hafen/Seewirtschaft, 1990 [Text]. – Heft 9 – S. 60–64.

471. Schiff &Hafen/Seewirtschaft, 1990 [Text]. – Heft 10 – S. 32–73.

472. Schiff &Hafen/Seewirtschaft, 1990 [Text]. – Heft 11 – S. 20–46.

473. Schiff &Hafen/Seewirtschaft, 2009 [Text]. – Heft 12 – S. 21–45.

474. Schiff &Hafen [Electronic resource]. – Available at: <http://www.seehafen-verlag.de/>.

475. Schifffahrt online [Electronic resource]. – Available at: <http://www.schifffahrtonline.de/Archiv%202010/SchifffahrtonlineJuli2010N7smart.pdf>.

476. Small craft 1983 [Text]. – № 7, January –December. – S. 30-51.

477. Small craft, 1985 [Text]. – №11, December. – S. 75–77.

478. Small craft, 1987 [Text]. – № 18, September. – S. 82–109.

479. Small Craft, 1987 [Text]. – № 19, December. – S. 135–146.

480. Verein der Schiffs-Ingenieure zu Hamburg e.V., Verein der Schiffsingenieure zu Rostock e.V. und Wieland, Bremerhaven [Text]. – Heft 4 – Juli / August 2010. – S. 3–2.

481. Your shipbuilding news [Electronic resource]. – Available at: <http://yourshipbuildingnews.com/>.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица 1

Аффиксальные типы СТК в английском, немецком, русском и украинском языках (%)

Аффиксальные типы СТК	Языки			
	Английский	Немецкий	Русский	Украинский
1. Суффиксальные СТК	209 ед. (94, 1)	130 ед. (72,6)	145 ед. (91,7)	104 ед. (93,3)
2. Префиксальные СТК	13 ед. (5,9)	45 ед. (25,6)	10 ед. (6,3)	7 ед. (5,8)
3. Префиксально-суффиксальные СТК	–	1 ед. (1,8)	3 ед. (2)	1 ед. (0,9)
Всего:	222 ед. (100)	176 ед. (100)	158 ед. (100)	112 ед. (100)

Таблица 2

Продуктивность суффиксальных СТК, производящих основ и суффиксов в английском, немецком, русском и украинском языках, (%)

Производящие основы суффиксальных СТК	Языки			
	Английский	Немецкий	Русский	Украинский
1. Отглагольные основы	116 ед. (55, 5)	112 ед. (86,2)	105 ед. (72,4)	74 ед. (67,8)
Количество суффиксов	8	8	12	15
2. Субстантивные основы	77 ед. (36,8)	12 ед. (9,2)	29 ед. (20)	22 ед. (25)
Количество суффиксов	10	6	8	15
3. Адъективные основы	16 ед. (7,7)	6 ед. (4,6)	11 ед. (7,6)	8 ед. (7,2)
Количество суффиксов	5	2	6	2
Всего СТК:	209 ед. (100)	130 ед. (100)	145 ед. (100)	104 ед. (100)
Всего суффиксов:	23	16	26	32

Таблица 3

**Аббревиатурные типы СТК в немецком, английском,
русском и украинском языках**

Типы СТК- аббревиатур	Языки			
	Английский	Немецкий	Русский	Украинский
1. Составные аббревиатуры	3 ед.	2 ед.	—	—
2. Сложносоставные аббревиатуры	5 ед.	46 ед.	32 ед.	20 ед.
3. Инициальные аббревиатуры	8 ед.	1 ед.	5 ед.	1 ед.
Всего:	16 ед.	49 ед.	37 ед.	21 ед.

Таблица 4

Структурные типы немецких детерминативных СТК-композигов

Структурные типы двухкомпонентных СТК- композигов	Пример	Количество
N+N	<i>die Bordhöhe</i> ‘высота борта’, <i>der Schiffstyp</i> ‘тип судна’, <i>die Bodenzelle</i> ‘отсек двойного дна’	877 ед. (73,5)
V+N	<i>der Sammelplatz</i> ‘сборочная площадка’, <i>das Wohndeck</i> ‘жилая палуба’, <i>der Tragflügel</i> ‘подводное крыло’	141 ед. (11,9)
Adj+N	<i>der Schnellläufer</i> ‘быстроходное судно’, <i>die Leertonnage</i> ‘эксплуатируемый [отстойный] тоннаж, суда вне эксплуатации’	139 ед. (11,5)
Adv+N	<i>der Querbalken</i> ‘поперечная балка’ <i>der Außenboden</i> ‘днище’, <i>der Linkspropeller</i> ‘гребной винт левого вращения’	30 ед. (2,6)
PN+N	<i>der Danforth-Anker</i> ‘якорь Данфорта’, <i>das Flettner-Ruder</i> ‘руль Флетнера’	7 ед. (0,5)
Всего:		1 194 ед. (100)

Таблица 5

Структурные типы СТК-трикомпозигов в немецком языке, (%)

Структурные типы СТК-трикомпозигов	Пример	Количество (%)
1. N+N+N	<i>die Deck/haus//etage</i> ‘ярус рубки’	227 ед. (44)
2. Adj+N+N	<i>Frei/bord//deck</i> ‘палуба надводного борта’	110 ед. (21,2)
3. V+N+N	<i>die Trag/flügel//kante</i> ‘кромка подводного крыла’	49 ед. (9,4)
4. N+V+N	<i>die Feuer/schutz//tür</i> ‘противопожарная дверь’	38 ед. (7,3)
5. Num+N+N	<i>der Zwanzig-Fuß-Container</i> ‘двадцатифутовый контейнер’	22 ед. (4,2)
6. Adv+N+N	<i>die Binnen/schiff//stonnage</i> ‘тоннаж судов внутреннего плавания’	20 ед. (3,8)
7. N+Adv+N	<i>die Boden//quer/bespannung</i> ‘поперечный днищевый набор’	17 ед. (3,3)
8. N+Adj+N	<i>die Schiff//saußen/haut</i> ‘внешняя обшивка судна’	12 ед. (2,3)
9. Pr+N+N	<i>die Zwischen/deck//treppe</i> ‘междупалубный(наклонный) трап’	7 ед. (1,3)
10. Adj+Adj+N	<i>die Tief//kühl/kammer</i> ‘камера глубокого охлаждения’	4 ед. (0,7)
11. V+Adj+N	<i>das Bau//trocken/dock</i> ‘сухой судостроительный док’	3 ед. (0,5)
12. Adj+V+N	<i>der Trocken//lade/raum</i> ‘сухогрузный трюм’	3 ед. (0,5)
13. PN+N+N	<i>Fletter-Rotoren-System</i> ‘роторная система Флетнера’	2 ед. (0,3)
14. Adv+V+N	<i>die Netto//trag/fähigkeit</i> ‘чистая грузопместимость (судна)’	1 ед. (0,1)
Всего:		515 ед. (100)

Таблица 6

Типы СТК-компози́тов в немецком языке, (%)

№	Типы компози́тов	Пример	Количество (%)
1.	Двухкомпонентные СТК	<i>das Abgas/system, das Bau/dock, das Beton/schiff</i>	1196 ед. (64,5)
2.	Трехкомпонентные СТК	<i>der Alluminium/schiff/s/körper, das Bord/lade/geschirr, das Vier/deck/schiff</i>	515 ед. (27,7)
3.	Четырехкомпонентные СТК	<i>der Block/sektion/montage/platz, das Maschine/n/raum/front/schott, das Schiff/s/neu/bau/programm</i>	130 ед. (7,2)
4.	Пятикомпонентные СТК	<i>der Bug/heiz/öl/tief/tank, die Speise/wasser/doppel/boden/zelle</i>	10 ед. (0,5)
5.	Шестикомпонентные СТК	<i>die Dreiinsel-Schiffskörpermontagemethode</i>	2 ед. (0,1)
	Всего:		1853ед. (100)

Таблица 7

Структурные типы СТК-компози́тов английского языка, (%)

Структурные типы СТК-трикомпози́тов	Пример	Количество (%)
1. N+N	<i>deckhouse</i> ‘(палубная) рубка’	65 ед. (49,5)
2. Adj+N	<i>freeboard</i> ‘надводный борт или высота надводного борта’	27 ед. (20,4)
3. V+N	<i>flyboat</i> ‘быстроходное судно или плоскодонное каботажное судно’	18 ед. (13,5)
4. SW +N	<i>LPG (liquefied petroleum gas) tanker</i> ‘судно (газовоз) для перевозки сжиженных газов’	18 ед. (13,5)
5. Adv+N	<i>downtank</i> ‘сборный танк’	2 ед. (1,4)
6. Num +N	<i>one-decker</i> ‘однопалубное судно’	1 ед. (0,7)
Всего:		131 ед. (100)

Таблица 8

Типы СТК-композигов в английском, немецком, русском и украинском языках (%)

Типы СТК-композигов	Языки			
	Английский	Немецкий	Русский	Украинский
1. Двухкомпонентные СТК	131 ед. (100)	1196 ед. (64,5)	104 ед. (86,2)	62 ед. (94)
2. Трехкомпонентные СТК	—	515 ед. (27,7)	5 ед. (13,8)	4 ед. (6)
3. Четырехкомпонентные СТК	—	130 ед. (7,2)	—	—
4. Пятикомпонентные СТК	—	10 ед. (0,5)	—	—
5. Шестикомпонентные СТК	—	2 ед. (0,1)	—	—
Всего:	131 ед. (100)	1853 (100)	109 ед. (100)	66 ед. (100)

Таблица 9

Структурные типы двухкомпонентных СТК-словосочетаний в английском, немецком, русском и украинском языках (%)

Структурный тип	Языки			
	Английский	Немецкий	Русский	Украинский
1. N+N	1011 ед. (62,2)	15 ед. (20,3)	272 ед. (27,3)	291 ед. (31)
2. Adj+N	533 ед. (32,8)	54 ед. (79,7)	716 ед. (72,3)	640 ед. (68,3)
3. Adv+N	48 ед. (2,9)	—	5 ед. (0,4)	5 ед. (0,7)
4. V+N	23 ед. (1,4)	—	—	—
5. PN+N	12 ед. (0,7)	—	—	—
Всего:	1627 ед. (100)	69 ед. (100)	993 ед. (100)	936 ед. (100)

Таблица 10

Структурные типы многокомпонентных СТК-словосочетаний в английском, немецком, русском и украинском языках

Структурный тип СТК-словосочетаний	Языки			
	Английский	Немецкий	Русский	Украинский
1. Трехкомпонентные СТК-словосочетания	298 ед.	12 ед.	299 ед.	382 ед.
1.1. N+N+N	150 ед.	—	67 ед.	105 ед.
1.2. N+A+N	12 ед.	1 ед.	76 ед.	133 ед.
1.3. A+N+N	113 ед.	—	32 ед.	29 ед.
1.4. A+A+N	11 ед.	—	43 ед.	39 ед.
1.5. N+A+A	—	—	38 ед.	36 ед.
1.6. N+N+A	—	—	37 ед.	36 ед.
1.7. A+N+A	—	—	3 ед.	4 ед.
1.8. Adv+N+N	12 ед.	—	—	—
1.9. N+N+Adv	—	—	1 ед.	—
1.10. N+Adj+Adv	—	—	1 ед.	—
1.11. N+Adv+Adj	—	—	1 ед.	—
1.12. N+Pr+Adj+N	—	6 ед.	—	—
1.13. Pr+N+Adj+N	—	3 ед.	—	—
1.14. N+Pr+N+Adv	—	1 ед.	—	—
1.15. NW+Adj+N	—	1 ед.	—	—
2. 4-компонентные СТК-словосочетания	64 ед.	2 ед.	65 ед.	49 ед.
2.1. N+N+N+N	8 ед.	—	8 ед.	11 ед.
2.2. N+N+A+N	—	—	12 ед.	9 ед.
2.3. N+A+N+N	—	—	3 ед.	5 ед.
2.4. N+A+A+N	—	—	7 ед.	6 ед.
2.5. N+A+N+A	—	—	2 ед.	2 ед.
2.6. A+A+N+N	—	—	7 ед.	3 ед.
2.7. N+N+N+A	—	—	5 ед.	10 ед.
2.8. A+N+N+N	55 ед.	—	7 ед.	3 ед.
2.9. A+N+A+N	—	—	13 ед.	—
2.10. A+A+A+N	—	—	1 ед.	—
2.11. Adv+A+N+N	1 ед.	—	—	—
2.12. N+Pr+N+Pr+Adj+N	—	1 ед.	—	—
2.13. N+Pr+Adj+PII+N	—	1 ед.	—	—
3. Пятикомпонентные СТК-словосочетания	8 ед.	—	1 ед.	2 ед.
Всего:	370 ед.	14 ед.	365 ед.	433 ед.

**СТК-заимствования в английском, немецком,
русском и украинском ед., (%)**

Языки– источники	Сопоставляемые языки			
	Украинский	Русский	Английский	Немецкий
Английский	46 (24,1)	53 (30,3)	–	15 (34)
Голландский	42 (22)	50(28,7)	2 (2)	11 (25)
Русский	32 (16,6)	–	–	–
Французский	30 (15,5)	31 (17,7)	59 (60,2)	8 (18,2)
Немецкий	24 (12,5)	17 (9,7)	4 (4,2)	–
Латинский	15 (7,8)	18 (10,3)	18 (18,3)	8 (18,2)
Польский	2 (1)	4(2,3)	–	–
Итальянский	1 (0,5)	–	–	1 (2,3)
Греческий	–	2 (1)	–	–
Норвежский	–	–	13 (13,3)	–
Португальский	–	–	1 (1)	–
Испанский	–	–	1 (1)	–
Ирландский	–	–	–	1 (2,3)
Всего:	192 ед. (100)	175 ед. (100)	98 ед. (100)	44 ед. (100)

Способы и пути образования СТК в английском, немецком, русском и украинском языках

№	Способ образования СТК	Количество СТК			
		Англ.	Нем.	Рус.	Укр.
1.	Корневые СТК	86 ед. (3,1%) VI	36 ед. (1,4%) VII	33 ед. (1,5%) VII	25 ед. (1,3%) VI
2.	Аффиксальный способ образования СТК	222 ед. (7,8%) III	176 ед. (6,8%) III	158 ед. (7,4%) IV	112 ед. (5,4%) IV
2.1.	Суффиксальные СТК	209 ед.	130 ед.	145 ед.	104 ед.
2.2.	Префиксальные СТК	13 ед.	45 ед.	10 ед.	7 ед.
2.3.	Префиксально–суффиксальные СТК	–	1 ед.	3 ед.	1 ед.
3.	Конверсия	24 ед. (0,8%) VII	11 ед. (0,3%) X	–	–
4.	Аббревиация	16 ед. (0,5%) IX	49 ед. (1,9%) V	36 ед. (1,7%) V	21 ед. (1%) VII
5.	Словосложение	131 ед. (4,7%) IV	1853 ед. (70,3%) I	109 ед. (5,2%) V	66 ед. (3,2%) V
5.1.	Двухкомпонентные СТК–компози́ты	131 ед.	1196 ед.	104 ед.	62 ед.
5.2.	Трехкомпонентные СТК–компози́ты	–	515 ед.	5 ед.	4 ед.
5.3.	Четырехкомпонентные СТК–компози́ты	–	130 ед.	–	–
5.4.	Пятикомпонентные СТК–компози́ты	–	10 ед.	–	–
5.5.	Шестикомпонентные СТК–компози́ты	–	2 ед.	–	–
6.	Сложнопроизводные СТК	21 ед. (0,7%) VIII	17 ед. (0,6%) IX	21 ед. (0,9%) VIII	20 ед. (0,9%) VIII

7.	Синтаксический способ образования СТК	1997 ед. (70,6%) I	83 ед. (3,3%) IV	1358 ед. (63,4%) I	1369 ед. (66,2%) I
7.1.	Двухкомпонентные СТК–словосочетания	1627 ед.	69 ед.	993 ед.	936 ед.
7.2.	Трехкомпонентные СТК–словосочетания	298 ед.	12 ед.	299 ед.	382 ед.
7.3.	Четырехкомпонентные СТК–словосочетания	64 ед.	2 ед.	65 ед.	49 ед.
7.4.	Пятикомпонентные СТК–словосочетания	8 ед.	–	1 ед.	2 ед.
8.	Семантическая деривация	237 (8,4%) II	324 (12,4%) II	233 (10,9%) II	246 (11,9%) (II)
8.1.	Метафорически переосмысленные СТК	120 ед.	129 ед.	131 ед.	141 ед.
8.2.	Метонимически переосмысленные СТК	117 ед.	195 ед.	102 ед.	105 ед.
9.	Заимствование	98 ед. (3,4%) V	44 ед. (1,7%) VI	175 ед. (8,1%) III	192 ед. (9,3%) III
10.	Безаффиксные СТК	–	35 ед. (1,3%) VIII	19 ед. (0,8%) IV	18 ед. (0,8%) IV
	Всего:	2 832 ед. (100%)	2 628 ед. (100%)	2 143 ед. (100%)	2 069 ед. (100%)

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Таблица 1

**Тематические группы СТК
в немецком, английском, украинском и русском языках (%)**

Тематические группы СТК	Нем.	Англ.	Укр.	Рус.
1. Конструктивные элементы и части корпуса судна	614 ед. (23,5) I	917 ед. (32,5) I	500 ед. (24,2) I	529 ед. (24,7) I
2. Типы и виды судов	440 ед. (16, 9) II	467 ед. (16,5) II	189 ед. (9,2) V	135 ед. (6,3) VI
3. Процессы кораблестроения	438 ед. (16) III	142 ед. (5) VII	340 ед. (16,5) II	372 ед. (17,4) II
4. Секции и помещения судна	257 ед. (9,8) IV	374 ед. (13,3) III	98 ед. (4,8) VII	73 ед. (3,5) VIII
5. Предметы и процессы, связанные с обшивкой и покраской судна	198 ед. (7,6) V	146 ед. (5,2) VI	40 ед. (1,9) XI	61 ед. (2,9) IX
6. Судовое и палубное оборудование	198 ед. (7,6) V	351 ед. (12,3) IV	309 ед. (14,9) III	233 ед. (10,9) IV
7. Характеристика судна	176 ед. (6,7) VI	239 ед. (8,4) V	241 ед. (11,6) IV	331 ед. (15,4) III
8. Технические средства судна	119 ед. (4,5) VII	49 ед. (1,7) IX	48 ед. (2,3) X	38 ед. (1,7) XI
9. Предметы и процессы, связанные с вентиляционной системой и системой трубопроводов	83 ед. (3,5) VIII	40 ед. (1,4) X	59 ед. (2,8) IX	50 ед. (2,3) X
10. Энергетические установки судна	44 ед. (1,6) IX	66 ед. (2,3) VIII	141 ед. (6,8) VI	222 ед. (10,3) V
11. Предметы и процессы, связанные с испытанием судна	37 ед. (1,4) X	4 ед. (0,1) XII	10 ед. (0,5) XII	13 ед. (0,6) XII
12. Технические системы судна	24 ед. (0,9) XI	37 ед. (1,3) XI	94 ед. (4,5) VIII	86 ед. (4) VII
Всего:	2 628 (100)	2 832 (100)	2 069 (100)	2 143 (100)

Таблица 2

**Количественное распределение структурных типов ТК в германских
и славянских языках**

№ п/п	Структурные типы ТК	Немецкий	Английский	Русский	Украинский
1.	СТК-композицы	1 853 ед. (95,8 %)	131 ед. (6,2 %)	109 ед. (7,5 %)	66 ед. (4,6%)
2.	СТК- словосочетания	83 ед. (4,2 %)	1997 ед. (93,8 %)	1358 ед. (92,5%)	1369 ед. (95, 4 %)
2.1.	2-компонентные СТК – словосочетания	69 ед. (92,1 %)	1627 ед. (81,4 %)	993 ед. (73,1 %)	936 ед. (68,3%)
2.2.	3-компонентные СТК – словосочетания	12 ед. (6,7%)	298 ед. (14,9%)	299 ед. (22%)	382ед. (27,9%)
2.3.	4-компонентные СТК -словосочетания	2 ед. (1,1%)	64 ед. (3,2%)	65 ед. (4,7%)	49 ед. (3,5%)
2.4.	5-компонентные СТК- словосочетания	–	8 ед. (0,4%)	1 (0,09%)	2 ед. (0,15%)
	Всего:	1936 ед. (100%)	2128 ед. (100%)	1467 ед. (100%)	1435ед. (100%)

Таблица 3

Подтипы акциональных СТК и их продуктивность

Субтипы	Языки			
[А] – [В]:	Немецкий	Английский	Русский	Украинский
1.Аффицированный объект – агенс	39 ед.	57 ед.	21 ед.	15 ед.
2.Аффицированный объект – средство	63 ед.	92 ед.	86 ед.	30 ед.
3. Аффицированный объект – место	54 ед.	49 ед.	31 ед.	16 ед.
4.Аффицированный объект – способ	27 ед.	16 ед.	–	–
5. Продукт – средство	3 ед.	5 ед.	25 ед.	17 ед.
6. Продукт – субстанция	2 ед.	–	–	–
7. Действие –место	71 ед.	67 ед.	42 ед.	16 ед.
8. Действие – агенс	122 ед.	126 ед.	87 ед.	118 ед.
9. Действие – аффицированный объект	23 ед.	4 ед.	34 ед.	49 ед. (III)
10. Действие – средство	87 ед.	123 ед.	190 ед.	191 ед.
11. Действие – способ действия	31 ед.	34 ед.	3 ед.	48 ед.
Всего:	522 ед.	573 ед.	519 ед.	500 ед.

Таблица 4

Подтипы партитивных СТК

Подтипы	Языки			
[А] – [В]:	Немецкий	Английский	Русский	Украинский
Целое-часть целого	453 ед.	453 ед.	75 ед.	98 ед.
Носитель признака – признак	165 ед.	101 ед.	92 ед.	57 ед.
Всего:	618 ед.	554 ед.	167 ед.	155 ед.

Таблица 5

Подтипы орнативных СТК

Подтипы	Языки			
[А] – [В]:	Немецкий	Английский	Русский	Украинский
Часть целого-целое	111 ед.	171 ед.	174 ед.	186 ед.
Признак-носитель признака	15 ед.	70 ед.	94 ед.	90 ед.
Всего:	126 ед.	241 ед.	268 ед.	276 ед.

Таблица 6

Семантические подтипы локативных СТК

Подтипы	Языки			
[А] – [В]:	Немецкий	Английский	Русский	Украинский
Локативно-ситуативные СТК:				
1. Место-величина/предмет	221 ед.	208 ед.	68 ед.	55 ед.
2. Место-агенс	32 ед.	18 ед.	8 ед.	8 ед.
3. Место-действие	11 ед.	1 ед.	10 ед.	38 ед.
Локативно-директивные СТК	9 ед.	11 ед.	2 ед.	3 ед.
Всего:	273 ед.	238 ед.	88 ед.	104 ед.

Таблица 7

Подтипы модальных СТК

Подтипы	Языки			
[А] – [В]:	Немецкий	Английский	Русский	Украинский
1. 'А является способом расположения В'	23 ед.	74 ед.	37 ед.	66 ед.
2. Способ/метод – производитель действия	9 ед.	14 ед.	–	–
3. А номинирует способ/метод действия В	50 ед.	11 ед.	45 ед.	29 ед.
4. Способ/метод – продукт	–	3 ед.	1 ед.	–
5. Способ/метод – аффицированный объект	15 ед.	–	13 ед.	2 ед.
Всего:	97 ед.	102 ед.	96 ед.	97 ед.

Таблица 8

Подтипы кондициональных СТК

Подтипы	Языки			
[А] – [В]:	Немецкий	Английский	Русский	Украинский
1. Условие – величина	11 ед.	32 ед.	35 ед.	10 ед.
2. Условие – действие	15 ед.	5 ед.	3 ед.	3 ед.
3. Условие – устройство	3 ед.	–	1 ед.	2 ед.
Всего:	29 ед.	37 ед.	39 ед.	15 ед.

Таблица 9

Подтипы инструментальных СТК

Подтипы	Языки			
[А] – [В]:	Немецкий	Английский	Русский	Украинский
1. Средство/инструмент – аффицированный объект	17 ед.	17 ед.	80 ед.	63 ед.
2. Средство - действие	12 ед.	–	30 ед.	15 ед.
Всего:	29 ед.	17 ед.	110 ед.	78 ед.

Таблица 10

Подтипы субстанциональных СТК

Подтипы	Языки			
[А] – [В]:	Немецкий	Английский	Русский	Украинский
1. Вещество – предмет, состоящий из данного вещества	–	4 ед.	2 ед.	2 ед.
2. Материал – продукт, изготов-ленный из данного материала	62 ед.	13 ед.	15 ед.	18 ед.
Всего:	62 ед.	17 ед.	17 ед.	20 ед.

Таблица 11

Семантические типы СТК-композигов и СТК-словосочетаний в немецком, английском, русском и украинском языках (%)

Семантический тип Подтипы [А] – [В]:	Языки			
	Немецкий	Английский	Русский	Украинский
1. Акциональный тип	522 ед. (27)	573 ед. (27)	519 ед. (35,4)	500 ед. (34,8)
1.1 Аффигированный объект – агент действия	39 ед.	57 ед.	21 ед.	15 ед.
1.2 Аффигированный объект – средство	63 ед.	92 ед.	86 ед.	30 ед.
1.3 Аффигированный объект – место	54 ед.	49 ед.	31 ед.	16 ед.
1.4 Аффигированный объект – параметр	27 ед.	16 ед.	–	–
1.5 Продукт – средство	3 ед.	5 ед.	25 ед.	17 ед.
1.6 Продукт – вещество	2 ед.	–	–	–
1.7 Действие – место	71 ед.	67 ед.	42 ед.	16 ед.
1.8 Действие – агент действия	122 ед.	126 ед.	87 ед.	118 ед.
1.9 Действие – аффигированный объект	23 ед.	4 ед.	34 ед.	49 ед.
1.10 Действие – прибор/ устройство, осуществляющие действие	87 ед.	123 ед.	190 ед.	191 ед.
1.11 Действие – образ действия	31 ед.	34 ед.	3 ед.	48 ед.
2. Партитивный тип	618 ед. (31,9)	554 ед. (26)	167 ед. (11,4)	155 ед. (11)
2.1 Целое – часть целого	453 ед.	453 ед.	75 ед.	98 ед.
2.2 Носитель признака – признак	165 ед.	101 ед.	92 ед.	57 ед.
3. Орнативный тип	126 ед. (6,5)	241 ед. (11,4)	268 ед. (18,3)	276 ед. (19,2)
3.1 Часть целого – целое	111 ед.	171 ед.	174 ед.	186 ед.
3.2 Признак – носитель признака	15 ед.	70 ед.	94 ед.	90 ед.
4. Локативный тип	264 ед. (13,6)	227 ед. (10,6)	86 ед. (5,9)	101 ед. (7)
4.1 Место – величина/ предмет	221 ед.	208 ед.	68 ед.	55 ед.
4.2 Место – агент	32 ед.	18 ед.	8 ед.	8 ед.
4.3 Место – действие	11 ед.	1 ед.	10 ед.	38 ед.

5. Эквативный тип: А/В идентифицирует или квалифицирует В/А	37 ед. (1,9)	59 ед. (2,8)	14 ед. (1)	16 ед. (1,1)
6. Модальный тип	97 ед. (5)	102 ед. (4,9)	96 ед. (6,5)	97 ед. (6,8)
6.1 Способ – величина, расположенная/существую– щая данным способом	23 ед.	74 ед.	37 ед.	76 ед.
6.2 Способ/метод – производитель действия	9 ед.	14 ед.	–	–
6.3 Способ/метод – действие	50 ед.	11 ед.	45 ед.	39 ед.
6.4 Способ/метод – продукт	–	3 ед.	11 ед.	–
6.5 Способ/метод – величина, на которую направлено действие	15 ед.	–	13 ед.	2 ед.
7. Кондициональные СТК	29 ед. (1,5)	37 ед. (1,7)	34 ед. (2,3)	10 ед. (0,7)
7.1 Условие – величина	11 ед.	33 ед.	30 ед.	5 ед.
7.2 Условие – действие	15 ед.	4 ед.	3 ед.	3 ед.
7.3 Условие – устройство	3 ед.	–	1 ед.	2 ед.
8. Инструментальный тип	29 ед. (1,5)	17 ед. (0,8)	110 ед. (7,5)	78 ед. (5,4)
8.1 Средство/инструмент – аффицированный объект	17 ед.	17 ед.	80 ед.	63 ед.
8.2 Средство – действие	12 ед.	–	30 ед.	15 ед.
9. Субстанциональный тип	62 ед. (3,2)	17 ед. (0,8)	17 ед. (1,1)	20 ед. (1,4)
9.1 Вещество – Величина, состоящая из этого вещества	–	4 ед.	2 ед.	2 ед.
9.2 Вещество – Продукт, изготавливаемый из него	62 ед.	13 ед.	15 ед.	18 ед.
10. Агентивный тип:	4 ед. (0,2)	30 ед. (1,4)	17 ед. (1,1)	10 ед. (0,7)
10.1 Агенс/агент – место	4 ед.	30 ед.	15 ед.	8 ед.
10.2 Агенс – действие	–	–	2 ед.	2 ед.
11. Компаративный тип: А/В подобно/является таким как А/В	40 ед. (2,1)	8 ед. (0,3)	3 ед. (0,2)	–
12. Фигуративный тип: А выражает форму существования величины В	6 ед. (0,3)	20 ед. (0,9)	1 ед. (0,1)	1 ед. (0,1)

13. Референциальный тип	27 ед. (1,4)	—	6 ед. (0,4)	4 ед. (0,2)
13.1 А – область/сфера, к которой имеет отношение базовая величина В	24 ед.	—	6 ед.	4 ед.
13.2 А – тема/содержание; В – форма выражения	3 ед.	—	—	—
14. Посессивный тип: А – является владельцем В (предмет/объект обладания)	2 ед. (0,1)	—	—	—
15. Конституциональный тип: А является составной частью/элементом собирательной величины В	5 ед. (0,2)	—	1 ед. (0,1)	1 ед. (0,1)
16. Темпоральный тип: А – время использования предмета В	2 ед. (0,1)	3 ед. (0,1)	—	—
17. СТК с адъективным зависимым компонентом	68 ед. (3,5)	240 ед. (11,3)	128 ед. (8,7)	166 ед. (11,5)
17.1 Чисто–модификативный субтип	46 ед.	36 ед.	13 ед.	32 ед.
17.2 Аскриптивный тип	22 ед.	204 ед.	115 ед.	134 ед.
Всего:	1936 ед. (100)	2128 ед. (100)	1467 ед. (100)	1435 ед. (100)